

АНТОНИО
ПЕЗЕНТИ

УНИВЕРСИТЕТЫ
ЖИЗНИ

Wall School 1908

1907
L. Schickel
L. Schickel

ANTONIO
PESENTI

LA CATTEDRA
E IL BUGLIOLO

Antonio Pesenti

АНТониО
ПЕЗЕНТИ

УНИВЕРСИТЕТЫ
ЖИЗНИ

БОРЬБА АНТИФАШИСТА

Москва
Издательство
политической
литературы
1977

Сокращенный перевод с итальянского
А. А. ВЕСЕЛИЦКОГО

Пезенти А.

- П24** Университеты жизни. Борьба антифашиста.
Сокр. пер. с итал. М., Политиздат, 1977.
231 с., 1 л. портр.

Антонио Пезенти (1910—1973) — крупный итальянский ученый-экономист, автор одного из лучших учебников политекономии, изданных в капиталистических странах. С юношеских лет он становится антифашистом. В 1936 году Особый трибунал приговаривает его к 24 годам тюремного заключения. В тюрьме, где А. Пезенти провел 8 лет, он становится коммунистом. После освобождения А. Пезенти — заместитель министра финансов, министр финансов, депутат парламента, сенатор. С 1946 года до конца жизни — член ЦК ИКП.

Воспоминания А. Пезенти охватывают период с 1921 по 1945 год. Насыщенные интересными фактическими данными, они представляют собой еще одну страницу яркой и героической истории итальянского рабочего и коммунистического движения.

П $\frac{11101-178}{079(02)-77}$ 234—76

ЗКИ1(092)

© «La Pietra», Milano, 1972
© Перевод на русский язык
Предисловие
ПОЛИТИЗДАТ, 1977 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди довольно богатой мемуарной литературы участников коммунистического движения в Италии воспоминания итальянского коммуниста Антонио Пезенти стоят несколько особняком.

В самом деле, большинство воспоминаний ветеранов коммунистического движения написаны профессиональными революционерами, рабочими, активными участниками крупных событий в жизни страны и партии. В них много места занимает организационная и политическая работа коммунистов среди трудящихся масс, поскольку сама их деятельность состояла прежде всего в партийно-организационной или массовой работе. И это вполне закономерно, так как деятельность революционера неотделима от движения масс и развития самой партии. Она, однако, не исчерпывается этим. Совместными усилиями своих членов партия вырабатывает политическую линию и тактику, а для этого необходимо, чтобы революционная организация располагала также и крупными интеллектуальными силами, могла самостоятельно анализировать и изучать самые разные стороны экономической, политической и культурной жизни и на этой основе предпринимать те или иные конкретные шаги. Партия должна быть, по выражению Антонио Грамши, «коллективным интеллигентом».

Во всех коммунистических партиях мира наряду с рабочими и крестьянами активно работают интеллигенты, люди, посвятившие свою жизнь преимущественно умственному труду и вставшие при этом на политические позиции рабочего класса. Антонио Пезенти и является одним из таких интеллигентов. Крупный экономист, он сложным путем пришел в Итальянскую коммунистическую партию, сыграв важную роль в вы-

работке экономической политики партии на разных этапах развития страны. А. Пезенти занимал видное место среди той значительной прослойки партийной интеллигенции, которой располагает Итальянская компартия.

Антонио Пезенти родился 15 октября 1910 года в городе Вероне, на севере Италии, в семье мелкого государственного служащего. Формирование его личности проходило как раз в те годы, когда фашистский режим, преодолевая сопротивление трудящихся масс и прогрессивных сил, постепенно упрочивал свое положение.

В условиях экономической разрухи и острых социальных противоречий, сложившихся в Италии по окончании первой мировой войны («большой войны», как ее и сейчас называют в Италии), фашизм зародился как движение разнородных групп и течений, общим для которых было острое недовольство своим положением. Первоначально главными составными частями фашистского движения были бывшие солдаты и особенно офицеры-фронтовики, не получившие возможности включиться в мирную жизнь из-за тяжелой экономической обстановки и близорукой политики правительства, и так называемые националисты, то есть группы средней и мелкой буржуазии, активно толкавшие страну на участие в войне, но не получившие от нее того, на что надеялись. С самого начала в фашистском движении была значительная доля социальной демагогии, привнесенной в него авантюристами, ранее примыкавшими к Итальянской социалистической партии (ИСП), вроде самого Муссолини, исключенного в 1914 году из ИСП за пропаганду в пользу вступления Италии в войну. И хотя само слово «фашизм» происходит от названия сицилийских «крестьянских союзов» («фаши сичилиани»), существовавших на этом острове на рубеже XX века, развилось движение и стало крупной силой первоначально за счет мелкой и средней городской буржуазии Севера Италии. Первые «боевые отряды» организуются в городах в марте 1920 года. Но фашистское движение стало массовым и опасным только с того момента, когда на него обратила внимание крупная итальянская буржуазия, использовавшая его как силу для подавления выступлений итальянского пролетариата.

К тому моменту, когда Пезенти включился в политическую борьбу, фашисты уже были правящей партией.

В октябре 1922 года король поручил формирование кабинета министров Муссолини, хотя на выборах 1919 года его партия едва собрала 5% голосов, а сам Муссолини не прошел в парламент. Лишь включение его партии в правый блок дало ей возможность в 1921 году провести в парламент 35 своих депутатов (из 527 мест). Угроза фашизма, даже после его прихода к власти, недооценивалась всеми политическими силами страны. Поддержка его крупным капиталом еще не была очевидной. Распространилось мнение, что правительство Муссолини лишь эпизод в бурной послевоенной истории Италии. Однако довольно быстро правительство Муссолини смогло привлечь к себе симпатии и получить поддержку широких слоев мелкой и средней городской буржуазии, которая увидела в нем наконец правительство, способное «навести порядок» и прекратить социальные волнения и выступления трудящихся.

Какие же политические силы противостояли в ту пору фашизму? Это были партии рабочего класса — социалистическая и коммунистическая — и Народная партия, проводившая работу среди крестьян и отчасти средних городских слоев. Основанная вскоре после войны, Народная партия в идеологическом отношении ориентировалась на католицизм, а в повседневной деятельности широко опиралась на церковь и христианские профсоюзы. Опорой Народной партии были католические учебные заведения и школы, весьма многочисленные в ту пору.

Католический характер Народной партии давал ей бесспорные преимущества в деревне, среди крестьян, тем более что, исключая две-три области Северной Италии и Тоскану, социалистическое движение практически отсутствовало в деревне и у Народной партии там не было политического противника. Деревня и дала этой партии 100 парламентских мандатов в 1919 году и 105 в 1921-м.

Итальянская социалистическая партия в послевоенный период была крупной и массовой политической силой. На выборах 1919 года она получила 156 мандатов, став тем самым первой политической партией стра-

ны (у власти находился блок партий). Однако в сложных условиях послевоенных лет руководство социалистической партии оказалось неспособным выработать четкий политический курс и все больше утрачивало контроль над событиями.

Итальянская социалистическая партия, одна из самых левых в Западной Европе, наиболее последовательно стояла на антивоенных позициях, ее представители участвовали в интернационалистских конференциях в Циммервальде и Кинтале, и Ленин называл ее «счастливым исключением для II Интернационала»¹. Но в партии была очень сильна доктринерская и сектантская линия, сложившаяся, в частности, под влиянием традиций анархизма. Осуждение войны приняло в социалистической партии — во всяком случае, в ее официальной политике — характер также и осуждения всех тех, кто в этой войне участвовал. Тем самым ИСП оттолкнула от себя после войны массы бывших фронтовиков. Эта ошибка имела своими корнями также и отрицательное по сути своей отношение к крестьянским массам, столь свойственное социал-демократическому движению в целом. У ИСП не было сколько-нибудь продуманной аграрной политики, поэтому больше половины населения Италии, и притом населения трудящегося, живущего в исключительно тяжелых условиях, вообще выпадало из поля зрения социалистов. Этот слой населения возглавила Народная партия, но возглавила ради сохранения и упрочения власти крупной буржуазии и капиталистических аграриев.

Зато в рабочем движении социалисты имели прочные позиции. Под их руководством находилась мощная Всеобщая конфедерация труда, они возглавляли более 2 тысяч муниципалитетов (из 8 тысяч имевшихся в Италии), опирались на другие массовые организации. Но и здесь партия не имела единой линии и твердого руководства.

В социалистической партии было значительное реформистское крыло, выступавшее за постепенное улучшение условий жизни рабочего класса в рамках капиталистического строя. Это течение фактически контролировало профсоюзы. Имелось и несколько левых течений, ратовавших за революционную борьбу, хотя

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 115.

между ними не было согласия в отношении методов и путей такой борьбы. Главное же течение в партии — так называемые максималисты представляли собой своеобразную комбинацию революционности на словах и почти полного отсутствия конкретного дела. Это были сторонники «программы-максимум», то есть совершения полной социалистической революции, но... как только для этого сложатся благоприятные обстоятельства. Поэтому при каждом новом обострении обстановки руководство максималистов пускалось в рассуждения, считать ли данное событие тем «днем X», когда надлежит совершить социалистическую революцию, или нет, а затем обращалось к рабочим с призывом проявить сдержанность и терпение, чтобы сохранить силы до следующего удобного случая, когда и произойдет наконец революция. Результатом такой политики явилась политическая дезориентация масс, ставшая особенно очевидной после поражения широкого движения за занятие фабрик в сентябре 1920 года. Левое течение во главе с Грамши (в него входил и Тольятти) выступило за то, чтобы социалистическая партия руководила этим движением, выдвинув ясные политические цели, но максималисты опять ушли в сторону.

Левые группировки социалистической партии приняли попытку воссоздать руководящий центр рабочего движения в Италии, основав в январе 1921 года Коммунистическую партию Италии (КПИ). Максималисты остались в социалистической партии вместе с реформистами. Только что возникшая коммунистическая партия насчитывала немногим более 5 тысяч человек, главным образом в рабочих районах Севера.

Однако главная слабость Коммунистической партии Италии в первые годы ее жизни заключалась не в ее малочисленности — ряды КПИ начали расти довольно быстро, и в 1921 году она получила 15 мандатов в парламенте, — а в отсутствии у нее правильной политической линии. Господствующей в новой партии оказалась группа Бордиги. Сам он был весьма известным деятелем социалистической партии, представителем решительного крыла, а главное — его группа располагала организацией почти на всей территории страны. Группа Грамши, хотя и не была согласна с тактической линией Бордиги, активно помогала ему в создании партии, справедливо полагая, что на начальном

этапе главная задача состояла как раз в создании партии как действующей политической организации.

Однако вскоре стало очевидным, что линия Бордиги вступает в противоречие и с самой задачей построения и расширения партии. Бордига, поверхностно знакомый с марксизмом и однобоко толковавший опыт большевистской партии, старался превратить партию, по сути дела, в полувоенную организацию с жесткой дисциплиной и своим личным неограниченным руководством. По сути дела, Бордига был такой же доктринер и схоласт, как и максималисты, он тоже ждал «дня X» и считал главной задачей партии готовиться к этому дню, чтобы возглавить революцию. Бордига полностью отрицал роль масс, рассматривал демократию как главного врага революции. Он не делал практически ничего для расширения влияния компартии даже среди рабочего класса. Крестьянство же он полностью сбрасывал со счетов и совершенно не желал замечать мелкой городской буржуазии. С точки зрения Бордиги, фашизм ничем не отличался от буржуазной парламентской демократии; он даже утверждал, что, чем более открытой будет диктатура буржуазии, тем якобы скорее наступит пролетарская революция: «чем хуже, тем лучше». Бордига отклонял все советы и указания о работе в массах, которые исходили от Ленина и Коминтерна. Он был против участия партии в парламентских и других выборах, презрительно относился к деятельности профсоюзов. И все это в условиях, когда партия находилась на полулегальном положении из-за постоянных преследований.

Группа Антонио Грамши выступила против бесплодной линии Бордиги, грозившей привести к полному отрыву партии от масс и к ее ликвидации. Руководство Коминтерна поддержало Грамши. В июле 1923 года по решению Коминтерна было создано новое руководство КПИ во главе с Грамши. Новое руководство компартии взяло курс на расширение работы партии в массах, на завоевание решающего влияния в рабочем классе путем руководства его повседневной борьбой. Решение проблем итальянской революции Грамши видел в том, чтобы вовлечь в революционное движение крестьянство, прежде всего крестьянство Юга Италии, под руководством рабочего класса. Изменение политической линии позволило Компартии Ита-

ли быстро завоевать значительное влияние в рабочем и демократическом движении страны. На выборах 1924 года она, в условиях фашистского произвола, провела в парламент 19 своих депутатов (социалисты — 46 и Народная партия — 39).

В мае 1924 года социалист Маттеотти выступил в парламенте — где благодаря мошенническому избирательному закону фашисты уже имели большинство — с разоблачениями злоупотреблений и насилий фашистов. Через несколько дней он был убит фашистами. Реакция общественного мнения страны была исключительно сильной, партии оппозиции — включая правые буржуазные — отказались от дальнейшего участия в работе парламента. Коммунисты предлагали активное совместное выступление против фашизма и обращение к массам, но буржуазные политики, как и социалисты, предпочли уповать на выступление короля, которое так и не последовало. Пережив этот самый серьезный для себя политический кризис, фашистский режим в 1925—1926 годах ввел чрезвычайные законы, запретил все политические партии. С этого времени в Италии продолжали действовать только организованные группы коммунистов, тогда как все другие партии прекратили свою активность внутри страны, создав лишь небольшие комитеты за границей, прежде всего во Франции.

Первоначально в силу ряда причин отрицательно отнеслась к фашизму и католическая церковь. Ватикан по инерции продолжал проявлять враждебность к итальянскому государству, возникшую после ликвидации светской власти папы. К тому же у фашистов были некоторые антиклерикальные лозунги, позаимствованные из арсенала мелкобуржуазных радикалов. Однако, начав с антикапиталистических и антипомещичьих громких фраз, фашизм быстро перешел в услужение крупному капиталу и помещичьему землевладению. Экономические меры, принимавшиеся фашистским правительством, были выгодны этим двум слоям итальянского господствующего класса, и постепенно критика фашистского режима католической церковью стала смягчаться. Уже в период убийства Маттеотти голоса Ватикана не было слышно среди единодушного хора морального осуждения фашизма. Дело шло к примирению и союзу между Ватиканом и фашизмом, что и было оформлено заключением в 1929 году в папском

дворце Латерано соглашений между папой Пием XI, известным своими крайне реакционными взглядами, и правительством Муссолини. В последовавшем в 1931—1932 годах конфликте из-за попыток церкви развернуть самостоятельную деятельность массовых организаций «Католического действия» фашизм одержал полную победу. Теперь фашистский режим устранил своего последнего массового оппонента и, более того, получил возможность прямо опираться на католическую церковь в своих усилиях по привлечению на свою сторону большинства итальянского населения.

Для всех слоев и профессий создаются организации, вступление в которые делается, по сути дела, обязательным под угрозой отстранения от занятия данной профессией. Возникают и усиливаются фашистские профсоюзы, молодежные, женские, детские, культурные организации, фашистские союзы служащих, преподавателей, судей и т. д. Сцементировать все это здание пытаются национализмом, смешанным с примитивной социальной демагогией. Сочетание экономического принуждения, особенно сильно действующего в период великого кризиса 1929—1933 годов, и безудержного национализма, обещающего «бедной итальянской нации» золотые горы, привело в середине 30-х годов к тому, что большинство населения приняло фашизм как энергичную форму защиты ложно понятых национальных интересов. Пезенти обращает на это внимание в своих воспоминаниях.

Но борьба против фашизма как террористической диктатуры крупного капитала продолжается, в том числе и внутри страны. Наиболее активно ведут ее коммунисты. Вслед за сменой руководства на сторону новой тактики единства сил трудящихся, всех прогрессивных течений в антифашистской борьбе постепенно завоевываются руководители среднего и низшего звена, рядовые члены партии. Эта важная эволюция коммунистической партии проходит в условиях непрерывного фашистского и полицейского террора и преследований.

Десятки и сотни коммунистов ежегодно подвергаются арестам и предстают перед инсценированным судом Особого трибунала, большинство из них — рабочие и крестьяне, но и интеллигенты составляют около 25%. Среди 5155 человек, осужденных этим откровенно террористическим органом, коммунисты составляют 85%;

приговоры становятся все более жестокими, и практически все реже в них фигурирует цифра менее 20 лет. Среди 10 тысяч сосланных 8 тысяч коммунистов. Тем не менее компартия упорно воссоздает руководящие органы в местном и национальном масштабе, вновь и вновь выпускает свои подпольные издания, устанавливает связи с оппозиционными режиму группами. Аресты приводят к появлению нового поколения партийных руководителей, уже не тяготеющих к сектантству первых лет деятельности партии. Начиная с 1930 года Коммунистическая партия Италии непрерывно направляет в страну все новых и новых руководителей, которые ценой тяжелых жертв создают разветвленную сеть партийных организаций и групп сочувствующих. Компартия продолжает оставаться реальной политической силой и в этих чрезвычайно трудных условиях борьбы.

С расширением социальной базы фашизма для коммунистов открылась возможность работать внутри фашистских организаций. Если раньше основной водораздел пролегал между фашистом и нефашистом, то теперь эта граница стала постепенно и все более явно проходить между рядовым членом многочисленных фашистских организаций и иерархом фашистской партии, крупным капиталистом, какими почти все они тем временем стали. С полным основанием руководство Коммунистической партии Италии и Коминтерн приняли решение о развертывании массовой работы коммунистов в широких фашистских организациях. Примерно в это время Пальмиро Тольятти сформулировал новую линию коммунистической партии: *«Наш долг — вступить в эти организации и организовать в них борьбу за наши принципы»*¹. Коммунисты смело обращались к рядовым членам фашистской организации, обсуждая с ними насущные проблемы того класса, к которому они принадлежали, и предлагали им те решения, которые выработала компартия. На скамью подсудимых все чаще стали попадать даже активные члены фашистского движения, прежде всего те, кто всерьез воспринял социальную демагогию фашистской пропаганды. Создав себе массовую базу, итальянский фашизм предопределил свою слабость. С провалом внешнеполитических авантюр, наряду с неспособностью решить

¹ Пальмиро Тольятти. Лекции о фашизме. М., 1974, стр. 136.

дома острые социальные проблемы, в которых были заинтересованы члены его массовых организаций, он стал быстро терять доверие.

Разрастание противоречий внутри фашизма создало определенный простор для деятельности и других политических партий помимо коммунистов. В частности, стали вновь возникать социалистические группы внутри страны.

Пезенти весьма красноречиво — красноречием фактов — описывает то фиаско, которое он потерпел в своих попытках опереться на деятельность и авторитет так называемых исторических вождей итальянского социалистического движения. Одни из них никак не могли избавиться от довоенных предрассудков и предвзятых мнений, особенно в отношении коммунистов; другие все еще были склонны выжидать, когда наступит благоприятный момент, чтобы возглавить движение незнательных масс.

В отличие от них созданный в Милане по инициативе Родольфо Моранди и Лучо Луццатто социалистический центр был совершенно новым явлением в условиях фашистской Италии. Молодые социалисты не только были сторонниками сотрудничества с коммунистами и единства действий всех демократических сил, но и считали необходимым прочно опираться на массы, а не использовать массы в качестве лишь избирательного трамплина для партийных лидеров. Миланская группа работала над расширением своей массовой базы среди промышленных рабочих. После освобождения Италии от фашизма ее руководители были в числе тех в социалистической партии, кто выступал за быстрое объединение с коммунистами, за постоянное единство действий с ними, кто стремился к превращению социалистической партии в действительно боевую организацию рабочего класса и всех трудящихся.

Фашистский режим, как явствует из официальных документов того времени, был весьма обеспокоен как развертыванием коммунистической пропаганды и деятельности в фашистских организациях, так и появлением помимо коммунистов новых центров политического сопротивления. Реальным становился процесс объединения коммунистов, социалистов и других оппозиционеров фашизму, начало которому было положено заключением в 1934 году пакта о единстве действий

между коммунистической и социалистической партиями. Что касается личной судьбы автора этих воспоминаний, то Пезенти был вскоре обнаружен полицией, арестован и приговорен к 24 годам тюремного заключения. Из них он отбыл около 8 лет — по большей части в тюремной больнице. Жестокость тюремщиков, отказавших ему в переводе в тюрьму для больных или в ссылке на острова, объясняется как раз тем, что для них Пезенти был новой и поэтому особенно опасной разновидностью противника, живым олицетворением единства действий и союза коммунистов и социалистов. Едва ли может быть сомнение, что для него — больно-го астмой — приговор к длительному тюремному заключению был равносителен смертному приговору; и только освобождение, наступившее в результате краха фашизма, спасло ему жизнь.

Через все воспоминания А. Пезенти красной нитью проходит мысль о той выдающейся роли, которую сыграл Советский Союз в судьбе каждого коммуниста и итальянского рабочего движения в целом. С большой теплотой он вспоминает о том, как праздновалась ежегодно годовщина Октябрьской революции. Эта традиция сохранялась даже в условиях тюрьмы. Веры в СССР, в его большевистскую партию, отмечает А. Пезенти, ничто не могло сломить. «Агрессия Германии против СССР вселила в нас уверенность, что ход истории ускорился и что нацизм будет разбит окончательно. Эта уверенность была настолько глубокой, что даже первые победы гитлеровцев, о которых надзиратели с удовольствием сообщали нам, не поколебали ее, хотя и были восприняты нами с глубокой болью».

В тюрьме Антонио Пезенти стал членом коммунистической партии.

С падением фашистского режима постепенно началось освобождение политических заключенных, но шло оно на редкость медленно. Тому были свои причины.

Правительство Муссолини было свергнуто в результате дворцового переворота по инициативе королевского окружения. Цель этого шага состояла в том, чтобы избавиться от потерпевшего полное банкротство правительства, но сохранить реакционный политический строй. В планы короля и нового правительства маршала Бадольо отнюдь не входили ни демократизация режима, ни восстановление демократических сво-

бод и прав в стране. Эти настроения вполне совпадали с точкой зрения западных держав на будущее итальянского государства: оккупационные власти союзников делали все, что было в их силах, чтобы сохранить реакционную основу режима в Италии. Но дворцовый переворот запоздал, развитие событий диктовалось уже не из королевского дворца.

За те 8 лет, что Пезенти провел в тюрьме, почти в полной изоляции от демократического движения, в стране произошли огромные перемены. От бывшего увлечения населения фашизмом не осталось и следа. Уже гражданская война в Испании, в которой итальянцы принимали активное участие по обе стороны фронта, сбила с фашизма мишуру «великой побеждающей силы». Казалось, что первые годы второй мировой войны вновь создадут благоприятную для фашизма атмосферу. Однако постоянный рост цен, нехватка продуктов и непонятная населению и противоречившая его настроениям посылка итальянских войск в далекую и всегда бывшую дружественной Италии Россию, разгром и гибель итальянской армии на Дону окончательно подорвали престиж правительства Муссолини. Затем последовала высадка союзников — сначала в Сицилии, а вскоре и на континенте.

К концу своего существования режим Муссолини не имел поддержки ни у одного слоя населения. Рабочий класс отвернулся от фашизма уже в 1936—1937 годах, за ним последовало крестьянство. Дольше других сохраняли свою поддержку режиму средние городские слои. Но быстрое ухудшение экономического положения, огромные военные потери и бесперспективность дальнейшего правления Муссолини привели к отходу от правительства и этих слоев. Даже крупная итальянская буржуазия — промышленная и аграрная — убедилась, что режим Муссолини был не способен обеспечить ей получение высоких прибылей, а все более четко вырисовывавшееся военное поражение предвещало итальянской буржуазии потерю для нее мировых рынков. Для старого дворянства и короля правительство Муссолини тоже стало обузой, оно грозило увлечь в своем падении и саму монархию. Все эти настроения находили отражение и внутри фашистской партии, часть руководителей которой приняла участие в заговоре.

Результат свержения правительства Муссолини был, однако, иным, чем на это рассчитывало королевское окружение. Фашизм уже настолько прогнил, что рухнул сразу же; и никакие попытки спасти его не могли иметь ни малейшего успеха. В истории, видимо, трудно найти примеры более быстрого и полного развала, казалось бы, столь сильной государственной машины.

Под давлением масс пришлось пойти на роспуск фашистской партии, на изменение многих институтов власти, но политические заключенные до последней возможности оставались в тюрьмах и в ссылке. Ничего не делалось и для защиты страны от неминуемой попытки немецкой оккупации. Когда стало ясно, что правительство Бадольо более не контролирует положения, королевский двор, правительство и военное командование попросту сбежали из Рима на Юг — сначала в Бриндизи, потом в Салерно — под крылышко войск союзников, бросив страну на произвол немецких оккупантов.

С сентября 1943 года началась национально-освободительная война итальянского народа против немецких оккупантов и их итальянских прихвостней. Эта борьба была подготовлена годами подпольной деятельности демократических сил, прежде всего коммунистов, которая нарастала по мере отхода от фашизма масс итальянского населения. Вооруженное сопротивление немцам приняло почти сразу же массовые масштабы и продолжалось до полного освобождения Италии в начале мая 1945 года. Общее число участников вооруженной борьбы достигло 350 тысяч человек, в боях погибло более 76 тысяч патриотов, из них более половины были коммунистами.

В ходе антигитлеровской и антифашистской вооруженной борьбы сложился широкий союз демократических сил, включавший коммунистов, социалистов, леворадикальную мелкобуржуазную Партию действия, республиканцев, христианских демократов и либералов. Эти партии создали Комитеты национального освобождения (КНО) на оккупированной территории, которые фактически стали местными органами власти. Общее руководство Спротивлением осуществлял Комитет национального освобождения Северной Италии (КНОСИ) в составе представителей тех же партий.

КНОСИ принял совместную программу вооруженной борьбы за освобождение страны и высказался в общей форме за необходимость демократизации Италии в послевоенный период, хотя уже тогда разные социальные силы по-разному представляли себе будущее страны.

Виновность короля Виктора Эммануила III в приходе к власти фашизма и в постигших Италию несчастьях была слишком очевидна. Левые политические партии требовали ликвидации монархии, тогда как умеренное крыло настаивало лишь на отречении короля, с тем чтобы вопрос о монархии был решен после войны. Вокруг этой проблемы завязалась острая и сложная политическая борьба. При поддержке Черчилля король отказался отречься. Он был под защитой союзников, а осмелевшие реакционные и консервативные силы быстро сплачивались вокруг короны. КНО Северной Италии не мог эффективно воздействовать на ход событий в «Южном королевстве», как тогда называли занятую союзниками часть Италии.

Организации коммунистической партии были на Юге малочисленны и слабы. Большая часть руководителей национального масштаба находилась на Севере. Сказывалось и неумение многих коммунистов быстро перейти от условий подпольной работы к открытым действиям среди масс. В этих условиях руководство компартии Южной Италии не смогло выступить против радикальных требований социалистов и Партии действия о ликвидации монархии прежде всего: среди самих коммунистов была широко распространена уверенность в правильности этого требования. Велио Спано, сам Пезенти и другие руководители партии чувствовали, что положение заходит в тупик, а демократические партии теряют инициативу, но не могли еще найти новую политическую линию в этой сложной и необычной обстановке.

Такая линия была выдвинута Пальмиро Тольятти, который, проделав сложный и длительный путь через Алжир, вернулся в Италию из Советского Союза в конце марта 1944 года. В первом же своем выступлении перед активом партии в Салерно, где тогда помещалось правительство, Тольятти обратился ко всем политическим силам с призывом отложить на послевоенный период вопрос о монархии, глубоко разделивший политические партии, сосредоточить все усилия на мо-

билизации страны для активного участия в освободительной войне и для этой цели расширить состав правительства Бадольо таким образом, чтобы в него вошли представители всех партий, составлявших Комитет национального освобождения. Эта линия, получившая название в истории «поворота в Салерно», была в течение нескольких дней принята организациями коммунистической партии как на Юге, так и на Севере страны, а также всеми антифашистскими партиями. Союзным властям не оставалось ничего иного, как согласиться с таким решением.

Значение «поворота в Салерно» состояло прежде всего в том, что это решение обеспечило восстановление и укрепление единства всех антифашистских сил в освободительной войне и в движении Сопротивления. Оно предотвратило превращение королевского двора в сильный центр реакции, отстранило от руководства Югом Италии наиболее консервативные силы. Для коммунистической же партии, уже игравшей руководящую роль на Севере, «поворот в Салерно» обеспечил ее превращение в крупную национальную политическую силу, активное участие которой и видное место в управлении страной было сразу же признано всеми другими политическими силами. В течение более трех лет Итальянская коммунистическая партия имела своих представителей в правительстве и внесла огромный вклад в создание послевоенного государственного и общественного устройства Италии.

Для проведения новой политики широких союзов и активного участия в решении судеб страны была нужна массовая партия, к созданию которой и приступили итальянские коммунисты. Но в равной мере было необходимо и быстро найти коммунистов-специалистов, способных со знанием дела занять видные государственные посты и действительно участвовать в решении государственных вопросов. Антонио Пезенти, мало знакомый с массовой работой и по складу характера не умевший выступать на митингах, как нельзя лучше подходил для государственной работы, тем более на таком специализированном посту, как министерство финансов. Он был назначен заместителем министра, а затем министром финансов Королевства Италии.

Итак, с 22 апреля 1944 года в правительство, возглавляемое по-прежнему Бадольо, монархистом твер-

дых реакционных убеждений, входят в качестве его заместителей руководители всех антифашистских партий, в том числе Пальмиро Тольятти от коммунистической партии, за несколько месяцев сделавшейся уже массовой и влиятельной организацией. Пост министра сельского хозяйства занял старый коммунист Фаусто Гулло, заместителем военного министра назначен коммунист Марио Палермо. Другими словами, коммунисты оказываются на руководящих постах в трех важных для мобилизации усилий на войну министерствах: по производству продовольствия, по использованию денежных средств и по организации вооруженных сил.

Министерские посты важны не только потому, что они дают возможность следить за ходом дел и влиять на него в интересах народа, но и в принципиальном смысле: коммунисты управляют национальными делами, причем управляют так, что престиж партии непрерывно растет.

Укрепление демократических сил вскоре ставит в повестку дня вопрос о создании нового правительства. Бадольо уходит в отставку, его место занимает видный умеренный деятель дофашистского периода Иваноэ Бономи. Участие коммунистов, прошедших первую проверку на правительственных должностях, существенно расширяется. Тольятти получает пост министра без портфеля. Один из опытных руководителей коммунистической партии — Мауро Скоччимарро занимает вновь созданный пост министра по делам оккупированной части Италии, в его компетенцию входит связь с КНО Северной Италии. Пезенти становится министром финансов. Три коммуниста получают посты заместителей министров.

Выполняя линию партии, Пезенти в качестве министра финансов предложил в начале 1945 года произвести обмен денег. Это дало бы возможность приостановить инфляцию, а главное — нанести сильнейший удар по состояниям и капиталам, незаконно накопленным в годы фашизма и войны, пресечь спекуляцию. По настоянию союзников денежная реформа была отложена до окончания войны, но затем все консервативные силы Италии объединились для ее предотвращения. Дело дошло даже до похищения уже изготовленных клише новых денег. С удалением коммунистов из правительства в мае 1947 года проект денежной реформы

был окончательно похоронен. В целях повышения производства, что было жизненно необходимо на заключительном этапе освободительной войны и в годы послевоенного восстановления, по инициативе коммунистов министерство финансов подготовило декрет о налоговых льготах мелким и средним предпринимателям и о государственном финансировании восстановления ряда предприятий. Мелкобуржуазные доктринеры из социалистической партии и Партии действия восприняли это чуть ли не как предательство пролетарских интересов, но население страны встретило эти финансовые меры положительно.

С окончанием войны, при создании кабинета Парри, Антонио Пезенти покидает правительственный пост, желая посвятить себя преподаванию. Вместо него министром финансов становится Скокчимарро, а Пезенти помимо кафедры политической экономии в университете города Пизы, где он проработал до конца своих дней, получает ряд важных партийных поручений. На V съезде ИКП, состоявшемся в декабре 1945 года — январе 1946 года, он избирается в состав Центрального Комитета партии. Еще раньше он становится бессменным членом Экономической комиссии при Руководстве партии, эта комиссия разрабатывает политику партии в области экономического управления страной и по социально-экономическим вопросам. Пезенти — член Консультативного совета, составленного из виднейших деятелей антифашистских партий и временно заменяющего парламент. В 1946 году он избирается в Учредительное собрание, активно участвует в выработке итальянской конституции. Затем становится депутатом парламента первого созыва, а с 1953 по 1968 год был сенатором от избирательного округа своего родного города Вероны.

Участвуя во всей экономической работе партии, Антонио Пезенти особенно много сил и внимания уделяет марксистской подготовке молодого поколения, будучи одним из первых преподавателей-марксистов в итальянских университетах. Контингент студентов — выходцев из трудящихся классов рос в Италии довольно медленно, но Пезенти находит возможность работать с любым студенческим составом. Его авторитет крупного специалиста в современных экономических учениях помогал ему успешно продвигать марксистскую полити-

ческую экономию в практику повседневного преподавания на экономических факультетах итальянских университетов. Свой курс Пезенти всегда строил как постоянную дискуссию марксиста с другими экономическими учениями. Под этим углом зрения он рассматривал основные понятия и категории политической экономии, подвергал анализу старые и новые буржуазные экономические теории. Он никогда не был схоластом и догматиком, всегда конкретно подходил к новым явлениям в политэкономической науке. Он широко использовал работы советских ученых и марксистов других стран. В 60-х годах Антонио Пезенти свел свои лекции в два объемистых тома, которые получили широкое признание не только в Италии, но и за границей, как один из самых современных, популярных и вместе с тем строго научных курсов политической экономии капитализма и империализма. Эта книга в 1976 году издана в Советском Союзе под названием «Очерки политической экономии капитализма» и встретила большой интерес советской научной и преподавательской общественности.

Антонио Пезенти умер 14 февраля 1973 года на 63-м году жизни, в расцвете творческих сил: сказались тяжелые тюремные годы. Но он оставил коммунистической партии и всей демократической Италии воспитанные им кадры экономистов-марксистов. Память об Антонио Пезенти сохраняется и в тех конкретных позициях по экономическим вопросам, которые разрабатывала и разрабатывает Итальянская коммунистическая партия.

Предлагаемые советскому читателю воспоминания Пезенти — еще одна страница яркой и героической истории итальянского рабочего и коммунистического движения.

С. И. ДОРОФЕЕВ

ЧАСТЬ I

НАЧАЛО БОРЬБЫ

ПЕРВЫЕ РЕШЕНИЯ

Улица Ломбарди, на которой я жил в Тревизо 50 лет назад, была небольшой и тихой. Слегка изгибаясь посредине, она расширялась к концу и образовывала что-то вроде площади, от которой расходились другие улицы.

В те времена она казалась мне огромной. Сейчас я знаю, что это не так. И все же в моей памяти она остается такой, какой я видел ее в детстве. Впрочем, не только я. Огромной считали ее все жившие там ребята — сыновья служащих и ремесленников. Улица была местом наших игр, споров, драк. Сюда выходила задняя стена театра имени Гарибальди, и из окон своей комнаты мне были видны грим-уборные актеров. Когда какая-нибудь труппа задерживалась в городе на длительное время, дети актеров присоединялись к нам и рассказывали о своей жизни, наполненной переездами. Им нравилось бывать у нас в гостях. Привлеченные домашним уютом, они с удовольствием играли с нами допоздна, особенно в душные вечера. Так было и 13 июля 1921 года.

В 11 часов вечера я лег спать. Но вдруг летнюю тишину нарушили шум и крики толпы. Я выглянул в окно и увидел фашистов, занимавших улицу. Для меня это не было неожиданностью: как и все в городе, я знал об их угрозе «преподать урок» республиканцам¹. Отряды фашистов из Падуи, Венеции и других городов этой ночью собрались вместе, чтобы разрушить здание, где помещалось руководство партии и ее газета «Рискосса» («Восстание»). Здание находилось неподалеку от моего дома, в конце улицы, которая отходила от площади вправо.

Занимая район, фашисты перекликались друг с другом. Множество людей смотрело на них из окон. В какой-то момент все стихло; мы услышали приказ

закрывать окна и не выглядывать. Чтобы придать этим словам большую убедительность, фашисты несколько раз выстрелили в воздух.

Ужасно разозленный, поскольку к тому времени уже считал себя «республиканцем», я опустил жалюзи и сквозь них стал наблюдать за происходящим. Один приказ следовал за другим: «Вперед, «Отчаянные»!», «На штурм, «Падуанцы»!» Треск карабинов, разрывы гранат заглушили все остальные звуки. Республиканцев было мало, фашистов же сотни и сотни; и это приводило меня во все большую ярость. Как раз в ту ночь я решил открыто заявить, что сочувствую республиканской партии.

Несколько ее активистов, забаррикадировавшись в помещении, держались до утра. С обеих сторон были убитые и раненые. Карабинеры*, прибывшие, как всегда, с опозданием, не вмешивались. Более того, их командир, наблюдая, как проходят раненые, то и дело с тревогой в голосе обращался к фашистам: «Наши?»

На следующий день столкновения прекратились. Отряды покинули город, но отдельные сквадристы** все еще ходили по улицам, провоцируя беспорядки.

Я вышел из дому. Повсюду на земле были разбросаны значки республиканской партии, бумага, поломанная мебель. Я поднял один плюш*** и прикрепил в петлицу, затем присоединился к группе молодых республиканцев, которая, бросая вызов фашистам, распространяла специальный выпуск «Рискосса».

Тогда мне не было еще и 11 лет. Домой я вернулся поздно. Мои родители были встревожены, но меня ни в чем не упрекнули.

* * *

В действительности мое решение нельзя назвать совсем уж внезапным. Это не было лишь естественной реакцией на фашистское насилие. Оно созревало подспудно, причем способствовала этому как политиче-

* Карабинеры — жандармы.— Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных случаев.

** Сквадристы — члены фашистских вооруженных банд (от итальянского слова squadra — отряд).

*** Плюш — эмблема Итальянской республиканской партии (ИРП).

ская активность, характеризовавшая жизнь всего города, так и особый исторический момент, на который пришлось мое детство.

В те годы Тревизо в плане общественной жизни не был спокойным городом. Территория провинции, вплоть до Пьяве и Монтелло, в недалеком прошлом была театром военных действий. Разрушенные города, встречавшиеся повсеместно остатки военных укреплений свидетельствовали об ожесточенности проходивших там боев. Мы, мальчишки, часто отправлялись в этот район на велосипедах собирать каски, ружья и патроны, из которых извлекали порох, чтобы сжечь потом в огромных кострах. У каждого из нас уже была своя «история». Во время войны ребята из среды, аналогичной моей, были по большей части беженцами, чьи отцы сражались на фронте, или, во всяком случае, работали на войну. Сразу же после окончания военных действий в районе Марка Тревиджана возникло мощное движение крестьян — бывших фронтовиков. Отправляясь в район Монтелло за патронами, а осенью за каштанами, мы, хоть и были детьми, не могли не замечать трагических следов войны и не слышать, о чем говорили крестьяне.

Отец мой, заведующий телеграфным отделением в нашем родном городе, при приближении неприятеля остался на посту и выполнял свой долг. За это он был награжден военным орденом, при всем том, что никогда не скрывал своих симпатий к социалистам и своих антивоенных и антиклерикальных настроений.

Его «социализм» был своеобразным гуманизмом, воспитанным условиями тяжелой жизни в человеке, обладавшем верой в людей и необычайной добротой. В детстве ему пришлось познать унижения из-за того, что материальное положение семьи далеко не соответствовало ее общественному статусу. Его отец, мой дед, будучи юношей, переплыл По, чтобы избежать службы у австрийцев, и добровольцем вступил в итальянскую армию. Сражался при Виллафранке² и — увы — против «разбойников» на Юге³.

Возвратившись домой и занявшись работой, он перебивался кое-как, и на долю его сыновей выпало нелегкое детство.

В Леньяго, где они тогда жили, существовал лишь один кружок культурного характера, куда был закрыт

доступ людям небогатым. Попытавшись вступить туда, и мой отец, и мой дядя Адольфо получили отказ.

Одним словом, отец мой стал социалистом и еще более антиклерикалом и масоном. Антиклерикализм был свойствен ему всегда, даже когда, став коммунистом, он в 1945 году отказался вернуться в масонскую ложу.

В 1906 году он женился на моей матери, которая тоже работала на почте, но родом была из очень консервативной и религиозной семьи Бизоффи, хорошо известной в Вероне. Мой дед по матери, профессор, директор школы, был человеком честным, твердых убеждений: он не колеблясь дал согласие на брак дочери с атеистом и революционером. И надо сказать, брак моих родителей оказался счастливым, потому что в основе его лежали настоящая любовь, взаимное уважение, терпимость к взглядам друг друга. Кроме того, религиозные чувства моей матери отличала искренность и независимость суждений. Именно за эту независимость ее зачастую называли «христианкой-анархисткой». Она казалась упрямой, но на самом деле была очень доброй и отзывчивой, легко воспринимала все новые веяния и перемены.

На религиозные темы в нашем доме говорилось мало, но все традиции свято соблюдались: как было принято тогда, я изучал катехизис в приходской церкви, получил конфирмацию и причастие.

Другим по характеру и намного более важным по месту в семье был мой дядя Адольфо. Журналист по профессии, он, будучи холостяком, жил вместе с моим дедом на той же улице Ломбарди. Он всегда был весел, любил жить на широкую ногу; его отличал живой, саркастический ум. Ему пришлось бросить учебу в университете — по его словам, из-за финансовых трудностей. Мне же кажется, что не последнюю роль в этом сыграла лень. Во всяком случае, он стал довольно-таки известным журналистом и возглавил местное отделение «Гадзеттино»*. Дядя писал стихи, постоянно говоря о своем намерении создать нечто «крупное». Однако по натуре своей не склонный к ме-

* «Гадзеттино» («Газетка») — ежедневная газета, издается в Венеции. Основана в 1887 году. Ныне отражает взгляды Христианско-демократической партии.

тодической серьезной работе, он так никогда ничего и не создал.

Это был человек с типичным для жителя Венето характером, очень твердых моральных устоев. Смелостью он не отличался, но умение занимать твердые и последовательные позиции, талант в остро сатирических заметках окружили его ореолом большого мужества в глазах врагов. [«Страшный человек», — напишет о нем позднее, в период «республики Салó»⁴, фашистский листок «Аудача» («Отвага»)]. Он не входил ни в одну из партий, но всегда оставался антифашистом. Ему угрожали, устраивали нападения на его дом. Впоследствии его изгнали из Тревизо, а фашистские молодчики из Салó взяли его в качестве заложника, однако он никогда не терял присутствия духа и остроумия.

В период разгула фашистского сквадризма он распространил слух о том, что прекрасно стреляет и всегда вооружен. Это была неправда, но никто ни разу на него не напал. Во время самых жестоких фашистских репрессий он неизменно появлялся на площади, всегда расточающий улыбки, всегда чисто выбритый и элегантно одетый. На вопрос: «Как дела?» — обычно отвечал: «Жаловаться не приходится». И все смеялись над этой двусмысленной шуткой, вызывая его на новые импровизации.

Благодаря ему я с раннего детства получил возможность следить за всеми основными газетами, кроме того, поглощал книги из его библиотеки.

Атмосфера в моей семье, таким образом, была очень боевой: мы все люто ненавидели фашистов.

Мои товарищи и по школе, и по играм на улице также происходили в основном из семей с радикальными убеждениями. Они, как и я, пережили страшную войну беженцами; как и я, были подвижны и любознательны. Мы постоянно спорили. Моими героями в то время были ирландцы, сражавшиеся против Англии за свою независимость. Мэр Корка, погибший от голодовки в английской тюрьме, был для меня символом великих жертв, в том числе и нашего Рисорджименто⁵. Я почитал Мадзини и Гарибальди и ненавидел Савойскую династию⁶.

Возвратившись в Тревизо после окончания войны, я во время наших «налетов» в Пьяве и Монтелло стал

лучше узнавать крестьян. Они все больше вызывали во мне уважение и восхищение. Их идеи были просты и понятны. Они воевали, и они ненавидели войну. Возвратившись домой, они нашли свои поля разоренными, изуродованными, покрытыми укреплениями. Они желали получить землю в собственное пользование, как им это обещали во время боев, а потому их врагами стали аграрии, торговцы пушечным мясом, прочие «акулы». Крестьяне представляли собой огромную потенциальную революционную силу, которую не сумели использовать социалисты.

Беседуя с ними, слушая их речи, проникаясь их ненавистью к войне, я узнавал гораздо больше, чем из книг, причем эти идеи очень отличались от того, что я читал даже у Мадзини, который был моим политическим кумиром.

В Тревизо в тот период возникло мощное «республиканско-социальное» движение, выражавшее требования крестьян — ветеранов войны, а также радикально настроенных городских средних слоев. Одним из его наиболее популярных руководителей был Гуидо Бергамо, по профессии врач, очень славный и великодушный человек. Республиканскими идеями был, можно сказать, пронизан сам воздух, которым мы тогда дышали в Тревизо. Даже дон Марио, наш преподаватель религии, объявил себя республиканцем, хотя после уроков, когда кое-кто из ребят оставался в церкви, он заставлял петь гимн Народной партии⁷ «Белое знамя».

Учитель четвертого класса также был республиканцем. В школе он не занимался политикой, но во время лекций по истории восхвалял Мадзини и Гарибальди и критиковал умеренных⁸. Время от времени он предлагал нам «рисунок на свободную тему». И поскольку Тревизо жил тогда столь интенсивной политической жизнью, многие ученики рисовали эмблему политической партии, которой отдавали предпочтение: многие — крест на щите*, кое-кто — серп и молот**, несколько человек — плющ. Я был среди последних.

Моему дяде, который, поступив в «Гадзеттино», открыто и смело заявил о своих антифашистских

* Крест на щите — эмблема Народной партии.

** Серп и молот — эмблема компартии.

убеждениях, откровенно угрожали; и в дворике нашего дома в течение некоторого времени постоянно находился военный патруль, посланный охранять нас. Когда солдаты узнавали причину, по которой им приходилось дежурить в нашем доме, они открыто радовались и говорили о своей ненависти к фашистам. Бабушка всегда угощала их вином и бутербродами, а я с удовольствием болтал с ними. Уже в то время я ссорился со своими товарищами по школе, отдававшими предпочтение фашистам и анархистам.

В июне 1922 года в Тревизо приехал Муссолини. Для нас, ребят, независимо от взглядов каждого, дуче был человеком, на которого обязательно нужно было поглядеть. Я тоже пошел на улицу, по которой он проезжал, и, надо сказать, что фанатичный взгляд Муссолини производил достаточно сильное впечатление. В тот день я видел его в первый и последний раз.

В 1924 году Тревизо посетил и король. Центральная площадь города была запружена людьми, но я туда не пошел: моя ненависть к представителям Савойского дома была куда сильнее, чем желание увидеть Виктора Эммануила собственными глазами.

Решимость быть с антифашистами укреплялась во мне по мере того, как в семье и вне ее все более разгорались политические страсти, а фашистские репрессии усиливались с каждым днем.

Среди важных событий того времени мне вспоминается забастовка 1922 года в защиту закона и ее провал⁹, затем «поход на Рим»¹⁰, после которого начались первые крупные неприятности.

Среди моих школьных товарищей число фашистов все время росло, и они с каждым днем становились наглее и наглее. Дискуссии переходили в ссоры, хотя мы по-прежнему оставались друзьями, вместе играли. Стычки носили скорее эмоциональный, нежели политический характер: ведь мы были еще детьми. И тем не менее в глубине души я все более сознавал — и жизнь подтвердила мою правоту, — что в фашистов легче всего превращались те, кто страдал комплексом неполноценности. Таким людям нравилось насилие, их идеалом была «сильная личность», потому что сами они были слабы. Им нравились всяческие парады, потому что они получали удовольствие, командуя своими подчиненными. Кроме того, через фашистскую партию

они — выходцы из бедных семей (я вспоминаю особенно четко одного своего приятеля по лицу, сына официанта), вероятно, надеялись пробиться наверх, в среду буржуазии, которая подвергала их унижениям.

После «похода на Рим» мой отец и дядя заняли еще более твердые антифашистские позиции. Дядя даже основал боевую юмористическую газету, названную «Каньян».

Я не очень хорошо помню эти годы. Несмотря на чтение газет, мне не удавалось уловить всех различий в политических позициях. Помню, однако, очень отчетливо свой энтузиазм, когда после убийства Маттеотти¹¹ по всей стране прокатилась новая волна антифашистских выступлений. Я принял участие в многотысячной манифестации «Свободной Италии»¹², состоявшейся в ноябре 1924 года. Помню, как критиковали выжидательную позицию Авентинского блока¹³, прикрываемую демагогическим лозунгом о необходимости соблюдения законности.

Фашистское кольцо все более сжималось. Мой отец, которому угрожали чаще и чаще, давал мне пример стойкости. Он всегда сохранял спокойствие и мужество, являя собой человека, который уверен в себе и верит в разум и историю. Он по-прежнему выходил прогуляться на площадь, как это принято в маленьких городах, и я сопровождал его в самые напряженные моменты. Помню один из вечеров 1925 года. Незадолго до этого государственным служащим было запрещено вступать в масонские ложи. Когда нас окружила группа орущих фашистов, мой отец не растерялся. Он спокойно начал объяснять парням, кричащим громче всех, обвиняя его в принадлежности к масонской ложе, исторические заслуги этих обществ в деле достижения единства Италии. Подобное поведение в конце концов вызывало к нему уважение.

Мое образование было хаотичным, никто, по существу, им не руководил. Лет в десять я начал поглощать множество книг из библиотеки дяди, а также из «народной», находившейся неподалеку от дома. Я прочел даже историю американской революции, написанную Боттой; брал случайные романы самого различного характера; хорошо знал произведения Мадзини, хотя мне уже начинал надоедать его чрезмерный тезис. Моя страсть к истории и политике убедила моих

родителей в необходимости поменять школу. Из техникума, куда они записали меня раньше, я, подучив латынь, был переведен в классическую гимназию, после которой еще два года проучился в лицее.

Мне повезло с преподавателями. В техникуме я познакомился с Серафино Ривой, уже тогда коммунистом, человеком очень высокой культуры, который привил мне такую любовь к языкам и иностранной литературе, что в четырнадцать лет я во время летних каникул принялся самостоятельно изучать испанский язык, чтобы прочесть в оригинале «Дон Кихота».

В лицее итальянский язык мне преподавал Берарди, а латинский и греческий — Беттей; оба большие знатоки своего дела и убежденные антифашисты. Хуже обстояло дело с историей и философией. Учебник Алиотты, по которому мы учились, был проникнут идеализмом худшего рода и конечно же не способствовал нашему знакомству с современными философскими течениями, тем более с марксизмом. Я, таким образом, оставался в плену мелкобуржуазной культуры, полной фальшивой риторики, что впоследствии очень повлияло на формирование моих взглядов, надолго задержав мое духовное освобождение.

В среде мелкой и средней буржуазии такого городка, как Тревизо, в отличие, скажем, от Неаполя, не существовало никаких культурных традиций, и даже идеи Кроче¹⁴ были мне не знакомы.

И все же кое-чему нас учили сами события тех бурных лет. В спорах с отцом я критиковал даже его антиклерикализм, считая, что в таком виде он уже устал, сведясь лишь к рассуждениям о том, что священники-де едят кур, которых им доставляют прихожане, да спят со своими служанками. На мой взгляд, это были мелочи. Тем более что, говоря так, все эти наши друзья — инженеры, врачи, адвокаты — отнюдь не отказывались хорошо поесть и, много болтая, ничего не делали, чтобы помочь беднякам покончить с фашизмом.

Когда речь шла об отце, я критиковал также его чрезмерный гуманизм и доброту, хотя и знал, что в своей партии он был одним из немногих, кто считал, что на фашистское насилие следует отвечать тоже насилием. Одним словом, я рос в типичном для провинциального города мирке средней и мелкой буржуазии,

пусть и отличавшейся известным радикализмом во взглядах.

Экономическое положение моей семьи все время ухудшалось, и это также оказало определенное влияние на эволюцию моих взглядов. Все мы жили лишь на жалованье отца, скромного чиновника. Ко всему прочему, каждый месяц с него удерживали часть денег, поскольку один из бухгалтеров растратил крупную сумму, и отец, как материально ответственное лицо, вынужден был покрывать эту недостачу. Нас, детей, было четверо. Мой брат, Алессандро, родившийся в 1912 году, умер в четырнадцатилетнем возрасте. Он попал под машину, и ему пришлось делать дорогие операции. Я часто носил поношенные вещи моих более богатых двоюродных братьев. Но стыдно мне не было, напротив, я не скрывал своей бедности и даже говорил о ней с гордостью.

В те годы меня интересовало все. В августе 1923 года я даже израсходовал свои сбережения в 12 лир на покупку немецких марок достоинством в один миллион. В то время их все покупали: марки обесценивались с каждым днем, но люди говорили: Германия богата, у них огромная промышленность, так что инфляция вот-вот обязательно остановится. Я клюнул на это не столько в надежде заработать, сколько ради удовольствия иметь в кармане чек Данат-банка *, выданный на мое имя. Так я стал следить также и за биржевыми ставками.

И все же более всего меня привлекала политика. На четвертом курсе техникума я создал «ассоциацию борьбы за свободу угнетенных народов», открытую для всех желающих. В нее вошли даже несколько моих однокурсников-фашистов, которые, заметив, что она носит антифашистский характер, тут же покинули ее. Как-то во время занятий, заметив, что мы передаем друг другу листовки нашей ассоциации, преподаватель итальянского языка Марио Преведделло, ставший впоследствии мужественным партизаном, отозвал меня в сторону и сказал: «Прежде чем говорить об освобождении других народов, нужно позаботиться о свободе для собственной страны».

* Данат-банк — один из крупнейших германских банков, потерпел крах в июле 1931 года.

Позднее, уже в начале 1926 года, когда я учился в лицее, преподаватель истории предложил нам написать сочинение о жизни какого-нибудь известного деятеля наших дней или же прошлого. Я избрал Кола ди Риенцо¹⁵ и с энтузиазмом принялся за работу, намереваясь как можно ярче показать образ борца за народ, против феодалов и церкви. Однако, когда я углубился в материалы о событиях и людях того периода, мне показалось, что народный трибун Кола ди Риенцо в чем-то очень напоминает Муссолини, и я поэтому не стал его особенно прославлять. Это сочинение лишний раз убедило меня в том, что никогда не следует вслепую верить официальной истории, что нужно обязательно сопоставлять и анализировать разнообразные мнения и оценки.

Именно в тот период я случайно обнаружил среди старых книг учебники, по которым учились мои деды во времена австрийского господства. Чекко Беппе* назывался в них любимым народом императором Францем Иосифом, к которому следовало относиться с сыновним почтением; Радецкий¹⁶ был великим генералом, главной добродетелью которого называлась любовь к господу...

Среди студентов в то время много говорилось и об Октябрьской революции. Она восхищала меня. Не понимая ее классового характера, я тем не менее считал ее освободительной и радикальной, как и французскую революцию, изучением которой занимался в свое время с такой страстью.

* * *

Тем временем наступил 1926 год, который и для меня был чрезвычайно важным. По прошествии стольких лет очень трудно вспоминать в деталях и описать атмосферу страха того времени, когда постепенно уничтожались все свободы. Фашизм уже сбросил свою маску, хотя пока еще и терпел существование нескольких оппозиционных газет, которые я с жадностью чи-

* Чекко Беппе — так насмешливо итальянцы называли Франца Иосифа I (1830—1916), австрийского императора и венгерского короля (1848—1916).

тал. Я смутно помню «Унита»* тех лет, заполненную из за постоянных конфискаций в основном списками жертвований в пользу партии и бастующих английских рабочих.

Зато очень отчетливо я вспоминаю ночь после того, как в Болонье было совершено покушение на Муссолини. Сообщения тех дней, опубликованные в газете «Воче фашиста» («Голос фашистов»), дают наглядное представление о волне сквадристских насилий: поджоги учебных заведений, жилых домов, развязанная повсеместно охота за антифашистами. Улицы заполнились чернорубашечниками и толпами людей, наблюдавшими за происходящим. Мой отец и дядя также были в списке разыскиваемых. К счастью, незадолго до этого мы переехали на другую квартиру, находившуюся недалеко от города, и фашисты не сумели обнаружить нас. Желая быть в курсе всех дел, я также следил за фашистскими демонстрациями и погромами. Время от времени я наталкивался на моих бывших приятелей-фашистов. «А тебе-то что здесь надо?» — спрашивали они. «Не знаешь, что ли, что вас всех изгоняют? Убирайся!» Но никто меня не трогал.

Я провел весь вечер и всю ночь в возбужденной толпе, время от времени забегая домой, где все были перепуганы, а также на квартиры, в которых, как я знал, укрылись отец и дядя. На рассвете, часа в четыре, мне удалось зайти к дяде, который после поджога «Гадзеттино» спрятался у одного из друзей, недалеко от здания газеты. Пробравшись тайком по улицам, еще темным и почти безлюдным, я сумел отправить его в Виченцу. В один из дней в фашистской газете под заголовком «Прочь, ублюдки!» был опубликован список членов группы антифашистов, которых изгоняли из города. В списке были имена и отца с дядей.

Увидев свое имя, отец тем не менее на другой день, как обычно, отправился на работу. Я тоже пошел с ним. В качестве государственного чиновника он потребовал от квестуры** защиты для исполнения своих

* «Унита» («Единство») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской коммунистической партии. Первый номер вышел 12 февраля 1924 года в Милане.

** Квестура — полицейский участок.

обязанностей. Пришел какой-то полицейский, который при мне сказал, что они не могут ему гарантировать безопасность. Тогда отец заявил, что не видит больше возможности оставаться в Тревизо, поскольку, имея семью, он не может распоряжаться свободно своей жизнью.

Домой он не вернулся. Я проводил его на один из пригородных вокзалов, и он уехал в Верону, причем позднее это было оформлено как официальный перевод.

Этот случай вызвал во мне такое возмущение, что моя мать и тетка, перепуганные насмерть, то и дело умоляли меня быть осторожным, смириться. Так я начал постигать искусство подавлять свои желания, уметь выжидать.

Несмотря на множество поражений, я все же решил добиться хотя бы небольшой личной победы: я только что начал учиться на втором курсе лица и принял решение получить диплом в том же году. В Тревизо это было бы просто. Там меня уже знали как юношу, имеющего собственное мнение и много занимающегося самостоятельно. Умные преподаватели поэтому не обращали внимания на тот факт, что я отказывался заучивать что-либо на память или не отвечал на некоторые вопросы.

Иное дело в Вероне. Здесь мне пришлось начинать все сначала, с незнакомыми преподавателями. В течение трех летних месяцев я занимался сам: денег на репетитора не было. И я победил: в октябре 1927 года сдал выпускные экзамены с хорошей средней оценкой.

Тут же мне повезло еще раз. Я искал работу, чтобы иметь возможность продолжать учебу, когда случайно узнал от брата матери, директора лица в Поле, что объявлен конкурс в университет имени Борromeо¹⁷ в Павии и что в этом году учреждена одна стипендия для выходцев из других областей. Я не имел ни малейшего понятия об этом заведении, но тут же послал заявление о приеме, приложив обширную автобиографию. Оно пришло в самый последний момент, когда комиссия уже работала над окончательным списком будущих студентов. Я был принят. Так для меня в семнадцать лет началась новая жизнь в совершенно иной, чем прежде, культурной, политической, общественной среде.

«Все будет сделано наилучшим образом — красиво и удобно», — пообещал Пеллегрини¹⁸ Карло Борромео 20 июля 1564 года. И действительно, дворец, где помещается университет, величественный и в то же время гармоничный, с великолепными двориками, с прекрасным садом в стиле Возрождения производит такое огромное впечатление своей красотой и уютом, что жить в нем казалось просто удовольствием.

Этот университет был создан в одно время с университетом имени Гизльери¹⁹ после Тридентского собора²⁰ и был ответом католиков на все большее распространение протестантизма. Университет имени Гизльери с самого начала носил светский характер и был подчинен городским властям. После Возрождения он стал еще более независим от церкви.

Иначе обстояло дело с университетом в Павии. Основанный Карло Борромео, он был учреждением церковного характера, власть над которым по наследству постоянно переходила к одному из членов семьи Борромео или ее главе. Ректором во всех случаях должно было быть духовное лицо. Студентов он черпал среди обедневшей знати или же среди начинавшей развиваться буржуазной интеллигенции. До 1922 года все воспитанники были обязаны носить специальный сюртук, по которому их различали в городе, и подчинялись суровой дисциплине.

После объединения Италии такое положение изменилось лишь отчасти. Несмотря на то что университет был объявлен светским учебным заведением, в его уставе осталось требование, чтобы «патроном» был глава семьи Борромео, а ректором — деятель церкви. Правда, при этом был создан административный совет, в который вошли и сотрудники университета, и представители коммунальных властей.

Когда в ноябре 1927 года я приехал в Павию, я не знал всего этого. Я не был склонен любоваться прекрасным дворцом и еще меньше того — симпатичным городом, который впоследствии глубоко полюбил. В голове у меня было множество забот, настроение — самое подавленное. Я считал, что университет имени Борромео — платное, как и множество других, учеб-

ное заведение, предоставляющее лишь несколько стипендий победителям конкурса. А потому я чувствовал себя неловко в своих стоптанных башмаках, терзаясь еще и мыслью о том, что не сумел собрать даже те 250 лир, которые следовало внести в качестве залога за необходимую по уставу форму.

Было уже поздно и темно, когда я вошел в просторный двор с высокими и изящными арками. Студенты направлялись в столовую. Некоторые подходили ко мне с вопросом: «Откуда ты? Уже получил зачетку?»

Отвечал я с вызовом: я беден, приехал из Вероны, а учиться буду на стипендию. «А кто, ты думаешь, мы? — говорили студенты. — Считаешь, что мы сами платим?» — И они коротко рассказали, как обстоят дела, что меня успокоило.

Вместе со всеми я вошел в столовую — просторный и красивый зал. Обслуживали официанты в белых перчатках.

Я представился ректору, затем — декану, а потом, как это было предписано, сел за стол «стариков», которые меня тут же спросили: ты фашист? Нет, сказал я, но тут же ради осторожности добавил: политика меня вообще не интересует.

— А в ФУЧИ ты состоишь?

Этого вопроса я вообще не понял. Более того, мне показалось, что организация с таким названием не может не быть политической или религиозной.

— Как? Ты не знаешь, что такое ФУЧИ? — и они посмотрели на меня с изумлением. — Но это же Университетская федерация итальянских католиков.

— Я никогда не входил ни в какие католические организации и не знаю их названий, — сказал я твердо, абсолютно не подозревая, что попал в самую что ни на есть католическую среду.

Два-три дня спустя все знали о моей принадлежности к республиканской партии. В нее входил и один из «стариков» — Бренно Бабудер из Триеста, которому в 1931 году было велено именоваться на итальянский лад Бабудьери. В настоящее время он один из видных деятелей здравоохранения.

Среди студентов, включая и «стариков», было мало фашистов. Некоторые, в прошлом сквадристы, уже разочаровались в Муссолини. Мои однокурсники в

массе своей происходили из католических семей и являлись членами ФУЧИ.

Я оказался, таким образом, в новой, очень интересной для меня среде, завел новых друзей, лучше узнал католиков, которые значительно отличались от моих прежних знакомых. Те, кто искренне верил в бога, были людьми с богатым духовным миром, великодушными, почти всегда настроенными антифашистски, хотя они и выступали против политической борьбы. Уже тогда в религиозном и католическом движении начинали проявляться признаки обновления, и я с интересом читал книги издательства «Морчеллиана». Пронизанные духом аскетизма и догматизма, доктрины Тридентского собора уступали место более гуманистической трактовке старых догм. Происходила переоценка самой сути христианских идей, причем на первое место выдвигались идеи о свободе совести, о чувстве ответственности, общности всех людей, их солидарности и в горе и в радости. Эти принципы христианства являются несомненным завоеванием человеческой мысли в ее историческом развитии.

Однако мне пришлось познакомиться и с католиками иного толка, объявляющими себя верующими лишь из семейных традиций, приспособленцами по натуре, скудость морали которых приводила в ужас. Я говорю скудость, потому что они не знали никаких сомнений или колебаний, были глубоко убеждены, что формального посещения служб достаточно для успокоения совести и достижения божьей благодати. И конечно не случайно эти «католики» чаще всего и с большой охотой избирали карьеру адвокатов. Я развлекался тем, что поддразнивал их, цитируя библейские догмы: «Кто не грешен, пусть первым бросит камень», «Возлюби ближнего своего, как самого себя» или «Не делай другому того, чего не пожелал бы для себя или для своих близких». Однако эти люди не понимали иронии: еще бы, ведь они все делали правильно и даже причащались каждое утро.

Неверующих было мало, и, по крайней мере вначале, все студенты по воскресеньям ходили на проповедь в капеллу университета. Я тоже отправился туда уже в первое воскресенье, не желая нарушать установившихся традиций. Вот почему меня огорчил последовавший за этим вызов к ректору. Поначалу я поду-

мал, что он получил какие-то более точные сведения обо мне и моей семье, но вдруг услышал: «Почему ты не был на проповеди?»

Но ведь я был! Как тут не расстроиться, если тебе не верят. Я с детства был приучен к искренности и питал ненависть к поповскому лицемерию. Однако посещение проповеди отнюдь не было для меня какой-то великой жертвой. Впрочем, с появлением нового, более умного ректора и эта обязанность была отменена.

Так началось мое сотрудничество с католиками, которое укреплялось по мере того, как я все более включался в антифашистскую борьбу и все более понимал, что это не вредит развитию моей личности, не приводит к ее растворению в католической массе.

В Павии «Католическое действие»²¹ имело множество кружков, и люди охотно посещали их. Это была единственная организованная сила не фашистского толка. Открыто говорить о политике здесь было запрещено, однако не возбранялись философские, исторические и вообще культурные темы. Помнится, я согласился принять участие в дискуссии на тему о «страданиях», в ходе которой выступил против католического тезиса о необходимости искупления первородного греха.

Некоторые кружки я посещал или лишь желая доставить удовольствие друзьям, которые организовывали увеселения, или чтобы пофехтовать, или, наконец, чтобы поговорить о политике. Так я познакомился и с церковными деятелями антифашистских взглядов. Когда в апреле 1931 года до нас дошла весть о провозглашении Испанской республики, один молодой священник заявил, что вступает в республиканскую партию, а также поддержал идею аграрной реформы и требование, чтобы церковь отказалась от многих своих вековых привилегий.

* * *

Университет Павии все еще сохранял свою прежнюю славу, хотя число студентов после открытия в Милане двух новых высших учебных заведений — государственного и католического — значительно сократилось. Студенчество отличалось живостью интересов, хранило старые университетские традиции и еще не было полностью подчинено влиянию фашизма.

За год до этого была распущена Ассоциация университетских студентов Павии, и всем навязывалось вступление в единственную разрешенную организацию — «Фашистские университетские группы» (ГУФ). Однако студенты, записывавшиеся в ГУФ, не все были фашистами, а помещение этой организации студенты могли посещать независимо от членства в ГУФ. В этом же помещении ютилась также «автономная студенческая группа по содействию Лиге наций», созданная по инициативе, исходившей из Женевы. В тот момент ее существование было на руку фашистам, искавшим поддержки за рубежом. Вступление в эту группу не обуславливалось членством в ГУФ, достаточно было быть студентом. Я сразу же вступил в нее, чтобы иметь возможность встречаться с друзьями, а также читать газеты, поступающие из Лиги наций.

Черный галстук бантом — этот внешний атрибут революционера, надписи на партах вроде «Да здравствует республика!» — вот и вся моя политическая деятельность в 1928—1929 годах. Впрочем, я отличался совершенно невероятным невежеством в своих представлениях не только об основных идейных течениях, но и об истории партий, о развитии рабочего движения. Пребывание в Павии и не могло дать мне особенно многого. В университете имени Борромео, с его католическим тщеславием, можно было учиться, чтобы получить высшее образование, заниматься спортом, например фехтованием и греблей. Что же касается культуры, то здесь университет лишь закреплял провинциализм и риторiku.

Единственным его достоинством было присутствие среди преподавателей Вячеслава Иванова²². Красивая голова с пышными волосами «цвета снега и жасмина», как писала в одном из стихов Анна Ахматова, отточенный ум, необычайно развитое художественное чутье. Но в то же время это был реакционер до мозга костей. В 1924 году он получил официальное разрешение на выезд из СССР, и это было логическое завершение всей его эволюции: от Башни на Таврической улице* и мистического символизма, заигрывающего

* Башня — одно из строений Таврического дворца, где находилась квартира В. Иванова и где постоянно собирались близкие к нему литераторы.

с социализмом, он пришел в 1926 году к католицизму и к все более абсолютистским концепциям также и в политике.

Этот русский, преподававший в университете, постоянно высказывал свое недовольство тем, что мы, посещавшие его курс,— а нас было человек двадцать — относились с симпатией к Советской России и приветствовали большевистскую революцию.

Заниматься литературой было, разумеется, приятно, но все это мало значило для моего политического развития. Не более, как мне казалось, помогло в этом плане и посещение лекций на юридическом факультете, где преподавание всех предметов было пронизано идеализмом и формализмом. Ни о какой диалектике, ни о каком историческом подходе к проблемам здесь не могло быть и речи. Я копил знания, вникал в тонкости мышления, но представления о действительности в целом и в развитии мне так и не удалось получить.

Вполне возможно, что все эти знания стали звеньями цельной мозаики, которую я сумел сложить позднее, когда уже пришел к марксизму, но в тот момент они мало что мне дали. Сегодня я вижу марксизм как удивительно ясное учение, которое отличает совершенство логики. Но в те годы я был далек от понимания этого, и когда на первом курсе университета для выступления на семинаре по политической экономии я вместе с преподавателем выбрал «Манифест Коммунистической партии», до меня не дошел смысл этого документа.

Выбор текста наглядно показывал мои интересы, мое желание познакомиться с учением Маркса, запрещенным в итальянских университетах. Однако к этому я не был подготовлен. Я не читал ничего из трудов Лабриолы²³, и никто не посоветовал мне этого.

Вот почему, изучив «Манифест» по публикации в «Аванти!»*, я выступил с такой его трактовкой, из которой был выхолощен дух диалектического материализма, и все свелось к социал-демократизму гуманистического толка.

* «Аванти!» («Вперед!») — ежедневная газета, центральный орган Итальянской социалистической партии. Выходит с 25 декабря 1896 года.

И все же мне кажется, что уже тогда я сделал выбор в пользу социализма и революционной классовой политики. Помнится, что в том же 1928 году во время одной поездки я вступил в жаркую дискуссию с неким триестинцем, который осмелился говорить плохо об СССР. Я даже сказал: «Если СССР подвергнется агрессии, трудящиеся всех стран встанут на его защиту». Так, пусть и наивно, я воспринял пропаганду, которая тем или иным способом доходила до нас.

В университете мы сталкивались с фашистами всех мастей: были сквадристы, уже «старики», посещавшие лекции в качестве вольнослушателей; были люди молодые, искренне восхищавшиеся национализмом; были приспособленцы и карьеристы. Эти последние к тому времени уже составляли большинство.

Среди моих старших товарищей по университету был Аннибале Карена, действительно убежденный фашист, делавший первые шаги на политическом поприще. Он терпимо относился к моим антифашистским убеждениям, но постоянно пытался внушить, что фашизм для Италии — историческая необходимость.

В 1929 году я открыл существование издававшейся в Генуе и выходявшей два раза в месяц, причем на плохой бумаге, газеты «Гридо д'Италия» («Клич Италии») — органа «Национальной ассоциации мадзинистов». Объявляла она себя мадзинистской, а не фашистской, и это было для меня главным. По наивности я обратился к ее редактору, некоему Рипарбелли, почти неизвестному в мире журнализма, с письмом: «Я республиканец, антифашист. Не мог бы я сотрудничать в вашей газете?»

Рипарбелли, несомненно, ощущал нехватку как сотрудников, так и средств, и он ответил мне согласием. Так в газете появилось несколько моих заметок за подписью «Ампес», которые, и особенно «Репортаж из Венеции-Джулии», сразу же вызвали ярость фашистов. В этом материале я рассказал на основе собственных впечатлений, собранных во время поездки к дяде, о безобразном поведении бюрократического и полицейского аппарата по отношению к славянскому населению области.

Я не прекратил сотрудничества с «Гридо д'Италия» даже тогда, когда вступил в группу, связанную с организацией «Справедливость и свобода»²⁴.

Об этом эпизоде, в общем-то незначительном, я рассказал, чтобы показать, насколько глубоко молодежь ощущала необходимость делать хоть что-то. Для нас, вступивших на путь политики, когда все организации были запрещены, а нелегальная деятельность была ограниченной, подобные газеты, прямо не объявлявшие себя фашистскими, были единственной возможностью самовыражения.

Наши настроения не разделялись в то время антифашистскими партиями. Более того, они критиковали нас за недостаточное сектантство, неспособность отмежеваться от других сил. Мы, бесспорно, как это и случилось впоследствии, смогли бы лучше использовать те немногие легальные возможности, которые еще оставлял фашизм, если бы своевременно получили четкую политическую ориентацию...

— Почему ты все еще не вступил в ГУФ? — постоянно спрашивал меня Аннибале Карена. Я колебался. ГУФ я посещал. Это верно. Участвовал даже в подготовке студенческих вечеров, которые проходили раз в год и на которых политике не было места, но вступать в эту организацию мне не хотелось.

В конце 1929-го или в начале 1930 года в Павии была создана фашистская студенческая милиция. Отовсюду раздавались призывы вступить в нее. Было объявлено, что милиция заменяет «курс допризывной подготовки», к тому времени уже ставшей обязательной для всех, а членам этой организации будет сокращен срок действительной военной службы и предоставлены другие привилегии. Кроме того, сообщалось, что для вступления в милицию необязательно быть членом фашистской партии.

Карена и другие мои приятели-фашисты снова взялись за свое: не будь дураком, записывайся! Соклазн был велик, и большинство студентов, и притом не только фашисты, вступили в милицию. Одев форму, они развлекались тем, что еще больше высмеивали руководителей, намеренно перебарщивали в своем «усердии». Подняв карабины над головой, они кричали: «Да здравствует дуче!», «Да здравствует консул!» Причем нередко эти приветствия сопровождались язвительными стихами.

«Милиционеры» настаивали: следуй нашему примеру. Я согласился попробовать. Однако, надев фор-

му, я не смог выдержать и недели. Шла подготовка к церемонии принятия присяги, и я после нескольких дней внутренней борьбы написал заявление о выходе из организации, объяснив, что не могу присягать фашистской партии, так как являюсь республиканцем, и что лучше, как и все, пройду обычный курс допризывной подготовки.

Разразился целый скандал. «Да ты что, совсем спятил! Хочешь, чтобы тебя сослали?» — сказал один из «милиционеров», ныне известный дипломат, посол Итальянской Республики.— ««Моральный кризис» в 1930 году! Да где ты живешь?» — издевался другой приятель, выходец из католической семьи, ныне декан факультета одного из университетов.

Однако и те, кто смеялся надо мной, и те, кто воспринял мое заявление серьезно,— среди них и разозленный Карена — постарались сделать так, чтобы мой жест не получил широкой огласки и чтобы у меня не было неприятностей. Конечно, мое поведение было наивным, продиктованным обычной для юности прямолинейностью, в нем не было ничего от политики. Впрочем, объяснялось мое решение и тем, что в тот период я не имел никаких связей с антифашистскими организациями, был одинок.

Однако как раз в 1930 году моя антифашистская деятельность, до сих пор неосознанная, вошла в более конкретное и организованное русло. В Павии среди немногих известных антифашистов был Бруно Маффи, блондин с небесно-голубыми, казавшимися сонными глазами. Он учился в университете имени Гизльери, и его часто видели беседующим с другими студентами. Говорили о том, что он коммунист, но потому только, что он был племянником врача Фабрицио Маффи²⁵, в прошлом депутата парламента, который прославился своим мужественным поведением во время разгула фашистского сквадризма. Коммунистом Бруно Маффи не был, а вот антифашистом был несомненно.

Как-то он, осторожно оглядевшись вокруг, подошел ко мне и, явно волнуясь, показал небольшую листовку. В верхней ее части я увидел изображение пламени, по краям которого стояли буквы G и L. Он рассказал мне об организации «Справедливость и свобода», а также о группе студентов, которые согласились вести антифашистскую пропаганду, о листовках, кото-

рые нужно было распространять. Я сразу же с радостью согласился вступить в группу, и Маффи очень скоро стал одним из моих самых близких друзей. Мы разработали план действий, поначалу решив распространять листовки по почте, что позволило бы нам вести полулегальную дискуссию. Я тоже составил список нескольких студентов, которые, как я знал, были склонны к антифашистской деятельности.

Приезд почтальона в университет — это главное событие дня. В 11 часов утра поэтому его приемная всегда была полна людей. «Посмотри, что я получил», — говорил один. «И я!» — отвечал другой. Листовки переходили из рук в руки, их читали вслух, передавали друзьям. Реакция была различной. Но возмущались лишь немногие фашисты.

Разумеется, долго так продолжаться не могло: очень скоро руководители фашистов ввели контроль над почтою, приказав всем сдавать листовки. Но лед был уже сломан: повсюду заговорили о том, что антифашистские организации, несмотря ни на что, существуют и активно действуют. Назывались «Справедливость и свобода», другие подпольные организации. Листовки же мы продолжали распространять, правда в более узком, но довольно-таки постоянном кругу.

Это был очень важный момент в нашей жизни. Печать «Справедливости и свободы» вносила конкретность в наши политические дискуссии. Призывы к молодежи, выдержанные в общих словах и взывавшие скорее к чувствам, нежели к разуму, нам нравились. Однако целый ряд листовок сразу же вызвал негативную реакцию. «Разве ты не видишь, какую чушь они несут? — говорил то один, то другой из нас. — Они явно ничего не понимают. Лучше не пускать эту листовку в ход». «Программа» организации также произвела на нас отрицательное впечатление. Нам, при всей хаотичности наших «революционных» взглядов, было все же необходимо нечто иное.

Тем временем полиция не сидела сложа руки. Аресты Росси и Бауэра²⁶, самоубийство Чевы²⁷ и полет Бассанези²⁸ глубоко взволновали нас, укрепили нашу веру в необходимость борьбы, но в то же время заставили быть более осторожными. Я стал намного меньше болтать, поскольку часто ходил по городу с неле-

гальной печатью, которую распространял среди студентов, а также лиц свободных профессий. Мне назвали несколько имен старых антифашистов, и я встретился среди прочих с адвокатами Фиеттой и Дзанивольти. Беседы разочаровали меня. Все эти люди выглядели предельно напуганными. Они говорили мне мудрые слова, подбадривали, советовали действовать осторожно, но, когда я показывал листовку и предлагал сотрудничество, они находили тысячи оправданий для того, чтобы не делать ничего. Тогда я ограничивался тем, что просил финансовую помощь для организации, и порой получал ее.

Антифашистская деятельность показала, что старые межпартийные распри не имели никакого значения для нас, молодых, что в стране возник новый климат и что пропаганду можно было вести даже среди студентов, входящих в ГУФ и в фашистскую партию.

Несмотря на наши неоднократные попытки связаться с организациями других городов, с рабочими, с коммунистами, нам это не удалось. Не знаю, была ли в те годы организация компартии в Павии, но в Милане она существовала. В городе было известно о том, что среди студентов ходят антифашистские листовки, и 1 Мая 1930 и 1931 годов многие из нас вышли на набережную Тичино с красной гвоздикой в петлицах. Насколько я помню, никто и никогда не пытался завязать с нами контакт. В то время я не знал того, что знаю сейчас: коммунистическая партия стояла тогда на сектантских позициях²⁹, относилась с крайней подозрительностью ко всем другим антифашистским организациям, вела против них, в частности и против «Справедливости и свободы», политическую борьбу. Таким образом, даже если в Павии и была секция компартии, она не искала контактов с нами. И не только из соображений конспирации. Подобные позиции свидетельствовали о непонимании новизны складывающейся обстановки, особенно в том, что касается ориентации молодежи. Ошибка заключалась не в том, что коммунисты выступили с политической критикой «Справедливости и свободы» и социал-демократов (это не раз делали и мы). Они не осознавали главного — того, что «Справедливость и свобода» была единственной тогда организацией, активно действующей в буржуазной и мелкобуржуазной среде, и

что в нее шла молодежь различных политических убеждений, но антифашистских взглядов. Она искренне стремилась найти свой путь и была бы очень рада вступить в контакт с компартией, которая к тому времени уже завоевала признание как наиболее последовательная и решительная антифашистская сила.

Впоследствии многие из нас в ходе совместной борьбы нашли свое место в рядах коммунистов, но были и такие, кто потерялся в небольших группках, которые вели абсолютно бесполезную деятельность. И одной из причин этого было сектантство, ошибочная политическая линия, которой, и это ныне признается, следовали в тот период коммунисты.

* * *

В конце 1930 — начале 1931 года мы приняли первое важное самостоятельное решение политического характера. К тому времени резко обострились отношения между фашистами и «Католическим действием». В Павии, как и повсюду, проходили стычки между членами этих организаций. Перед резиденцией епископа то и дело возникали массовые демонстрации под лозунгом «верности» папе.

Среди антифашистов это вызвало противоречивые мнения. Некоторые из них — те, кто постарше, — был настроен особенно резко против клерикалов, не забыв поведение католического большинства в прошлом и будучи не в силах простить ему «примирения» с Муссолини³⁰, — даже радовались, что дело наконец-то дошло до драки. И чуть ли не склонялись к тому, чтобы быть на стороне фашистов. Во всяком случае, считали они, нам в это вмешиваться не следовало. Я и мои друзья, напротив, считали необходимым оказать поддержку молодежи из «Католического действия», постаравшись придать проходящим манифестациям политический, антифашистский характер. Так и случилось, что однажды полицейские, к своему глубокому удивлению, увидели меня, известного своими республиканскими убеждениями, и других антифашистов среди участников демонстраций, организованных молодежными группами католиков, в том числе и ФУЧИ. Как известно, со стычками было покончено весной 1931 года в результате компромисса, достигнутого

между враждующими сторонами. Ватикан не желал подрывать режим, от которого получал столько привилегий. Так, обязательным было объявлено посещение воскресной проповеди, в школах вводилось изучение религии; католикам, и только им, разрешалось иметь собственную организацию.

В нашем университете обстановка сильно накалилась. Антифашистская пропаганда находила широкий отклик среди студентов, входящих в ФУЧИ, однако лишь немногие соглашались читать и особенно распространять подпольную печать. О моей деятельности знали уже многие, хотя я был осторожен и раздавал листовки лишь людям, которым доверял: не более четырех-пяти человекам в университете. Нашлись, однако, два негодяя, студенты медицинского факультета, не являвшиеся даже активистами фашистской партии, которые, зная о существовании листовок, решили увеличить свой «капитал» за счет наущничества.

Я жил тогда в просторной и уютной комнате, окна которой выходили на великолепную площадь перед центральным входом в университет. Время от времени, чтобы как-то скрасить свой быт, я занимался перестановкой мебели. Как правило, большой письменный стол я придвигал к окну и, положив на него матрас, укладывался сверху. Мне нравилось заниматься лежа таким образом в окружении цветов, собранных в саду. Время от времени я поглядывал на людей, проходящих по площади. У меня была огромная железная кровать, типичная для мебели XIX века, с трубами по краям, полыми внутри. Никто из нас не закрывал свои комнаты на ключ. Не делал этого и я, чтобы не возбудить подозрения. Так что нелегальную печать я прятал в трубах кровати и между полками шкафа. Ко мне часто приходили поболтать, вместе готовиться к экзаменам другие студенты.

Однажды, когда я отсутствовал, эти наушники зашли в мою комнату и устроили обыск. Найдя несколько листовок, они получили доказательство того, откуда они берутся, и тут же отправились в ГУФ и в федерацию фашистской партии, где сообщили, что у них есть доказательства антифашистской деятельности Пезенти и Маффи.

Однако на этот раз дело кончилось плохо для них самих. Беста из университета имени Гизльери, ныне

профессор, и Карена, еще не потерявшие полностью совести, потребовали дополнительных улик, а тем временем предупредили нас о случившемся. Разумеется, мы должны были делать вид, что ничего не подозреваем. Единственное, что я позволил себе в качестве «мести»,— это несколько слов на открытке по случаю рождества, когда я пожелал этим шпионам «быть менее лицемерными».

В 1945 году я вновь встретил эту парочку. Оба стали лишь жалкими докторишками, не пользующимися успехом; и я, подумав, что сама жизнь достаточно их наказала, ничего никому не сказал.

Бесту и Карену я помню хорошо и сегодня. С подобными фашистами можно было иметь дело. Они не пожелали обратиться в полицию, а предпочли обсудить все с нами на равных. В этом тоже находил свое отражение тот новый климат, который складывался в молодежной среде, не знавшей расколов прошлого. Разумеется, он не был повсеместным и не просуществовал долго. Правда, в государственных архивах я нашел сведения о том, что уже год спустя нечто подобное нашему случаю произошло в самом университете. Двое студентов тайком вытащили из кармана своего сокурсника Казали листовку и отнесли в федерацию фашистской партии. Казали не арестовали, чтобы не создавать скандала, однако его подвергли долгому допросу.

27 апреля 1931 года был арестован Бруно Маффи. Его комнату в общежитии тщательно обыскали, о чем мне стало известно. Двое студентов, наиболее скомпрометировавших себя антифашистской деятельностью, тут же покинули Павию. За одним из них, по фамилии Бьянки, который часто упоминается в полицейских архивах, была организована постоянная слежка. Впоследствии он стал одним из руководителей Швейцарской партии труда.

В нашей группе арест Маффи вызвал переполох. В первый момент некоторых охватила паника; они считали, что нужно немедленно бежать. Большинство же не потеряло головы. Мы верили в Бруно.

Из фашистской печати мы узнали об аресте бельгийского профессора Мулена, который, как известно, согласился ввозить в Италию антифашистские материалы. Когда его арестовали, он сознался во всем и

покаялся, выдав людей, с которыми должен был встретиться в Милане, в частности Альбазини, а затем и Маффи.

Внутреннее положение страны — глубокий экономический кризис, падение цен на сельскохозяйственную продукцию, банкротство банков, сокращение заработной платы — не давали фашистам возможности вести себя высокомерно, особенно в отношении антифашистов из буржуазных кругов. Может быть, поэтому, а также в связи с тем, что Маффи вел себя достойно, суду было предано только три человека. Полиция, однако, получила приказ быть постоянно на чеку.

В Павии я стал, может быть, центром группы, продолжавшей действовать. Передо мной встал вопрос: как перехитрить полицию, чтобы продолжать борьбу. Я избрал для этого приятный способ. Многие вечера подряд агенты были вынуждены сопровождать меня на прогулку по набережной Тичино и в близлежащие парки.

Стремясь доказать, что абсолютно не интересуюсь политикой, я принялся флиртовать с девушками, причем каждый день с разными. Кроме того, я использовал тот факт, что меня знали как страстного любителя спорта: на весенние каникулы вместе с еще четверьмя студентами мы совершили на прогулочном ялике длинный переход от Павии к Каподистриа. Полиция, конечно, не знала, что даже и в это плавание я взял с собой пропагандистский материал, чтобы распространить его в Триесте.

Мой отец читал листовки, которые я привозил, однако распространять их ему было негде: друзей он не имел, а сослуживцам не доверял. Для этого у него были основания. Как стало известно, двое телеграфистов служили в ОВРА³¹. Однако обо мне они отозвались хорошо. Все дело в том, что за год до этого я по просьбе отца выступил у него на работе в культурном кружке с лекциями по экономике и праву, которые, разумеется, по необходимости носили корпоративный характер³². Среди слушателей были и вышеназванные агенты. Так и случилось, что 7 мая 1931 года на запрос полиции Павии квестура Вероны дала положительный ответ. В результате на некоторое время надзор за мной был ослаблен.

Джина Кандони была удивительной девушкой — очень красивой, богатой душой. Исключительные качества отличали и ее мать Розину. Овдовев в совсем молодом возрасте (ее муж, известный скульптор, погиб во время войны), она жертвовала всем, чтобы, несмотря на тысячи трудностей, воспитать двух дочерей. Конечно, мы бы не поступили, как ты, говорили эти девушки, придерживавшиеся очень передовых взглядов. Тем не менее мать была для них кумиром.

Джина с презрением рассказывала мне о своих товарищах по лицею: «Все трусы! Я им каждый день твержу: да когда же вы проснетесь!»

Я познакомился с ней в Риме, в конце 1930 года, в гостях у моей тетки. К ней я приехал, чтобы изучить английские парламентские акты, необходимые для работы над дипломом на тему «Финансовая политика Сноудена»³³, в то время министра финансов. Семья Кандони поддерживала дружеские отношения с Фабио Луццатто, в прошлом фронтовым другом их отца. Так через них я позднее познакомился с Дино и Лучо Луццатто³⁴.

Расстояние между Римом и Павией для такого «богача», как я, было огромным; и наша любовь развивалась в основном через письма, через телефонные разговоры. Хорошего тут было мало: Джина так и не привязалась ко мне по-настоящему. Но поняли мы это лишь много лет спустя...

Антифашистские настроения среди студентов Павии тем временем крепились. В мае — июне 1931 года у нас, в Парме и ряде других городов прокатились студенческие волнения. Наша группа, несмотря на свою малочисленность, тут же решила действовать.

Однажды вечером были разбиты и сожжены витрины, в которых вывешивались фашистские газеты и сообщения ГУФ. Местная печать назвала студентов гнусными хулиганами. Реакцией на это стали открытые демонстрации против руководителей ГУФ и «милиции».

В этих манифестациях мы увидели для себя возможность примкнуть к возникшему стихийно движению, придать ему больший вес, объединить студентов. Университетский колокол не раз в те дни собирал сту-

дентов на сходку. Мы воспользовались традиционными университетскими привилегиями, чтобы воспрепятствовать присутствию на сходках полиции и лиц, не являвшихся студентами. В результате дискуссии проходили в свободной и живой обстановке.

Однако волнения не могли продолжаться долго: с одной стороны, приближались экзамены, с другой — мы не были — и это, пожалуй, главное — зрелыми с политической точки зрения.

Мы не имели возможности выступить открыто в качестве убежденных антифашистов, выдвинуть общеполитические лозунги. Впрочем, мы были не в состоянии и разработать требования, связанные со специфическими проблемами студентов. Таким образом, все свелось лишь к «смене караула» в ГУФ и в «милиции».

В собраниях мы — те, кто был на заметке у полиции, — участвовали очень активно, так как считали, что, если бы мы оставались в стороне и помалкивали, это было бы воспринято (также и полицией) как доказательство нечистой совести.

На одном из таких собраний я и мои друзья были впервые названы коммунистами. Выступал консул «милиции», вокруг которого стояли другие главари фашистов. В ответ на крики студентов, требовавших, чтобы он замолчал, тот, не выдержав, выкрикнул, указывая на нашу группу: «Да неужели вы не видите, что идете на поводу у этих коммунистов?»

Мы ответили дружным смехом, что, на наш взгляд, было лучшим способом показать беспочвенность утверждений фашиста. Конечно, тогда мы еще не были коммунистами, но этот эпизод лишней раз показал, что наиболее серьезной и решительной силой оппозиции режиму являются именно коммунисты.

* * *

Я защитил диплом в июле 1931 года. По счастливой случайности моя работа наделала много шума. О ней написали газеты.

Мой научный руководитель Бенвенуто Грициотти был прекрасным преподавателем. Он любил молодежь, много занимался со студентами, заботился об их будущем, умел привлечь на свою сторону наиболее

способных из них. Когда-то он был социалистом и оставался антифашистом, хотя не говорил об этом открыто и ничего не предпринимал против режима. Вернее сказать, его считали антифашистом, в то время как в действительности он уже тогда из-за своей политической наивности все более подпадал под влияние идей корпоративизма и фашистского ура-патриотизма. Это позднее и привело его на путь серьезных ошибок, которые он тем не менее совершал с искренним убеждением в правильности своих действий. Но так или иначе, он уважал духовную свободу своих студентов. Он был моралистом не только в своих поступках, но и в своих научных концепциях и огорчался, когда студенты не соглашались с ним в этом. Так, он часами дискутировал со мной, доказывая, что я не должен рассматривать девальвацию лишь на основе экономических критериев, что здесь непременно должен присутствовать и моральный элемент. В конце концов он дал согласие на то, чтобы я ничего не менял в своем дипломе, хотя мои аргументы его и не убедили. Именно он создал кафедру финансовых наук, из стен которой к тому времени уже вышли Ванони³⁵, Пульезе и другие ученые. Эта кафедра до самой его смерти, в 1956 году, оставалась крупным научным центром.

Еще в 1929 году я принял участие в конкурсе на премию Косса. Речь шла всего лишь о 400 лирах, но для меня, вынужденного давать частные уроки, чтобы иметь средства на каждодневные расходы, даже такая сумма была кстати. В качестве темы я избрал финансы Италии в годы войны. Работал вместе со мной еще один студент, ревностный католик Пьетро Кьявери. И мы получили 400 лир.

С того времени я все больше и больше привязывался к своему наставнику. Он также симпатизировал мне, постоянно держал в поле своего зрения. В конце третьего курса, когда нужно было выбирать тему дипломной работы, я сказал Грициотти: «Как только я кончу учебу, мне придется работать, поскольку родители не могут мне помочь ни в чем. Я с удовольствием стану адвокатом, и у меня уже есть предложение. Но если бы мне удалось продолжать учебу, я был бы куда более доволен». Грициотти пообещал взять меня на свою кафедру ассистентом при условии, что я на-

пишу хорошую работу. Это был предел моих мечтаний.

Чистая наука меня не привлекала, и я хотел написать диплом о финансовой политике Италии. Набросав несколько страниц, я показал их Грициотти, и тот, изучив мои тезисы, сказал: «Если вы хотите кончить в Портолонгоне*, можете продолжать в том же духе». Его опасения были преувеличены, но я из осторожности все же сменил тему, остановив выбор на финансовой политике Сноудена. Об Англии, думал я, можно писать свободно и что угодно. И я оказался прав.

Я тут же принялся за работу, просмотрел английские парламентские акты, прочитал множество книг по истории, экономике, политике Великобритании и в результате представил более 400 страниц на машинке.

За несколько дней до защиты кафедру финансовых наук случайно посетил префект** Павии Турбакко. Это был чиновник старой закалки, который неизменно проявлял интерес к культуре, следил за жизнью нашего университета. Я был представлен ему как один из наиболее способных студентов, и он пообещал прийти на мою защиту. Слово свое он сдержал.

Вероятно, никто не проинформировал его ни о моих антифашистских взглядах, ни о том, что на традиционной фотографии выпускников я был единственным среди студентов юридического факультета, не надевшим черной рубашки. Поскольку именно это предписывали инструкции ГУФ, я был счастлив, что являюсь исключением. Видя мой темный костюм, лакированные туфли и белую рубашку, многие принимали меня за швейцарца.

В связи с тем что на защиту прибыл префект, в зале собрались все преподаватели, которые с большим вниманием следили за обсуждением. Успех был полный: я получил высший балл. Префект даже обнял меня при всех, причем пожелал, чтобы об этом его жесте сообщила печать. На кафедре в спешном порядке была подготовлена небольшая заметка, в которой восхвалялось великодушие префекта, а также

* Портолонгоне — тюрьма в области Тоскана.

** Префект — государственный чиновник, назначаемый правительством в качестве руководителя местных органов власти, в случае если их создание невозможно обычным выборным путем.

чрезмерно расписывались мои заслуги. Заметка под заголовком «Выдающаяся защита в университете Павии» появилась во многих газетах. И это также было для меня большой удачей: я тут же победил на нескольких конкурсах, получил премии, и был назначен временным ассистентом кафедры финансовых наук Павийского университета с жалованьем в 616 лир в месяц. Таким образом, уже 1 августа я был спокоен за свое будущее.

Среди всего прочего, я оказался победителем конкурса на стипендию, как раз тогда учрежденную Итальянским банком для выпускников, желающих продолжать свое образование за границей. Я избрал для этого Вену и Лондон. Заграничный паспорт был мне выдан, хотя и с некоторыми трудностями.

Перед отъездом я был приглашен к Аттилио Кабиати и Луиджи Эйнаути³⁶. Как и все юноши, я не испытывал заранее какого-либо почтения к подобным людям. Мне уже была знакома моральная и интеллектуальная скудость некоторых профессоров Павии. И все же это приглашение было лестным для меня, особенно потому, что я полностью отдавал себе отчет в собственном великом невежестве.

Эйнауди принял меня в Турине просто и сердечно. Он был в острых научных разногласиях с моим профессором, однако они относились друг к другу с уважением. Он расспрашивал меня об учебе, причем разговор начался уже по дороге, когда мы заходили то в один, то в другой книжный магазин, и был продолжен в его кабинете.

Эйнауди дал мне несколько советов и вручил рекомендательные письма к преподавателям Лондонской экономической школы, куда я намеревался отправиться. Я не скрыл от него своих антифашистских настроений; и тогда он, крупный ученый, всеми уважаемый человек, заговорил со мной, юношей, которому только-только исполнилось двадцать лет, о своих сомнениях и колебаниях. Речь шла о том, что ему предстояло обсудить как раз с Кабиати и другими профессорами общую линию поведения в связи с тем, что фашисты потребовали от ученых принести присягу на верность режиму. Как известно, формулировки присяги были очень жесткими: предписывалось не только уважать законы государства и не участвовать

в деятельности антифашистских партий, но и «вести преподавание таким образом, чтобы воспитывать граждан, полностью преданных фашизму». Иными словами, речь шла о том, чтобы дать клятву служить пропагандистами Муссолини.

Присягать или не присягать? Что правильно в подобной ситуации: покинуть кафедры, отдав их на откуп карьеристам, которые снизят уровень преподавания и развратят молодежь, или же продолжать преподавание, согласившись на формальное унижение?

Эйнауди сказал мне по секрету, что существуют разные мнения. Так, Руффини³⁷ решил отказаться от присяги; и Эйнауди был склонен пойти на это. Я был благодарен ему за откровенность, но не смог смолчать и сказал, что с моральной точки зрения, на мой взгляд, не следовало приносить присяги. Тем не менее, я заметил, его позиция не смущает меня, поскольку и мы в своей группе уже пришли тогда к выводу, что необходимо использовать все возможности, которые может предоставить фашизм.

Сейчас я думаю, что в тех обстоятельствах Эйнауди отнюдь не был неправ. Во всяком случае, как он, так и Кабиати продолжали преподавать в прежнем духе — либеральном, консервативном, но в то же время антифашистском.

Впрочем, и фашистский режим проявлял достаточную политическую трезвость. Исходя из классовых интересов, он удовлетворялся формальным повиновением. До тех пор, пока его противники не переходили к прямой антифашистской борьбе в подполье, он оставлял их в покое. Доказательство тому — мой собственный опыт: до 1935 года я, хоть и был под постоянным надзором, в своей работе не встречал никаких препятствий.

Принесение присяги стало обязательным в 1931 году, а в 1933-м к этому добавлялось членство в фашистской партии. Для всякого, кто выполнил эти формальности, практически не было необходимости идти на дальнейшие гнусности, как это сделали многие. К тому же цензурой занимались префектуры*, где какой-нибудь более-менее грамотный чиновник просматривал вашу рукопись. Разумеется, он мог как-

* Префектура — канцелярия префекта.

то оценить романы или собственно политические статьи, но в университетских публикациях научного характера был, бесспорно, полным профаном.

Вот почему я считаю, что не может быть никаких оправданий для «ученых», и сегодня еще восседающих на кафедрах, которые тогда, надеясь на быструю карьеру, шли в откровенное услужение режиму, писали статьи и книги, где воспевали дуче и фашизм, причем делали это даже в работах по истории Греции и медицине!

В ЕВРОПЕ

20 октября 1931 года я прибыл в Лондон и поселился в частном, по-семейному уютном пансионе. Кроме меня здесь жила семья Купер. Он — инженер, возвратившийся из Индии, — был типичным служащим британского колониального режима. С массой предрассудков, с остро развитым чувством национальной гордости, ограниченный, но честный, этот человек, как и все англичане, с уважением относился к взглядам других, если только речь не шла об африканцах и индийцах. Он наизусть знал Библию и нередко высказывал беспокойство по поводу моего «нравственного здоровья». Так, он, желая убедить меня в необходимости приобрести и прочитать Библию, зачитывал отдельные стихи, прося меня следить по книге, верно ли он их помнит. Для него слово «папист» и ныне имело то же значение, что три века назад; он был уверен, что все итальянцы носят стилеты, и удивлялся, что у меня его нет. Это был несомненный консерватор, но по натуре хороший человек, и мы быстро подружились.

Моя южная живость смущала его, но он воспринимал ее не без удовольствия. О своих согражданах он судил так точно, что его оценки я поныне считаю верными. Год спустя после моего отъезда из Лондона он, в частности, писал мне: «Мне кажется, что многие итальянцы считают Англию и англичан слишком «тяжеловесными» по сравнению с их прекрасной страной и ее темпераментным народом. Возможно, конечно, что у нас не столь живой характер, но мы умеем ценить в других те качества, которых не имеем сами, хотя и слишком стыдимся признаться в этом. То, что

многие называют английской покорностью, есть не что иное, как робость».

По утрам инженер заглядывал в столовую и спрашивал: «Миссис Купер уже спустилась?» Мне понадобилось несколько дней, чтобы понять, что речь идет о его жене: настолько были сдержанными и церемонными их отношения на людях.

Миссис Мэри Купер была намного моложе мужа. Их тринадцатилетняя дочь Джойс также вела себя сдержанно и церемонно, как все воспитанные англичанки того времени. В разговорах с ними приходилось постоянно следить за собой, потому что все их шокировало, казалось непристойным и неприличным. Я, от природы не склонный к благовоспитанности, попав в эту среду, часто развлекался тем, что специально утрировал свой атеизм, делился с миссис Купер весьма интимными тайнами. За пуританской оболочкой Мэри скрывалась глубоко страстная натура, и она открыто потешалась над некоторыми моими замечаниями и нарочитыми скабрёзностями, особенно когда по вечерам я, решив пройтись, говорил: «Что-то мне скучно. Пойду поищу приключений» (впрочем, в то время это было отнюдь не просто).

Лондон 1931 года открывал перед таким провинциалом, как я, прибывшим к тому же из фашистской страны с ее замкнутостью и убожеством духовной жизни, широкое поле для наблюдений. Чувство терпимости, столь присущее англичанам, я отмечал в тысяче мелких фактов. Так, полицейские не носили оружия и вежливо обращались со словом «сэр» как к явно влиятельному, элегантно одетому господину, так и к бедняку в жалких лохмотьях. Полное безразличие и терпимость встречали различные идеи, в том числе самые необычные. Лондонский Гайд-парк был для иностранцев витриной политических, религиозных, интеллектуальных крайностей, упражнений в ораторском искусстве, чем занимались все, кто не имел на это возможности в других местах.

Наиболее ярким доказательством этого чувства терпимости была, на мой взгляд, Конференция «круглого стола», посвященная Индии. Это было в ноябре 1931 года. К тому времени движение за гражданское неповиновение достигло в Индии таких масштабов и такой зрелости, что английское правительство вынуж-

дено было пойти на разработку плана расширения прав колонии. В связи с конференцией в Лондон прибыл Ганди³⁸, как всегда, со своей козочкой. Сопровождала его секретарь, мисс Слейд, дочь английского офицера, перешедшая на сторону Индии. В огромном зале, где выступал Ганди, одетый в традиционный национальный наряд, никто не выразил непочтения ни по отношению к нему, ни к его секретарю. Более того, всякий раз, когда Ганди повторял «англичане должны покинуть Индию», в зале раздавались аплодисменты. Для юноши из фашистской Италии все это казалось невероятным. Разумеется, размышлял я про себя, несмотря на эти аплодисменты, англичане не уходят из Индии. Это лишь иной способ делать политику. Однако, имея перед глазами фашистскую тупость, я с удовольствием смотрел на этот спектакль.

С каждым днем я все лучше узнавал англичан, не уставая при этом поражаться, с каким мастерством правящие классы насаждали устойчивую атмосферу конформизма, почтения к властям, с каким искусством использовали печать для обработки общественного мнения. Трудовой люд читал много в автобусах и в метро (то же самое я заметил позднее в Германии), однако при всем при том это была чаще всего развлекательная беллетристика или газеты, ставящие своей главной целью убедить граждан в прочности власти и в талантах руководства, с тем чтобы они всегда оставались верными и послушными режиму. Мне редко приходилось слышать, чтобы эти люди говорили о политике. Конечно, в этом смысле они не шли ни в какое сравнение с итальянцами и французами, которые, возможно, и были более невежественны, но зато спорили постоянно, вкладывая в дискуссии всю свою страсть, пусть даже и не понимая при этом, о чем, собственно, идет речь.

И все же политическая жизнь в Лондоне тех лет была очень интенсивной. 21 сентября было объявлено о девальвации фунта, в жизнь начала проводиться стратегия плавающего курса валюты. Для меня, изучавшего финансовую политику Сноудена, посещавшего лекции Хайека³⁹ в Лондонской экономической школе и Клея — в Банковском институте, это был очень интересный момент, способствовавший дальнейшей кристаллизации моих убеждений.

Помнится, в Италии мне пришлось спорить по этому поводу с Бенедуче⁴⁰, тогдашним экономическим деятелем (он не был фашистом, но режим использовал его). Грициотти дал мне рекомендательное письмо к нему, так же как до этого Эйнауди, и я отправился в Рим на встречу. Бенедуче сказал мне тогда: «Вы едете в Лондон в любопытный момент. На повестке дня девальвация фунта и возвращение к золотому стандарту». Он был настолько убежден, что англичане никогда не допустят свержения фунта с его мирового валютного трона, что даже дал указание Итальянскому банку провести ряд операций в соответствии с этими своими, как оказалось впоследствии ошибочными, прогнозами.

Разумеется, не моя заслуга в том, что я был в курсе всех событий и дискуссий, критических выступлений Кейнса⁴¹ и Маккенна⁴², связанных с возвращением к золотому стандарту. Скорее все дело заключалось в том, что я был помоложе, что мне пришлось готовить свой диплом в обстановке зарождения новых научных идей. Одним словом, я был убежден, что англичане не повторят ошибки 1925 года⁴³, что они скорее сориентируются на новую финансовую политику, приняв за основу плавающий курс валюты, не заботясь особо о колебаниях, которые это вызовет при внешнеторговых операциях. Разумеется, я не был еще в состоянии теоретически осмыслить происходящее: только изучение марксизма позволит мне позднее сделать это. Однако в одном я был уверен: несмотря на свой опыт и свой престиж, Бенедуче заблуждался, о чем я прямо ему сказал. И, надо признать, Бенедуче оценил мою искренность.

Я очень хорошо помню этот эпизод. И сейчас, когда слышу от какого-нибудь молодого ученого критические замечания, я, размышляя над этим, из принципиальных соображений допускаю, что прав именно он.

Сколь отличался в этом смысле академический мир Англии! Все — и Беверидж⁴⁴, и Грегори, и Дальтон⁴⁵, и Гобсон⁴⁶, автор «Империализма» — приняли меня очень любезно. Однажды Гобсон показал мне протест против присяги на верность режиму, навязанной фашистами университетским преподавателям Италии, который уже был подписан многими учены-

ми из разных стран мира. «Мне следует подписать это?» — спросил он. Я откровенно рассказал, что думаю о фашизме, насколько велика моя ненависть к нему.

И все же, хотя окружение старика Натана, руководившего лондонским отделением Итальянского банка, с которым работал тогда еще молодой, но уже показавший свои способности Энрико Кучча, не было профашистским, я не стремился к контактам с антифашистскими политическими организациями. Более того, время от времени я даже заходил в Итальянскую лигу в Англии. Я думал только об учебе.

Тем временем идолы реформизма ниспровергались сами по себе: Сноудену был пожалован титул виконта Икорншоу, а Макдональд, этот английский Бонми⁴⁷, был исключен даже из такой терпимой партии, как лейбористская. Достаточно было лишь поверхностного изучения экономической политики Англии, которую позднее теоретизировал Кейнс, чтобы понять полное отсутствие каких бы то ни было элементов социализма в реформизме лейбористов. Они все более ориентировались на координированное вмешательство государства в экономику, что стало необходимым для монополистического капитала. Иными словами, речь шла, по определению марксистов, о государственно-монополистическом капитализме.

Тогда, конечно, все это я понимал отнюдь не так четко, как позже. Однако опыт, приобретенный несколько позднее в Австрии, объективно привел меня к более сознательной критике реформизма, к марксизму. Эта эволюция, впрочем, не носила лишь личный характер. В ней отразился целый исторический период, который нам выпало пережить.

Причины провала социал-демократов были ясны тогда многим. Что касается меня, то я так излагал их (следует, конечно, иметь в виду определенную двусмысленность, связанную с фашистской цензурой) в введении к книге «Валютная и финансовая политика Англии», написанном в 1933 году, сразу же после учебы в Австрии: «В последние годы мы наблюдаем преодоление социал-демократизма как экономической и политической теории. С точки зрения экономической социал-демократы в ходе экспериментов недавнего периода показали свою неспособность устранить про-

творение между экономической системой производства, основанной на принципах индивидуализма, и осуществлением социалистических принципов распределения.

...С политической точки зрения социал-демократия потерпела провал, поскольку, облагая чрезмерными налогами производителей, и в частности капиталистов, она не лишала их экономической мощи, составляющей основу их способности защищаться».

Возвращаясь в Италию на рождество, я сделал остановку в Париже. Мне было стыдно за собственную политическую бездеятельность, и я твердо решил установить наконец контакт с антифашистским движением за границей. У меня не было ни адресов, ни рекомендательных писем, поскольку арест Маффи прервал все связи и я никогда не стремился узнать слишком много об организационной стороне дела. Когда знаешь, что со дня на день тебя могут арестовать, самое главное — это быть уверенным в том, что не сможешь назвать никаких имен, не произнести никаких компрометирующих фраз.

Хорошо, конечно, быть уверенным в себе, но для большей безопасности лучше знать как можно меньше.

Группа студентов-антифашистов из Павии с каникулами распалась. Но она и не имела прямых контактов с эмиграцией. В Милане через Джину я познакомился в октябре с братьями Луццатто, друзьями Маффи. Однако я не попросил у них рекомендательных писем.

В Тревизо еще в детстве я знал Марио Бергамо, который, приезжая в отпуск во время войны, часто брал меня на руки и читал «Пиноккио»*. Сейчас он жил в Париже на положении политэмигранта. Я не знал о нем ничего, кроме того, что в свое время он был депутатом от республиканской партии. Я купил газету «Антифашистской концентрации»⁴⁸ «Ла либерта» («Свобода») и позвонил в редакцию. Мне предложили прий-

* «Приключения Пиноккио» — сказка о деревянном человечке, написанная итальянским писателем Карло Коллоди (настоящая фамилия — Лоренцини, 1826—1890). Отдельное издание сказки вышло в 1883 году. По ее мотивам А. Н. Толстой написал сказку «Золотой ключик».

ти к ним. Там я встретил республиканца Марио Пистокки (не знаю, куда он потом делся, позднее я даже подозревал, что он был провокатором), который дал мне адрес Бергамо, и я отправился к нему.

Бергамо в то время переживал очередной из своих многочисленных семейных кризисов, жил один, а потому встретил меня с большой радостью. Его политические взгляды не отличались последовательностью, но в то время я не мог судить об этом. Он с большим интересом выслушал мой рассказ и предложил изложить то, что я ему рассказал, в материале для газеты, особо выделив впечатления о новом поколении антифашистов. В результате этой беседы на свет появилась моя брошюрка «Новый антифашизм». Я написал ее очень быстро, в течение января, как только приехал в Вену, и Бергамо организовал ее публикацию в издательстве «Республика» под псевдонимом Италикус. В книжке, сделанной в виде писем, будто бы принадлежащих молодым итальянским антифашистам, я рассказывал о положении, настроениях, моральном протесте той части молодежи, к которой я и сам принадлежал, о ситуации в стране. В этой части мое искреннее повествование представляло определенную ценность. Хуже обстояло дело, когда я переходил к политическим проблемам: здесь моя неподготовленность сразу же бросалась в глаза настолько, что одна из фашистских газет, издающихся в Париже, писала: «Бедняга Италикус! Его слишком рано отняли от груди».

Серьезной и, впрочем, справедливой была критика левой печати. Газета коммунистов, кажется это была «Бандьера росса» («Красное знамя»), атаковала меня, говоря что-то вроде того, что «революционеры», подобные мне, как известно, кончают обыкновенными реакционерами; вполне разумные, если говорить о наивной «политической программе», но по сути своей сектантские и эгоистичные суждения. Ведь речь шла, как можно было предположить, об искреннем молодом человеке, который ищет свой путь.

Сам я, во всяком случае, никогда не признавался в авторстве, отказавшись от этого труда, как только в 1932 году получил книгу из типографии. За это время произошел важнейший качественный скачок в моем сознании: я стал марксистом.

В Вене, куда я приехал в январе 1932 года, сразу же после каникул, проведенных дома, в Вероне, для меня очень скоро открылся новый мир. Древняя столица Австрийской империи, переживавшая упадок, тем не менее все еще сохраняла прежний блеск и была важным центром культурно-политической жизни Центральной Европы. Приехал я туда в момент, интересный со всех точек зрения. Что касается моей научной деятельности, то как раз в этот период Людвиг фон Мизес⁴⁹ создал популярный салон, в котором встречались видные экономисты из многих стран. Во главе института исследований конъюнктуры стоял Оскар Моргенштерн⁵⁰. После банкротства «Кредитанштальт»*, которое привело к критической точке великую экономическую депрессию 1929 года, в Австрии, как и в Германии, был введен валютный контроль, осуществляемый через государственную монополию на валютный обмен. Кризис обострил до крайней степени все социальные противоречия. Таким образом, и в Вене ощущалось неумолимое приближение фашизма. «Венгерский колледж», куда я приехал по обмену с университетом имени Борромео, помещался в прекрасном дворце в самом центре Вены. Студенческая среда была очень разношерстной. Прежде всего следует сказать о венгерских стипендиатах, большинство которых происходило из семей высшей знати и верхушки буржуазии; это были люди откровенно реакционных взглядов. Они жаждали удовольствий и легко находили их. Среди всех выделялся князь Эстергази, который, к зависти всех нас, покорила лучших девушек колледжа.

Были среди венгров и выходцы из семей мелкой и средней буржуазии, в том числе еврейского происхождения, многие из которых быстро стали моими друзьями.

Для оздоровления бюджета, чей дефицит вследствие валютных ограничений значительно возрос, колледж принимал за плату желающих обучаться здесь из всех стран. Так что тут можно было встретить и ка-

* «Кредитанштальт» — крупнейший банк венского дома Ротшильда, господствовавший над значительной частью народного хозяйства Австрии.

надца из Торонто, совершенствовавшегося в теории игры на колоколах, и очень красивую дочь американского консула в Шанхае, которая чуть ли не ежедневно устраивала «приемы» в своей комнате, встречая гостей неизменно в кимоно.

Итальянцев было шесть человек. Все они отличались и по культурным и по политическим интересам. Двое были врачами, специализировавшимися в гинекологии. Один показался мне действительно серьезным ученым. Второй же отличался тем, что подтачивал данные, лишь бы они соответствовали его тезисам. Легко догадаться, что он-то и стал впоследствии известным и богатым человеком, развращенным «сладкой жизнью» Милана.

Был среди итальянцев и этнограф, удивительный ханжа по натуре. Когда врачи за столом говорили на темы своей специальности, он в ужасе затыкал себе уши. Если же речь не шла об абортах и других гинекологических проблемах, его не смущали самые гнусные непристойности; он весело смеялся и даже отпускал грубые шутки — результат определенного католического воспитания.

Кроме того, здесь учился юрист из Рима, как я подозревал, член фашистской партии, а также женщина-экономист, глубоко образованная и тонко чувствующая науку, сегодня — известная писательница.

Вместе с нами колледж посещали и несколько югославы. Эта группа была более однородной, чем наша; в нее входила семья сербов из Бановины: Катя готовилась к защите диплома по политическим наукам, Бата занимался химией, а Живко, самый молодой из всех, изучал экономику и торговлю. Вместе с ними была их подруга Юлькица. Особняком держался словен, сын богатого владельца строительной фирмы. Впоследствии он стал коллаборационистом и был расстрелян партизанами во время войны.

Первая моя встреча с югославами закончилась ссорой. Ах, ты итальянец, говорили они. Вы — поджигатели войны, вы хотите заполучить нашу Далмацию, издеваетесь над нашими братьями в Истрии. На подобные нападки, пронизанные национализмом, я отвечал в том же духе: «Это вы хотите захватить Истрию, а что же касается свободы, так ее нет не только у жителей Истрии, но и у всех итальянцев».

Однако очень скоро мы сумели найти общий язык, согласившись, что границы можно оставить там, где они находятся, а главное — это уважение национальных прав и свобод.

Катя была очень живой девушкой, лишенной предрассудков. Бата, добрый и великодушный, уже тогда симпатизировал коммунистам. Он рассказывал мне о подпольной борьбе в Югославии, о дискриминациях, об издевательствах над арестованными, которым сербская полиция подвергала граждан других национальностей. «Ну-ка, крестись», — говорили полицейские, чтобы выяснить, кто перед ними — православный серб или хорват-католик. Хорватов они считали своими злейшими врагами и обращались с ними соответственно.

С Бата мы стали чуть ли не братьями. Часто гуляли вместе, подолгу беседовали. Как-то отправились на окраину города, чтобы посмотреть великолепный советский фильм Экка «Путевка в жизнь». История о русских беспризорниках периода гражданской войны, которых затем возвращает к жизни в новом, социалистическом обществе великий педагог Макаренко, привела нас в восторг. Выйдя на улицу, мы заметили группу молодых австрийцев, которые, как можно было понять, тоже хотели бы посмотреть фильм, но у них не было денег. «Вероятно, безработные», — подумали мы. И, вывернув свои карманы, отдали им все деньги, которые смогли обнаружить. Потом пешком мы отправились в колледж и на всем долгом пути говорили о фильме и о Советском Союзе.

В Вене бросались в глаза признаки экономического кризиса. По вечерам скамьи парка Ринг были полны безработных, которые устраивались здесь на ночь. Общественные столовые для бедняков, в которых приборы были прикреплены к столам цепочкой, не могли вместить всю огромную массу голодных людей.

Я бывал в этих местах, говорил с этими отчаявшимися людьми. Как раз в то время вышла книга Ганса Фаллады «Что же дальше, маленький человек?», в которой правдиво изображалась трагедия мелких служащих. Тревога охватывала всех. Нацисты развернули широчайшую пропаганду, особенно среди молодежи, доказывая, что интеграция с Германией на основе «единой крови» является необходимой предпосылкой для возрождения немецкого народа, для обес-

печения всех работой. «Проснись, Германия!» — этот лозунг находил отклик не только в университетах, но и среди безработных и обездоленных.

30 апреля 1932 года состоялось факельное шествие нацистской молодежи. Оно было невиданным по масштабам и производило впечатление. Я вместе с Бата и другими студентами наблюдал за ним со ступенек Народного театра. Возмущение, которое во мне вызывало это зрелище, было настолько сильным, что, вероятно, отразилось и на моем лице. Словом, ко мне подошли несколько нацистов, видимо принявших меня за еврея, с явным намерением избить. Меня спас итальянский паспорт, как, впрочем, это было уже не раз, в том числе и в университете.

1 Мая меня восхитила демонстрация социал-демократов, на которой я познакомился с приятной девушкой по имени Анни (впоследствии она погибла в нацистском концлагере). Гигантская колонна людей под красным знаменем шла с возгласами «Дружба!». Однако в накаленной, чреватой открытым столкновением обстановке тех дней этот лозунг, сам по себе выражающий спокойную силу, идеал людей труда, уже не был достаточным, исторически уже изжил себя. Нужны были ответные действия, но на это оказалась не способна даже народная милиция (Шуцбунд)⁵¹. Социал-демократы, которые удерживали благодаря перевесу лишь в несколько голосов муниципалитет Вены, вели, особенно в жилищном вопросе, достаточно умную социальную политику. Именно им обязан своим появлением прекрасный комплекс народных домов. Во время манифестаций могло показаться, что массы с ними, а христианско-социальная партия, которая проводила откровенно консервативную, профашистскую политику, находится в меньшинстве. Но это только казалось: когда дело доходило до выборов и подсчета голосов, проявлялось истинное политическое влияние клерикалов. Для меня это был урок, который я никогда не забывал и о котором потом много раз говорил своим товарищам в тюрьме.

Шуцбунд была серьезной организацией. Приятно было видеть, как печатники или рабочие трамвайных линий, оставив работу, вооруженные, в форме проходили по улицам. Это вселяло мужество. Однако руководители Шуцбунда проводили неверную политику.

Уже тогда ощущалось, что весь социал-демократический аппарат трещит под натиском клерикал-фашизма Дольфуса⁵² и нацизма. Ослепленные антикоммунизмом, социал-демократы сами рыли себе яму. Позволяя проводить дискриминацию и запретительные меры против коммунистов, они все более сдавали позиции, подготавливая тем самым свое трагическое поражение в 1934 году.

Впрочем, и сами коммунисты несли ответственность за то, какой оборот принимали события. Сектантство, фронтальная борьба против социал-демократов, ославленных «социал-фашистами», изолировали их от масс. 1 Мая, когда они организовали свою собственную демонстрацию, их слабое политическое влияние проявилось с полной очевидностью. Политическая полемика в Германии и Австрии велась с не меньшей остротой также и внутри рабочего движения, что приводило к опасной разобщенности перед лицом нацизма.

Я пытался осмыслить все это, для чего посещал знаменитые народные дома и другие организации социал-демократов. В политике я разбирался еще мало. Я читал газеты и журналы, в первую очередь социал-демократический «Дер Кампф»*, коммунистический «Дер Коммунист», приступил к изучению трудов Маркса и Ленина. Позиции коммунистов представлялись мне все более логичными и последовательными.

В один из майских дней 1932 года я решил сходить в руководство Компартии Австрии и в советскую миссию. В первом случае меня приняли с плохо скрытым недоверием. Со мной встретился один из функционеров руководства партии, который выслушал меня, но ничем мне не помог. Он лишь проводил меня в книжный магазин, находившийся на первом этаже. «Здесь,— сказал он,— вы найдете все книги и брошюры, которые вам нужны. Прочитайте их, и вы поймете лучше наши политические позиции и наше учение». Тоже мне совет! Это я сообразил бы и сам⁵³.

Но я все же запасся многочисленными материалами. С теоретической точки зрения меня особенно поразила книга Ленина «Что делать?». Вслед за ней я

* «Дер Кампф» («Борьба») — теоретический орган австрийской социал-демократии.

прочел множество других брошюр, в том числе и по итальянской проблематике.

В советской миссии я встретил более теплый прием. Сообщив, кто я такой, я сказал, что готов был поехать в Советский Союз, если смогу быть там полезен, но что я всего лишь интеллигент и ничего не умею делать. Мне было известно, что неквалифицированные рабочие в СССР в избытке и что получают они мало.

Очень симпатичный сотрудник долго беседовал со мной и в конце концов посоветовал подчиниться законам моей страны: следовало, по его словам, пройти военную службу и использовать все те немногие легальные возможности, которые еще оставались в Италии для защиты и пропаганды своих идей. Под конец он посоветовал мне связаться с торговым представительством СССР в Милане. «Там,— сказал он,— вы получите весь материал, который вам необходим, чтобы следить за развитием Советского Союза». Позднее я так и сделал.

Таким образом, пребывание в Вене было решающим этапом в формировании моих политических взглядов, в моем становлении как марксиста. Вернувшись осенью 1932 года в Италию с грузом пропагандистского материала, я открыто объявил себя сочувствующим коммунизму, убежденным сторонником СССР.

ПОЛИЦИЯ

Приехав в Италию, я не прожил в Павии и двух месяцев. В стране ничего не изменилось. Грициотти, который руководил моей научной работой, увлекался проблемами налогового права и в конце 1932 года решил отправить меня на четыре месяца в Берн, к профессору Блюменштейну, человеку очень большого ума и необычайной культуры. Швейцария и, в частности, Берн не представляли собой ничего особенного. Блюменштейн был искренним демократом, но не более того. Он пообещал мне подыскать кафедру после того, как я защищу диссертацию. Найти в Берне коммунистов или активистов вообще какой-либо левой организации было трудно, и очень скоро я от этих поисков отказался. Зато здесь я мог читать массу различных

газет и следить за развитием политических событий. А момент был чрезвычайно острым: Гитлер рвался к власти.

Я продолжал писать Бергамо, хотя политически уже отошел от него. Я рассказал ему об эволюции своих взглядов и послал даже статью, которая, однако, не была опубликована: Бергамо считал, что она слишком выходит за рамки его собственных политических позиций, впрочем весьма расплывчатых.

В статье я предпринял попытку проанализировать текущий момент, выдвинув тезис о необходимости тесного союза между республиканцами, которых я считал представителями средних слоев, социалистами и коммунистами.

Высылка из Швейцарии Паччарди⁵⁴ была в эти месяцы единственным событием, которое несколько всколыхнуло жизнь страны, взбудоражив, правда, больше журналистов, нежели швейцарцев.

Я познакомился также с Каневашини, депутатом-социалистом от кантона Тичино. Но в конечном итоге все это было лишь проявлением политической любознательности молодого человека, а не конкретным шагом в сторону серьезной деятельности.

В 1933 году обстановка в Павии ухудшилась. Многие из моих бывших друзей, оставшиеся в городе, знали, что находятся под контролем полиции, и ничего не предпринимали. Остальная часть группы, которая была душой выступлений 1931 года, рассеялась. Маффи вышел из тюрьмы в связи с амнистией, объявленной по поводу десятилетия «похода на Рим». Наша встреча была очень теплой, особенно потому, что и взгляды Маффи за прошедшее время претерпели эволюцию, аналогичную моей.

К тому времени та ограниченная политическая деятельность, которую еще можно было вести, имела своим центром Милан. Причем в равной степени это относилось как к серьезным начинаниям, так и к легкомысленной игре в политику. Вокруг Моранди⁵⁵, уже тогда известного своей работой по истории крупной промышленности, сформировалась небольшая группа, куда входили Маффи, Колорни, Луццатто и другие. С политической точки зрения Моранди был самым зрелым из всех. Он умел увязывать традиции прошлого с настоящим моментом и не упускать возможности рас-

ширения антифашистского фронта с помощью самого разного рода начинаний. Некоторые из них на первый взгляд ничего общего не имели с нашей группой, однако на деле они хотя и не исходили от нас, но координировались нами. Например, мне предложили сотрудничать в журнале «Орфеус», который Сприано⁵⁶ в своей «Истории ИКП» называет независимым или же близким к «левому течению фашизма»*. Вышло всего два номера этого издания. В одном из них появилась моя статья, посвященная девальвации доллара и новой американской экономической политике. Мне не были известны руководители журнала, и лишь в 1945 году я случайно узнал, что среди редакторов был и Риккардо Криппа, позднее мой близкий друг.

Тремеллони⁵⁷ и Ленти, не входившие в группу, но придерживавшиеся антифашистских взглядов, начали издание журнала «Ла Борса» («Биржа»), носившего экономический и финансовый характер. В нем я тоже сотрудничал, хотя и этот журнал вскоре прекратил свое существование. В этот же период я был представлен Тревесам⁵⁸, за которыми также наблюдала полиция. Мне они показались очень напуганными.

Мы не пропускали ни одного факта разногласия и брожения внутри фашистской партии, используя любую возможность для контактов. Среди молодых фашистов, искренне верящих в «революционный» характер этой доктрины, появились в тот момент кое-какие новые элементы, свидетельствовавшие о критическом переосмыслении фашизма и корпоративизма. Однажды в Милане я случайно встретил моего знакомого по университету, который в 1931 году особенно рьяно нападал на меня. Он сообщил, что работает адвокатом в промышленных профсоюзах. Мы заговорили о политике, и он откровенно признал: да, корпоративизм — это ловушка для трудящихся, его единственная цель — усыплять сознание масс. Не помню, когда это было, но, стремясь как можно глубже проникнуть в лагерь врага, я написал в один из журналов того времени статью с позиций «левого фашиста».

Встречались и другие типы антифашистов; работа с которыми была серьезнейшим испытанием терпения.

* *Paolo Spriano. Storia del Partito Comunista Italiano. Torino, 1971, vol. III, p. 12.— Прим. авт.*

Так, мне вспоминается сын одного банкира-еврея, который заявлял о своей близости к коммунистам и для которого главным фактором «революции» были цены на кубинский сахар. С ним нам приходилось часами гулять и беседовать, но, увы, без всякой пользы.

Разумеется, все это была деятельность, никем не координируемая и не направляемая какой-либо однородной группой.

Тем временем полиция не дремала. Я знал, что за мной следят, но никак не предполагал, сколь серьезно обстоит дело. Мне не было известно, что и ОВРА, и другие силы повсеместно активизировали свою деятельность. Летом 1933 года у полиции возникло подозрение, что автором брошюры, вышедшей за год до этого в Париже, являюсь я. Разумеется, с момента ее выхода фашисты не прекращали поисков Италикуса. И когда они наконец напали на мой след, 2 августа 1933 года начальник Политической полиции отправил префекту Вероны (который ничего не мог знать о моем антифашизме) срочный секретный запрос, затребовав мою фотографию — из тех, что я подавал для получения заграничного паспорта. В это же время в ход была пущена и ОВРА: из Милана в Павию пришел приказ о проверке всей моей корреспонденции.

11 сентября начальник Политической полиции смог доложить своему руководству о том, что на основании фотографии я был опознан осведомителем, «серьезность которого не вызывает сомнений». Он сообщил, что видел меня вместе с Бергамо в помещении руководства республиканской партии в Париже. (Вот еще одно доказательство того, насколько удобным прибежищем были для провокаторов некоторые «антифашистские» круги за границей!)

Итак, я оказался в поле зрения полиции, которая, хотя и была уверена, что имеет дело с Италикусом, не сочла возможным арестовать меня лишь на основании данных осведомителя. Агенты получили приказ собрать дополнительные улики. При этом полиция, вероятно, надеялась, что через меня ей удастся выйти на более крупных деятелей.

Расследование возглавила сама ОВРА. Как явствует из записки, которую 5 ноября 1933 года генеральный инспектор Нуди направил начальнику полиции Боккини⁵⁹, слежку за мной поручили агенту из Павии,

сыну осведомителя Сальвино, который в свое время выдал в Милане одну из групп «Справедливости и свободы». Сын его работал ассистентом кафедры математики в университете и, таким образом, идеально подходил для организации наблюдения за мной.

Несколько месяцев спустя, не получив желаемых результатов от осведомителя, ОБРА дала полицейскому управлению Павии указание установить «тайный и осторожный контроль» за моей деятельностью, не прекращая также досмотра всей корреспонденции. Когда я был призван в армию, слежка отнюдь не была прекращена. Более того, она постоянно расширялась, хотя при этом предпринимались все меры предосторожности, с тем чтобы не насторожить меня. Так, в одном из циркуляров, направленных квестором Павии своему коллеге в Вероне, предписывалось со ссылкой на указание министерства не только не проводить в отношении меня никаких открытых расследований, но и в случае запросов властей или учреждений давать неизменно положительный отзыв о моих моральных качествах и политических взглядах. Из этих документов наглядно видно — особенно если принять во внимание малую значимость моего дела, — что фашистская полиция была далеко не безоружной перед лицом активного антифашистского движения, что она разработала определенную технику борьбы с ним.

Фашистский режим не стремился репрессировать интеллигенцию. Исключение делалось лишь в самых крайних случаях или когда речь шла об активно действующей группе. Используя всю свою систему подачек и благ, власти стремились скорее завоевать интеллигентов на свою сторону или по крайней мере нейтрализовать их. В этом также одна из причин того, что слежка велась сугубо бюрократическими методами. Так, однажды попав в поле зрения полиции, антифашист на всю жизнь сохранял данное ему в тот момент политическое определение. Узнав меня впервые как республиканца, полиция во всех досье и документах неизменно квалифицировала именно так, даже когда Особый трибунал рассматривал мою деятельность в качестве социалиста.

По правде говоря, и тогда полицейских отличала лень и тупость, в связи с чем для мероприятий, разработанных в центре, на местах не находилось усердных

и смекалистых исполнителей: фотографии, направляемые для опознания, зачастую оставались в архивах, а письма, старательно переписываемые (причем с множеством ошибок), что стоило немалых денег, чаще всего огромными кипами лежали без движения в шкафах.

В общем я был спокоен. Однажды Карена, который — это было в 1933 году — только что стал секретарем федерации, вызвал меня и спросил: «Что побудило тебя написать этот антифашистский пасквиль?» Конечно, я отрицал свое авторство. «Хорошо, — в конце концов заявил Карена, — я доложу, что это не ты».

Было видно, однако, что он сам в этом не убежден. (Таким образом, я еще раз убедился, что Карена отличался от других фашистов, развращенных и фанатичных. Может, именно это и стало причиной его ранней смерти: в 1935 году он при чрезвычайно загадочных обстоятельствах утонул в Тичино.)

Карена вновь предложил мне вступить в партию, сказав даже, что я мог бы возглавить провинциальное руководство фашистских профсоюзов, а это позволило бы мне защищать интересы трудящихся. Я не осмелился принять его предложение и очень легко нашел оправдание для отказа: меня, сказал я, слишком хорошо знают как антифашиста и сочтут, что я продался. К сожалению, прибавил я, мне придется вступить в партию, но только в силу практических соображений.

В самом деле, в июле 1933 года, после того как всем желающим принять участие в каком-либо конкурсе было вменено в обязанность представлять членский билет фашистской организации, я, с согласия товарищей, пошел на этот шаг. Правда, мне ни разу не пришлось одеть черную рубашку.

Военную службу я получил возможность пройти в Павии, где была как раз открыта школа для младших офицеров-саперов. Таким образом, мне удалось не прерывать своих связей с университетом и я смог зарабатывать кое-какие деньги, работая секретарем у адвокатов-антифашистов Фиетты и Дзанивольти. Среди слушателей школы встречались и антифашисты: таких взглядов придерживался мой начальник — капитан, а также лейтенант, способный преподаватель электротехники, который не скрывал своих демократических и республиканских настроений и заставлял нас петь

«гимн Мамели» *. Фашистом же был или делал вид, что был, начальник школы полковник Гроссо.

Организовывать среди слушателей политические дискуссии и вести пропаганду против режима было довольно-таки легко. Истинных фашистов тогда было мало: они находились в изоляции. Среди моих новых друзей особенно выделялся Ренцо Лаппиччирелла, с которым я встретился уже после Освобождения в Риме, когда он стал профессором, одним из руководящих работников коммунистической партии.

Пребывание в военной школе с ее абсурдными правилами скрашивалось тем, что здесь преподавались на очень серьезном и глубоком уровне технические дисциплины, с которыми я абсолютно не был знаком.

Окончив школу в конце мая 1934 года, я, воспользовавшись льготой, предоставляемой военными учебными заведениями, отслужил в армии лишь месяц, причем в Вероне, и в конце сентября уже был свободен.

В ПАРИЖЕ И САССАРИ

Париж, последняя из демократических столиц Европы 1934 года, был для нас, антифашистов, желанной мечтой. Я смог попасть туда благодаря победе на одном из конкурсов, что давало мне стипендию за рубежом. Разумеется, я выбрал Париж прежде всего потому, что хотел связаться с активными антифашистскими организациями и с Коммунистической партией Италии. Но я не был бы искренен, если бы назвал только эту причину. Конечно, мне тоже хотелось познать все те радости жизни, которыми славится французская столица. В то же время я намеревался закончить диссертацию и разработал в этих целях план научной работы и публикаций. И хотя мои антифашистские убеждения шли гораздо дальше поверхностного интереса к политике и симпатии к коммунистам лишь в идейном плане, я чувствовал, что мое духовное созревание еще не завершилось. Это и удерживало меня от принятия определенных и ответственных ре-

* «Гимн Мамели» — гимн Гарибальди, являющийся также государственным гимном Итальянской Республики. Назван по имени автора — революционного поэта Гоффредо Мамели (1827—1849). Г. Мамели был адъютантом Гарибальди. Погиб в одном из сражений.

шений. В подобных обстоятельствах всякого рода случайности могут привести человека совсем не туда, куда он сам хотел. В какой-то мере так произошло и со мной.

Миланская группа отвечала моим интересам. Все мы были друзьями, и, по крайней мере, среди молодежи никто не определял четко своей «партийности». Наши воспоминания об антифашистских партиях были сложными, и в них было мало хорошего. Плюс ко всему, мы, не осознавая этого, подвергались воздействию фашистской пропаганды. Все мы стремились к социализму и все яснее понимали, что политическим инструментом к достижению этой цели является коммунистическая партия. Однако как раз с этой партией мы не имели контактов, а может, и не искали их с должной настойчивостью. По сути дела, мы довольствовались тем, что собирались небольшими группами, дискутировали, вели кое-какую антифашистскую пропаганду, писали.

Такое положение имело одно преимущество: оно способствовало созданию в нашей среде прочного антифашистского единства. Отзвуки полемики между антифашистскими партиями, в том числе и между коммунистами и социалистами, доходили до нас из-за границы в приглушенном виде, так что зачастую мы ничего не могли понять. Конечно, победа нацизма в Германии и поражение социал-демократов в Австрии подсказывали нам необходимость критики социал-демократии. При этом мы видели, что, оказавшись в эмиграции, куда их привел нацистский террор, немецкие социалисты так и не осознали своей ответственности за происшедшее. Брошюрка под названием «Начать все сначала», в которой пережевывались старые позиции, произвела на нас самое неблагоприятное впечатление.

Моранди — душа нашей группы — считал возможным создание новой организации социалистов. Он считал, что благоприятные возможности для этого открывает издание журнала «Политика социалиста» («Социалистическая политика»), так как возглавлял находившуюся внутри Италии редакцию этого журнала.

В тот момент многим из нас казалось, что главным фронтом борьбы является разоблачение социал-демократов и неореформистов. Как раз в это время Де

Ман⁶⁰ (чьи труды тут же переводились в фашистской Италии), Зомбарт⁶¹ и Деа⁶², позднее бесславно кончившие принятием нацизма, выступили с идеями «неосоциализма» и капиталистического «планирования». В Милане контакты между фашистами и реформистами начались сразу же после дела Кальдары⁶³.

Мы разделили между собой обязанности. Маффи (Альфьере) взял на себя разработку проблемы в ее философских и политических аспектах. Мне была поручена экономическая часть: я должен был подвергнуть критике вмешательство капиталистического государства в экономику, показать его классовый характер и то, что отличает его от социализма, доказать невозможность «капиталистического планирования». Так появилась на свет статья «Вмешательство государства в экономику и социализм», опубликованная в «Политика социалиста» под псевдонимом Маркетти. Позднее я написал еще одну статью, более теоретического характера, которая не была издана. Перечитывая ее сегодня, я вижу, что в теоретическом отношении она слаба, однако главные элементы уже тогда были изложены мной достаточно ясно. Так, в ней содержалась критика корпоративных иллюзий «левых фашистов», позиций социал-демократии, а также и лично Ненни⁶⁴.

Впервые с Ненни я встретился в Париже, в одном из кафе Латинского квартала, и, к своему удивлению, услышал от него, что «социалистический плод» должен созреть сам по себе. Для того чтобы разозлить человека, который, подобно мне, верил в действие и понимал, что господство фашизма может продолжаться долгие годы, этих слов было вполне достаточно.

«Вместо «социалистического плода» на свет может появиться гнилой фашистский суррогат. Постоянный прогресс общества — это отнюдь не закон. Порой речь может идти и о регрессе. Творим историю мы, люди, и ответственность за все несем мы. Ее нельзя возложить на события». Так я писал в своей статье, называя Ненни «бонзой-псевдомарксистом».

Но, несмотря на эти идеи, разделявшиеся и Маффи, и другими членами нашей группы, идеи, которые уводили нас все дальше от традиционной социалистической партии, события повернулись так, что в Париже я оказался как раз в ее рядах.

Луццатто и другие миланские товарищи, к которым я зашел перед отъездом во Францию, были очень довольны тем, что в моем лице у них будет легальный «куррьер». Мы считали себя обязанными действовать в духе антифашистского единства, и мне поручили передать множество известий (некоторые из них предназначались в особенности организации «Справедливость и свобода»), а также вступить в контакт с Фаравелли⁶⁵ в Лугано и с Таской⁶⁶ в Париже.

Таска, на мой взгляд, был очень похож на типичного преподавателя средней школы с довольно нудным характером. После исключения из компартии он стал «социалистом» и работал в газете «Попюлер»*. Для меня, очень мало знавшего о деятельности партий и об их внутренних разногласиях, подобная метаморфоза значила мало. Я и подумать не мог, что исключение могло так изменить образ мышления человека, который еще недавно был одним из руководителей компартии. Да к тому же, идя на контакт с Таской, я лишь выполнял данное мне поручение.

Но Таска подстроил мне ловушку. Получив информацию, он постарался разговорить меня, очень скоро заметив, что я придерживаюсь коммунистических взглядов и намерен искать контактов с компартией. Он сказал: «Да ты с ума сошел. За ними установлен строжайший надзор, ты тут же попадешься. Зачем это тебе! Ты молод, у тебя впереди большое будущее. Не спеши погубить себя. Ты можешь воспользоваться моей библиотекой. Там есть Маркс и Ленин, сколько угодно газет и журналов. Читай, изучай, это углубит твое образование». Этот оппортунистический совет пришелся мне по душе. По крайней мере на первое время, думаю, это мне подойдет.

Со дня на день я ждал назначения срока защиты (она состоялась в декабре 1934 года) и должен был готовиться к ней. Но и позднее в контактах с коммунистами мне опять не повезло. В конце концов я решил отказаться от дальнейших усилий, позволив Таске убедить себя. Ведь от меня он требовал каких-нибудь несколько статей, и мне казалось, что это не опасно. Да и куда как удобно было быть антифашистом, имея

* «Попюлер» («Народный») — орган Французской социалистической партии.

стипендию с правом обучения за границей, а в перспективе — возможность занять кафедру в Базеле.

Но каковы же были эти социалисты!

Если уже первые беседы с Фаравелли и Таской отнюдь не воодушевили меня, то встреча с Ненни вообще разочаровала. Мне, полному энергии, желания бороться, считавшему, что пришло время действовать, потому что молодежь пробуждается, он говорил о необходимости подождать, «пока созреет плод».

Во взглядах Таски, с его типичным для мелкобуржуазной интеллигентской среды самомнением, уже тогда можно было заметить признаки ограниченности и того малодушия, которое в конце концов привело его несколько лет спустя к поддержке коллаборационистского правительства Виши. Как отличались эти люди от молодежи, входившей в «Справедливость и свободу», с которой я познакомился в парижском Доме студента! Конечно, они были менее опытные в политике, но гораздо более непосредственны и искренни.

Мое первое пребывание в Париже закончилось в декабре 1934 года. После защиты диссертации я получил назначение в университет Сассари. Мне было разрешено совмещать преподавание с использованием стипендии в Париже во время весенних и летних каникул.

Университет в Сассари производил приятное впечатление. Капограсси, один из немногих постоянных профессоров, философ, искренний католик, был для нас, молодых, духовным отцом. Ему мыверяли даже наши личные горести. Это был человек антифашистских взглядов, иронического склада ума, непременимый организатор всякого рода розыгрышей.

Антонио Сеньи⁶⁷, декан факультета, также был антифашистом. И лишь Биджини, профессор конституционного права, депутат, а затем и член Большого фашистского совета*, был откровенным фашистом.

Однако и Биджини не делал ничего такого, что напоминало бы времена и нравы сквадризма. С нами он разговаривал запросто, охотно спорил. На одной пресс-конференции он даже осмелился сказать, что классовая борьба еще существует!

* Большой фашистский совет — высший орган фашистской партии, создан в декабре 1922 года. С 1928 года, по существу, стал высшим государственным органом.

Мы развлекались, подтрунивая над ним, и часто он этого даже не замечал. Позднее, когда уже шла подготовка к войне в Эфиопии, он то и дело пускался в откровенность: рассказывал о разногласиях в высших сферах, о проявлениях недовольства в народе и т. д.

Бедняга, конечно, не мог знать, что я использовал его сведения в статьях в «Нуово Аванти!»*, которые просто бесили Муссолини. «Да кто же это может знать столь секретные данные и так хорошо разбираться в финансовых вопросах?! Нет, враг, бесспорно, среди нас!» — говорил дуче. И ошибался, в который уже раз!

Капограсси возмущало ничем не оправданное прислужничество и ужасающее невежество большинства преподавателей (многие из которых, увы, и по сей день работают в университетах), и он всегда предпочитал общение с молодежью, нежели с ними.

Университет в Сассари был прекрасным учебным заведением. Для тех, кто действительно стремился к знаниям, здесь были хорошие возможности. Среди студентов нередко встречались чрезвычайно одаренные люди. Однако их способности очень скоро глохли в той бедной и ограниченной среде, которая их окружала. Ребятишки из жалких народных кварталов, одноэтажные дома которых не имели окон — их заменял огромный вход, — казались прекрасными цветками той земли; их глаза светились радостью и умом. Однако и их тоже ждала беспросветная жизнь и каждодневный тяжелый труд и пот за жалкие гроши. В сельских районах, примыкавших к Сассари, которым придавали красоту одичавшие оливковые деревья и цветущие сады, в те годы можно было еще натолкнуться на нищего с традиционной сумой через плечо или на бедняка слепого, которого сопровождал оборванный и больной малыш; в других районах подобные вещи уже стали анахронизмом.

Правда, и здесь уже появились ростки нового. Так, однажды вечером мы встретились с крестьянином, который, возвращаясь со своего участка с корзиной, полной оливок, напевал вполголоса «Бандьера росса»**. Он не видел нас и испуганно остановился, когда

* «Нуово Аванти!» — орган ИСП, издавался в Париже с 1934 до 1939 года.

** «Бандьера росса» («Красное знамя») — гимн итальянских трудящихся.

мы вдруг появились перед ним. Капограсси, Тревес и я очень тепло приветствовали его.

* * *

В феврале 1935 года грянул гром. Неожиданно в армию были призваны сразу несколько возрастов: шла подготовка к агрессии против Эфиопии. Это вызвало сильное брожение в стране, кое-кто открыто возмущался. До этого времени слухи о готовящейся войне решительно опровергались. Внезапная мобилизация встряхнула тех, кто молчаливо поддерживал фашистский режим или играл в салонную оппозицию властям.

Нас в Сассари эти известия также не оставили равнодушными. Стало очевидно, что прошло время, когда антифашистом можно было оставаться во многом лишь на словах; настала пора серьезной борьбы. Для меня это значило расстаться с мыслью о том, чтобы занять кафедру где-нибудь за границей или постараться добиться стипендии Рокфеллера. Борьбу с фашизмом нужно было вести здесь, в Италии: становилось все более очевидным, что фашистский режим втягивает страну на путь авантюры и катастрофы.

К такому убеждению приходили многие, хотя не все имели смелость сделать соответствующие выводы. Что касается меня, то отношения с миланской группой помешали мне в тот момент сделать решительный поворот, который был бы необходим в соответствии с моими политическими взглядами. Вернувшись в Париж с новыми поручениями от миланских товарищей, я опять попал в круг людей, близких к Таске. Я лишь стал вести несколько более активную деятельность: перевозил через границу антифашистские материалы, писал под псевдонимом Джин бесчисленные статьи для «Нуово Аванти!», в которых анализировал развитие обстановки в Италии и экономическую политику фашизма. Я познакомился со многими видными деятелями антифашистского движения, в частности с Нитти⁶⁸. Как-то в Лондоне я попытался даже получить заем в пользу антифашистов, для чего встречался с английскими политическими и общественными деятелями. Но я не сделал самого логичного в тех условиях шага — не возобновил попыток войти в контакт с коммунистической партией.

А тем временем отрицательный с разных точек зрения опыт моего сотрудничества с социалистами становился все более очевидным. Вот Модильяни⁶⁹. Первый же его вопрос ко мне: «Ты хороший оратор?» — «Нет, я не оратор, я могу лишь читать лекции». — «Неважно. Приходи ко мне. Даже если ты не знаешь, что намерен сказать, говорить мы тебя научим». И еще: «Да что ты все о рабочем классе! Только выходцы из буржуазной среды способны выйти на улицу и совершить революцию. Впрочем, даже фашистский режим может эволюционировать в социалистическом направлении».

Вот чему учил меня Модильяни.

В июле 1935 года состоялось заседание Национального совета социалистической партии, на которое я был приглашен в качестве наблюдателя. Понять что-либо было невозможно. Каждый говорил на своем собственном языке. Сарагат⁷⁰ выдвигал тезисы о том, что движущей силой антифашистской революции являются средние слои. Троцкисты, только что вступившие в ИСП, как и прежде, упорствовали в своих максималистских лозунгах. Таска оставался учителем-педантом. Ненни выступал как умелый посредник. Но тем не менее хаос был полнейший. И это уже не говоря об организационном беспорядке. Фашисты, конечно, имели среди нас своих осведомителей, но шпиономания была опасна тем, что вела к всеобщей и взаимной подозрительности. В Италии мы привыкли к бдительности и конспирации, но не к свехосторожности — на манер опереточных заговорщиков.

Впрочем, во многих случаях чем более открытый характер носит какая-то деятельность, тем меньше она заметна для постороннего. Один пример: редакция «Научно-экономического журнала», руководимого Де Стефани⁷¹, которая размещалась в непосредственной близости от площади Венеции*, была наиболее надежным в Риме пунктом распространения антифашистской печати.

Что же касается заграничной организации ИСП в Париже, то здесь на конспиративную дисциплину не

* Площадь Венеции — одна из центральных площадей Рима, где во времена фашистской диктатуры находилась столичная резиденция Муссолини.

было и намека. Так, однажды миланские товарищи поручили мне организовать установку передатчика вблизи швейцарской границы. Выдавая себя за швейцарского немца, я направился по полученному мной адресу к одному инженеру-социалисту, который неоднократно бывал в руководстве ИСП в Париже. После того как я проработал с этим человеком более месяца, мне говорят под большим секретом: будь осторожен, возможно, это провокатор!

Подобные предостережения делались и другим товарищам, которые тем не менее продолжали бывать в руководстве. И все же, несмотря на подобную постановку работы, ОБРА мало знала о деятельности ИСП. Считая, что социалисты не имеют активных связей в Италии, тайная полиция Муссолини концентрировала свою деятельность в первую очередь на «Справедливости и свободе», а также на компартии. Именно поэтому в ОБРА было мало сведений и о моем личном участии в борьбе — настолько мало, что когда меня арестовали, то поверили в изобретенную мной самим версией.

Многие полицейские, направленные за границу для слежки за эмигрантами, пренебрегали своими обязанностями, предпочитая развлекаться. Таким образом, их «информация» была положительной даже тогда, когда для этого не было оснований. И все же во время встреч с социалистами или друзьями из «Справедливости и свободы» я из осторожности никогда не говорил по-итальянски. Полицейские, даже в случае слежки за нами, приняли бы меня за иностранца.

Несмотря на этот опыт, я не пытался войти в контакт с коммунистами. Однако поворот, происшедший во всем коммунистическом движении после VII конгресса Коминтерна, полностью отвечал нашим стремлениям — стремлениям молодежи. Французская компартия, в частности, сумела разработать политику, в которой органично сочетались народные традиции, революционное прошлое страны и настоящий момент, что открывало перспективы для создания социалистического будущего. Подобный курс все более убеждал меня в своей правильности. Последние сомнения и колебания, таким образом, исчезали. Однако я лишь читал «Юманите» и «Авангард», ходил на митинги, участвовал в праздниках компартии, но не более.

Меня, вероятно, все еще сдерживал не полностью искорененный оппортунизм и недостаточное осознание роли партии. Осознание же роли партии является непременным условием для настоящего коммуниста. Однако интеллигенту отнюдь не легко прийти к пониманию этой истины. Я проделал этот путь, лишь оказавшись в дурьме.

...В начале октября ко мне пришел Руджиненти⁷² и сказал: «Ты должен поехать вместо Моранди на конгресс в Брюссель: он не может». У меня не было никакого желания отправляться в Бельгию. Я не очень-то следил за подготовкой конгресса, будучи занят своими каждодневными делами, а товарищи из Милана ничего не сообщали мне по этому поводу. Моим желанием было вернуться в Италию, чтобы возобновить преподавание в университете Сассари.

Не волнуйся, все организовано, с тобой ничего не случится, говорили мне. И я согласился. Хотя у меня и был кое-какой опыт, я и представить себе не мог, до каких крайностей может дойти невнимание к организационной стороне дела.

Я покинул Париж 12 октября с просроченным паспортом, и на бельгийской границе меня задержала полиция. Мне удалось кое-как найти объяснение. Полицейские заставили уплатить штраф и отпустили меня, предварительно записав данные документа. В Брюссель я приехал в полночь, там меня встречал Руджиненти. Перед отъездом мы договорились, что я остановлюсь на частной квартире, однако вместо этого меня отвезли в гостиницу «Эксельсиор», полную делегатов, а следовательно, и шпиков. Я сразу понял все это, пытался протестовать, но усталость и желание поскорее улечься в постель победили; я предоставил действовать Руджиненти, который вручил портье мой настоящий паспорт.

На другое утро после ночи, которую далеко не назовешь спокойной, я был вне себя от злости. При такой постановке дела мне придется отказаться от выступления, сказал я. Тогда появился Ненни, который, заметив, что понимает мое состояние, тем не менее настойчиво советовал остаться и выступить.

С точки зрения конспирации согласиться — значит сделать огромную глупость. Но, вспомнив о товарищах в Милане, которые верят в меня и в то, что я скажу, я

побоялся показаться трусом и дал согласие на выступление.

Тогда, желая как-то обезопасить меня, товарищи предложили мне загримироваться. Был вызван парикмахер. Но, когда я увидел в зеркале свое новое лицо, обрамленное бородой на манер раввина, я отказался от подобного шутовства, сказав, что будет достаточно купленных мной недавно темных очков, какие обычно носят шоферы.

Мы приехали в театр. В довершение всего меня представили под настоящим именем и фамилией Джузеппе Лупису⁷³, который заметил, что у него есть брат адвокат, который живет в Риме.

И вот я взял слово. Речь я приготовил заранее, набросав ее карандашом на нескольких листках бумаги. Однако никто ее так и не просмотрел; я мог бы сказать любую глупость.

Газета «Нуово Аванти!» за 19 октября 1935 года так изложила мое выступление: «В этот момент председательствующий Дженнари⁷⁴ сообщает, что среди делегатов находятся два товарища, приехавшие из Италии: социалист и коммунист, направленные сюда соответствующими подпольными организациями. Первым выступает представитель социалистической партии. Все делегаты встают и встречают его долго не смолкающими аплодисментами. Звучит «Бандьера росса».

Наш товарищ говорит: «Я приехал из Италии и выступаю от имени социалистических групп, действующих внутри страны.

Мы также пожелали присутствовать на этом конгрессе борьбы против войны, желая доказать: это ложь, что Муссолини внутри Италии пользуется поддержкой всего народа.

Правда совсем другая. Правда в том, что в фашистские мифы перестают верить даже те немногие, кто до этого заблуждался. Правда в том, что сознательная оппозиция режиму крепнет и развивается с каждым днем. Правда в том, что недовольство охватило все слои населения. Правда в том, наконец, что итальянский народ в своем большинстве настроен против войны.

Подавляющее большинство итальянцев хотело бы быть здесь, вместе с вами, чтобы выразить свой про-

тест против оскорблений, которым их подвергает фашистская печать внутри и вне страны, утверждающая, будто бы народ Италии приветствует эту войну — варварскую, разрушительную, бессмысленную.

Все это я говорю не вам, товарищи антифашисты из Италии: все это вы и сами хорошо знаете. Я говорю это для тех, кто, живя вдали от Италии, основывая свои представления на фашистских заявлениях, наблюдая по печати за массовыми манифестациями, куда приспешники Муссолини силой сгоняют людей, повторяют, «что все итальянцы готовы подняться на войну как один человек».

Однако меня послали сюда не для того только, чтобы передать протест социалистических групп против войны и заявить о том, что ответственность за нее несет только фашистский режим, а не Италия как таковая. Я прибыл сюда, чтобы заявить мировому общественному мнению: даже если многие факты и не становятся известными, будьте уверены: мы боремся за свержение фашистского режима, за освобождение страны. И мы верим в победу. Итальянцы, сочувствующие идеям социализма, идут к нам. Они с симпатией и надеждой следят за нашей борьбой.

Сейчас мы еще не готовы к выступлению. Однако очень скоро наши силы возрастут, очень скоро в стране сложатся более благоприятные для нашей деятельности объективные условия. И тогда итальянский пролетариат вместо того, чтобы, как сегодня, возлагать свои надежды на Лигу наций, на Англию и даже на военное поражение, которое освободило бы его от фашизма, найдет свое будущее в освободительной революции.

Подтверждая нашу волю к борьбе и нашу веру в победу, я обращаюсь к антифашистам Италии всех политических тенденций, к социалистам и антифашистам всех стран и прежде всего к обоим Интернационалам с просьбой об интенсивной и всесторонней помощи революционной борьбе в Италии.

Фашизм означает войну, разрушение современной цивилизации, рабство для рабочего класса. Падение мрачного режима в Италии будет смертельным ударом для фашизма во всем мире. Это будет победа трудящихся всех стран. Долг антифашистов всего мира — помочь итальянским антифашистам.

Я надеюсь, таким образом, что этот конгресс закончится не просто принятием формальных резолюций, не просто зафиксирует протест итальянцев против войны и против фашизма, который, ввергнув страну в пучину войны, ставит сегодня своей целью обезличить ее, заявив, что во всех военных преступлениях виноваты все итальянцы. Я надеюсь, что этот конгресс не ограничится этим, а внесет конкретный вклад в усиление антифашистской борьбы.

Для того чтобы протест был эффективным и не вылился бы лишь в бесполезное словословие, конгресс должен выразить нашу твердую решимость бороться против фашизма всеми средствами. Я подчеркиваю: всеми средствами, то есть используя для этого самые разнообразные союзы, потому что падение фашизма — это первый шаг на пути к всеобщему освобождению».

Среди множества шпииков, присутствовавших в театре, по крайней мере, один бесспорно находился вблизи президиума или за кулисами. Доказательство тому я получил позднее, уже в Риме, когда во время одного из допросов мне удалось краем глаза прочесть несколько абзацев из донесений, полученных полицией. Одна из фраз меня особенно поразила: «Он выступал, читая по заметкам, написанным карандашом».

Из донесений было ясно, что лично мной занимались минимум два шпиика. Кроме того, и «антифашистская» полиция Бельгии активно сотрудничала со своими коллегами из фашистской Италии.

Что я мог предпринять после всего случившегося? Продолжать жаловаться на неумелую организацию было бессмысленно, хотя я и выразил свое недовольство по этому поводу Джуа⁷⁵ и другим своим друзьям, которых встретил в Париже. Не возвращаться в Италию? Но после того, что я сказал в Брюсселе, это было бы несерьезно.

С другой стороны, не следовало так уж сразу и впасть в панику. Можно было предположить, что фашистской полиции понадобится некоторое время для того, чтобы установить личность выступавшего в бельгийской столице. Я рассудил, что, может быть, этого времени мне окажется достаточно, чтобы вернуться 20 октября в Италию, проинформировать товарищей из Милана, связать с ними тех антифашистов,

которых я лично знал в Венето, а также провести осеннюю сессию в университете. После этого я вновь выехал бы из страны с фальшивым паспортом.

Я оставил Таске фотографии, и он пообещал, что 4 ноября в Милане нужный документ уже будет ждать меня.

Из осторожности я решил вернуться в Италию через второстепенный участок границы, избрав в этих целях Ниццу, Бастию и Порто Торрес. Поездка была приятной и удобной. В Порто Торрес пограничная полиция крайне удивилась, что, выехав из Парижа, я проделал такой странный путь. Почувствовав, что у них появилось подозрение на мой счет, я сказал, что преподаю в Сассари. Это их успокоило, хотя они и подвергли мои вещи тщательному досмотру. Чтобы не оказаться в списке подозрительных лиц (в этом случае мало что могло помочь), нужно было использовать невежество и тупость итальянской полиции. Обвести ее не составляло труда, даже перевоза антифашистские материалы. Достаточно было отказаться от чемодана с двойным дном и разместить нелегальную печать среди научной литературы и открытой прессы.

Просматривая книги, полицейские заметили томик Барбюса и тут же спросили с подозрением в голосе: «О чем здесь речь?» — «Разве не видите, книга на военную тему». Затем пришла очередь пистолета: «А это у вас почему?» — «Но ведь я офицер запаса».

В Сассари я вновь встретился со своими коллегами и честно рассказал Капограсси о своих неприятностях. Однако экзаменационная сессия прошла спокойно, и еще несколько новоиспеченных выпускников отправились сражаться в Эфиопию.

В Риме намеченная мной программа дел неожиданно расширилась. Я встретился, как и предполагал, с младшим Спинелли и с женой Анджелони, но, кроме того, Джина предложила мне организовать бегство за границу недавно вышедшего из тюрьмы Эмилио Серени⁷⁶. Она взяла на себя римскую часть плана, я же занялся всем остальным.

В столице все прошло несколько иначе, чем было задумано, но в остальном план, разработанный мной, был полностью реализован. Для его исполнения я решил привлечь людей, находящихся вне всяких подозрений, абсолютно не связанных с организацией ком-

мунистов в Риме. В Тревизо я поддерживал политические контакты с близким к компартии Вестиделло. Кроме того, у меня были там два друга детства: Альберто Босколо и Бруно Визентини — настоящие антифашисты, хотя и настроенные скорее антикоммунистически. Будучи в Тревизо, именно этим последним я поручил вывезти Серени из Рима в Милан, что они успешно и сделали. Визентини, проявив максимум изобретательности, доставил Серени в пункт, из которого он должен был проследовать дальше. Но это произошло, как я узнал потом, уже после моего ареста. С конспиративной точки зрения они проявили неосторожность: узнав, что я в тюрьме, и не имея информации о моем поведении, они должны были бы прервать операцию, но не сделали этого. Когда позднее мне рассказали об этом, я был рад такому доверию.

Остальная часть моей программы прошла нормально. Я встретился с товарищами в Тревизо, Виченце, Вероне и организовал им прямую связь с миланской группой. Приехав в Милан, где я пробыл 4 и 5 ноября, я выяснил, что паспорта для меня нет. Я рассказал об этом Луццатто, не скрывая, что контакты с ИСП произвели на меня очень неблагоприятное впечатление. Узнав, что парижский центр настаивал на вхождении миланской группы в ИСП, я сразу же стал убеждать Луццатто не идти на такой шаг, подчеркнув, что я, во всяком случае, никогда не сделаю этого.

Отсутствие паспорта означало для меня конец: я оказался в ловушке. И мне захотелось съездить в Павию, встретиться со своим дорогим профессором Гриццотти, который по характеру конечно же не был Ричардом Львиное Сердце⁷⁷. Узнав о неприятностях, в которые я попал, он стал упрекать меня в неблагодарности. Но тем не менее он сочувственно отнесся ко мне и, несмотря ни на что, даже поехал проводить меня на вокзал.

Возвращаться в Верону было, конечно, ошибкой, но я уже смирился с судьбой, внутренне, может быть, даже желая испытать то, что меня ожидало.

В ТЮРЕМНОМ «УНИВЕРСИТЕТЕ»

АРЕСТ

В Вероне друзей у меня было немного. Я мало кого знал здесь, хотя иногда и бывал в «литературном обществе», где в то время складывалось ядро молодых антифашистов. Я жил здесь некоторое время лишь летом 1927 года, после чего тут же отправился в Павию. И все же этот город, где я родился, где жили мои родители, был мне дорог. Я приезжал сюда на зимние, весенние и летние каникулы; и Верона стала для меня местом отдыха. Я жил на одной из старых улиц, где здания сохраняли неподвластное времени величие, хотя за мраморными порталами, украшенными старинными изящными фризами, скрывались жилища, не отвечавшие современным требованиям.

8 ноября погода была теплой и ясной — такой, какой она обычно бывает в короткий период «бабьего лета». В этот день мне удалось собрать ряд интересных сведений, затем я долго спорил с моим другом и товарищем Пиччирилли, и меня поразила его растерянность. Я вынужден был признать, что ситуация сильно изменилась в последние месяцы и что фашизм на данном этапе выиграл битву в психологическом плане. Пиччирилли был не то чтобы напуган, но во власти настроения, характерного для многих антифашистов, которые, попав в изоляцию, поддались фашистской официальной пропаганде.

— Не станем играть на руку английскому империализму! Лучше уж помогать итальянскому империализму в его поисках «места под солнцем» и тем самым нанести удар «коварному Альбиону» — этой главной опоре мирового империализма.

Подобные утверждения находили отклик у многих итальянцев, порой их повторяли даже антифашисты. И на них не действовали доводы о том, что, раз мы находимся в Италии, нашей задачей является свержение

фашизма. Раз итальянский империализм — самое слабое звено мирового империализма, то тем более необходимо нанести удар именно по нему.

Тут трудно было что-нибудь поделать. Фашистская пропаганда с ее утверждениями о предполагаемых богатствах Эфиопии и о несправедливой враждебности «плутократических наций» по отношению к «пролетарской» Италии, спекулируя вокруг «санкций», вопрос о принятии которых вот-вот должен был решиться в Женеве¹, призывы псевдопатриотического характера — все это действовало на большинство итальянцев. В то время как часть людей все более отходила от своих прежних антифашистских убеждений, у других пробуждалась жажда авантюры, всегда дремлющая в тех, кто вынужден вести серую, монотонную жизнь.

Возвратившись из-за границы, я с удивлением отметил эти изменения и подумал о необходимости проанализировать их. К этому периоду относится начало работы над теоретической статьей о «политической неспособности буржуазии удержать власть, не прибегая к диктаторским методам». Мне не удалось целиком спрятать этот текст во время обыска, и одна из страниц была конфискована полицией.

Произошло это так.

Я печатал на машинке информацию для товарищей, а около 7 часов вечера вышел позвонить, так как дома у меня не было телефона. Мать как раз готовила чай. Полицейские, увидев, что я возвращаюсь, бросились вслед за мной. Прозвенел звонок, и я пошел открыть дверь. Двое агентов тут же оттеснили меня назад в комнату и с насковозь фальшивой любезностью сказали: «Нам нужно проверить ваш паспорт. Пройдите с нами в квестуру. Это займет у вас лишь несколько минут». Я повел себя так, будто верю им, но, подойдя к матери, которая молча наблюдала за происходящим, успел сказать, обнимая ее: «Уничтожь то, что я печатал». Как потом мне стало известно, ей это удалось.

Я не следил за обыском, который, впрочем, длился недолго. Когда мы вышли из квартиры, я, обратив внимание на множество полицейских на лестнице, сделал вид, что очень удивлен этим. Два сопровождавших меня агента тут же изменили тон: заметив мое удивление, они резко бросили: «Просим прощения,

профессор, но вы арестованы. У вас есть оружие?» — и обыскали меня. Я пытался протестовать, но мне было сказано: «У нас приказ доставить вас к начальнику полиции».

По переулкам, сопровождаемый агентами, крепко державшими меня за рукава пиджака, я пришел в квестуру, где вновь был обыскан — более дотошно. Вместе с носовым платком они извлекли из моего кармана листок бумаги с опасными для меня политическими заметками. «Нельзя ли взять платок?» — спросил я, прикинувшись простачком, и тут же забрал назад листок.

Меня привели к начальнику. «Его обыскали?» — спросил он первым делом, а затем принялся за допрос. Я, разумеется, продолжал разыгрывать удивление, утверждая, что произошла, вероятно, какая-то ошибка. На это мне было сказано, что полиции ничего не известно о причинах ареста и приказано лишь немедленно переправить меня в Рим. В действительности же в ордере на арест было указано, в чем меня обвиняют, но поскольку полиция Вероны не обнаружила моей подпольной деятельности, то начальник и решил сообщить, что «ему ничего не известно». Более того, для него я должен был быть человеком «благонадежным с политической точки зрения», иначе как бы он выглядел перед своим начальством из министерства.

Мне разрешили написать записку домой. Я, конечно, нервничал, что можно было почувствовать и из письма, в котором я сообщал об аресте и просил доставить в тюрьму кое-что из одежды.

Спускаясь по лестнице, я сумел одной рукой прямо в кармане разорвать на мелкие кусочки компрометирующий меня листок бумаги, а потом выбросить их. В тюрьме Скальци меня встретил начальник, который отнесся ко мне как к очень важному гостю. Меня отвели в камеру, о которой говорилось в таких выражениях, будто речь шла о лучшем номере фешенебельного отеля.

Мне хотелось спать. Может быть, это была реакция на пережитое волнение. Впрочем, бессонницей я не страдал ни при каких обстоятельствах жизни.

Я проспал до следующего утра, когда по звонку побудки пришел начальник охраны, а вместе с ним

тюремный врач: ведь я был редкостным зверем. Когда врач спросил, не нужна ли мне медицинская помощь, я воспринял этот вопрос чуть ли не как оскорбление и ответил довольно зло, что чувствую себя хорошо. Мне были доставлены вещи из дома; и я тщательно умылся и побрился, вспомнив совет дяди Адольфо: необходимо всегда выглядеть спокойным и не допускать небрежности в туалете.

Вечером за мной пришли двое полицейских, которые отвезли меня на машине на вокзал, где поместили в специальное купе поезда, отправлявшегося в Рим.

Моей охране страшно хотелось поболтать. Один из полицейских заканчивал юридический факультет, и я — ведь все же профессор! — должен был дать ему подходящие к случаю советы. Разумеется, я делал вид, что абсолютно не понимаю, почему меня арестовали, и столь убедительно играл эту роль, что будущий юрист предложил мне даже прокомпостировать в Риме мой билет до Сассари.

Однако, беседуя с такой непринужденностью, я между тем глядел в звездное небо и думал про себя, что эта возможность представляется мне в последний раз. Через сколько лет я вновь увижу звезды?! Ведь я знал, что в тюрьме мне придется пробыть не один год, а заключенные могут любоваться небом лишь в течение часа днем и никогда не видят его ночью.

В ТЮРЬМЕ «РЕДЖИНА ЧЕЛИ» *

В Риме веронские полицейские покинули меня, и все изменилось. Как и на всех находившихся в комнате привокзальной полиции, на меня надели наручники. Затем я был доставлен в тюрьму «Реджина Чели».

Чтобы переступить порог тюрьмы при фашистском режиме, не нужно было выполнять особых формальностей; не требовалось даже ордера на арест. Для того чтобы передо мной распахнулись двери тюрьмы, оказалось достаточно нескольких слов полицейского агента в штатском. От вас не требовали даже точных биографических данных; фашистам это было на руку, так как они не были заинтересованы в том, чтобы какие-либо сведения о заключенном прони-

* «Реджина Чели» («Царица небесная») — название главной тюрьмы в Риме.

кали за пределы тюрьмы. Не могу не вспомнить курьезного факта. Записав мое имя и фамилию, полицейский спросил: «Профессия?» Я ответил: «Профессор университета». — «Но здесь написано — столяр». — «Но я профессор!» — «Ладно. Религия?» — «Я неверующий». — «А здесь указано — католик».

Ну что же, сказал я, оставьте «католика», как и «столяра».

Вслед за этим началась процедура передачи меня тюремщикам. Открыв решетку, полицейские провели меня в длинный коридор, где мне пришлось снять с себя абсолютно всю одежду и стать в очередь за другими арестованными. Наконец подошел какой-то тюремщик, который, тщательно осмотрев мои вещи, ощупал меня со всех сторон, как будто где-то на теле я мог укрыть важные документы. Итак, я был готов стать заключенным.

Меня спросили, не желаю ли я получить платную камеру. Вопрос был столь странным, что я даже подумал, не шутка ли это. Еще бы! Меня сажают в тюрьму, да еще и предлагают им платить!

Я был помещен в камеру «строгого надзора» на первом этаже, темную и сырую. Здесь, как мне сказали потом, находился перед осуждением на смерть Скирру. В этой камере я пробыл до рождества, когда по окончании допросов был переведен на четвертый этаж. Здесь было светлее, но увы, и клопов оказалось неизмеримо больше.

* * *

Всякий, кто попадает в руки полиции, должен придерживаться двух правил: первое — не поставить под удар никого другого и второе — попытаться каким-то образом спастись самому.

Самый неприятный момент приходится переживать сразу же после ареста, когда вас намеренно оставляют один на один со своими мыслями. Вам неизвестно, какими фактами располагает полиция, и вы строите догадки, изобретая при этом бесчисленные варианты спасения. Кроме того, вы не можете не думать и о возможных издевательствах и пытках, к которым прибегает полиция, чтобы вырвать нужную информацию.

Также и для меня, хотя я по натуре не являюсь впечатлительным человеком, самыми трудными были те

шесть дней, в течение которых я «созревал» для первого допроса.

Разумеется, поначалу я решил избрать своей линией защиты полное отрицание чего бы то ни было. Если же, думал я, подобное поведение не даст результатов, я стану утверждать, что моя деятельность носила сугубо личный характер, причем вел я ее только за границей и не имел никаких политических контактов внутри страны. Я искренне верил, что, действуя таким образом, не только выполняю первый и самый элементарный политический долг, но и открываю себе наиболее эффективный путь к спасению. И как же я ошибался!

В университете я прекрасно сдал уголовное право, но мне не была известна статья 269 Уголовного кодекса, и поныне не отмененного Итальянской Республикой, рожденной движением Сопротивления. Изобретенная в 1926 году специально для преследования эмигрировавших антифашистов, она предусматривает наказание за «антинациональную деятельность» за границей, называя при этом лишь минимальную меру — 5 лет тюремного заключения. Максимальный же срок по этой статье — 24 года тюрьмы.

Таким образом, моя линия защиты была ошибочной с самого начала.

* * *

Наконец утром 14 ноября 1935 года начались допросы. Функционер ОВРА Ренцо Мамбрини, мужчина лет сорока, родом из Мантуи, не был дураком и дело свое знал. Некоторое время он работал в Париже, где «наблюдал» за антифашистами, а точнее сказать, занимался, наверное, организацией провокаций и подкупом отдельных нестойких элементов. Зная, что я интеллигент, он сделал все, чтобы не показаться мне грубым и фанатичным фашистом. Я только чиновник на службе государства, говорил он. Во время допросов он следовал своей собственной технике, но с добавлением обычных методов всех полицейских.

Мамбрини начал с места в карьер: «Вот вы пишете домой, что ваш арест — какая-то ошибка, а между тем мы все знаем о вас: и когда вы были студентом, и когда окончили университет, и когда стали профессором».

Я сделал вид, что не понял: «Очень хорошо, если вам все известно; мне не в чем себя упрекнуть». Некоторое время Мамбрини, перед которым на столе лежало множество донесений, продолжал допрос, а затем, уж не знаю, намеренно или нет, встал и, сказав, что пойдет вызвать стражу, поскольку звонок не работает, вышел из комнаты. Было время обеда.

Я воспользовался его отсутствием, чтобы заглянуть в бумаги. В одном из донесений, как я уже говорил, речь шла о конгрессе в Брюсселе, о том, что я «выступал, читая по заметкам, написанным карандашом». Если память меня не подводит, в другом месте документа сообщались сведения на мой счет, полученные от одного республиканца и одного коммуниста. В другом донесении говорилось о моей деятельности в Павии, о связях с Марио Бергамо.

Возвратившись в камеру на обед, я поразмыслил над этими открытиями. Что было делать в таких условиях? Отрицать все мне показалось неосторожным, поскольку в таком случае я подтолкнул бы их к новым расследованиям, и они могли бы узнать что-нибудь такое, чего знать никак не должны. Лучше, наверное, выложить им другую версию, уже продуманную мною: да, в Павии я получал по почте листовки, которые или уничтожал, или показывал друзьям, как диковинку. Что касается связей с Бергамо, то, согласно моей версии, они носили абсолютно личный характер, и я полностью прекратил их, когда мои убеждения изменились. В Париже я бывал в Доме студента, как и все другие мои земляки. Там я познакомился с Ренцо Джуа, который, узнав, что я придерживаюсь социалистических взглядов, представил меня Таске. Таким образом, полностью исключались мои политические связи с антифашистами в Италии. Далее, Таска попросил меня написать кое-какие статьи, и я сделал это. Через Таску же была организована и моя поездка в Брюссель. Не имея возможности выступать в качестве частного лица, я, по совету друзей, представился от имени «социалистических групп, существующих и действующих в Италии». На самом деле я не имел понятия, существуют ли такие группы. Во всяком случае, контактов с таковыми я не имел и членом ИСП не являюсь. Тот факт, что в «Нуово Аванти!» печатались мои материалы, ничего не доказывает. Я мог бы писать и для

анархистской газеты, если таковая сделала бы мне заказ, хотя идей анархистов я и не разделяю.

Продумав всю эту версию, я в тот же день после нескольких минут упорствования на допросе сделал такой театральный жест: ну что же, я честный игрок, на сей раз партия не моя, и я открываю карты.

Несмотря на выбранную мной линию поведения, допросы продолжались очень долго: Мамбрини не оставлял своих попыток поймать меня на каком-либо противоречии и выведать гораздо больше того, чем я был расположен ему рассказать в рамках своей версии. Беседы эти, впрочем, не были утомительными. Мамбрини в обращении со мной прибег к отеческим приемам, играя в симпатию к заблудшему, но столь много обещающему юноше. Все еще можно исправить, убеждал он. Достаточно сделать заявление, что я никогда более не буду заниматься политикой, и дело будет закрыто, как это произошло в случае с другими интеллигентами. И он даже назвал несколько имен. В худшем случае меня отправят на некоторое время в ссылку. Но это чепуха! Мне даже позволят преподавать.

Если же я, продолжал Мамбрини, действительно раскаюсь, то можно будет найти и другой, еще более удобный способ подтвердить изменение своих позиций. Речь не идет, боже упаси, о том, чтобы стать шпионом, выдавать кого-то. Достаточно написать о настроенных той среды, в которой мне пришлось жить. Подобная работа очень хорошо оплачивается. Куда там преподавателям с их нищенским жалованьем!

Мамбрини делал свое дело. Я же был настолько наивен, что позволил себе возмутиться. «Бросьте! — сказал я гневно. — Что сделано, то сделано!»

Когда все недомолвки были устранены, обстановка допросов изменилась: порой мы даже хохотали. Как истинный актер, этот полицейский с таким юмором живописал антифашистскую среду и некоторых ее представителей, за которыми он имел возможность «наблюдать», и с таким вкусом подсмеивался над моими злоключениями, далекими от политики, что я тоже не выдерживал и, забывая, где нахожусь, также начинал хохотать.

Перед арестом я постарался уничтожить все компрометирующие меня бумаги. Но разве все предусмот-

ришь? Так, из письма, написанного мне Джинной, Мамбрини узнал, что я давал ей книгу Иньяцио Силоне² «Фонтамара». Кроме того, я не уничтожил еще одного письма, в котором Бруно Маффи рекомендовал меня Каваллере. Я думал, что оно мне понадобится, но так и не использовал его.

Я отказался сообщить фамилию человека, которому передал книгу после того, как ее вернула Джина (это был Капограсси), и, чтобы полиция не вела дальнейших поисков, сказал, что речь, во всяком случае, идет о фашисте. Тогда Мамбрини попытался уговорить меня: имя нужно нам лишь для того, чтобы изъять книгу из обращения. Он предложил мне: «Напишите записку, а я отправлю ее, не глядя ни на адрес, ни на фамилию. Пусть этот человек перешлет вам книгу сюда». Я ответил со смехом: «Конечно, я очень верю вам, но уж не до такой степени...»

Таким образом, никакого прямого насилия ко мне не применялось. Речь может идти, пожалуй, лишь о моральном давлении. Так, на протяжении длительного времени мне не давали писем из дому, что меня очень расстраивало. В таких случаях следует реагировать сразу же и решительно. У меня был единственный способ протеста — голодовка. И вот странная вещь. Достаточно лишь подумать о необходимости не есть, и начинается голод, который трудно даже описать.

К счастью, уже на следующий день, после того как я объявил голодовку, меня вызвал начальник тюрьмы. Звали его Мурджа, он был родом из Сардинии. Когда я изложил ему причины своего протеста, он не стал наказывать меня и тут же отдал письма, которые действительно задерживал. «Подумать только, — сказал он, — ведь мой сын был вашим студентом». — «От меня он, во всяком случае, ничему плохому не научился», — возразил я.

Мурджа пожелал устроить со мной политическую дискуссию. «Не могу понять, почему вы считаете правой Англию — нашего врага». Я попытался объяснить ему, что отнюдь этого не считаю, но он закончил разговор обычным для приспособленцев замечанием: «Вы погубили себя, что вас ждет после выхода из тюрьмы?» Чтобы разозлить меня, этих слов хватило вполне. «Когда я выйду из тюрьмы, фашизма уже не будет», — ответил я.

Закончив допросы, Мамбрини выразил сожаление, что ему приходится передавать дело в Особый трибунал. При этом он продолжал утверждать, что правительству совершенно невыгодно отдавать меня под суд. В заключение с истинно италийским оппортунизмом он извинился, сказав, что лишь служит государству: если же когда-нибудь «государством» будем мы, то он точно так же будет служить нам. И я отнюдь не сомневаюсь, что доживи он до сегодняшних дней, то успел бы несомненно в нынешней республике стать по крайней мере квестором Турина или Милана.

Полицейским, впрочем, что бы они ни говорили, никогда нельзя верить. Поскольку у власти был фашизм, Мамбрини, передавая дело в Особый трибунал, не пожалел красок и не забыл сопроводить его выдержанным в типичном для этого режима стиле заключением, в котором называл меня ренегатом, предателем и т. д...

Следователь Особого трибунала Джузеппе Монтальто, допросив меня, заявил с угрозой: «Мы дали вам прекрасную возможность выпутаться из этого дела. Вы могли бы очень нам помочь, но вы враг, и мы будем обращаться с вами, как со всеми врагами».

ПРОЦЕСС

Пребывание в тюрьме и даже полная изоляция от других заключенных таят в себе и определенные положительные моменты. Немного отдыха и сосредоточения после долгих месяцев беспорядочной и наполненной движением жизни никогда не вредны. С другой стороны, нужно отдавать себе отчет в том, что не произошло ничего неожиданного: ведь, вступая в борьбу против фашизма, мы прекрасно знали, что рано или поздно окажемся в тюрьме.

Одним словом, я не был удручен и слал домой полные оптимизма письма, которые с юридической точки зрения, конечно, не были мне на пользу, однако в них ощущалось искреннее спокойствие, характерное для всех политических заключенных. Мы знали, что наши письма читают и подвергают цензуре. И поскольку нам было запрещено затрагивать в них «политические темы», приходилось в основном касаться лишь домашних дел, а на остальные проблемы лишь туманно намекать.

В противном случае цензура была очень жесткой, в чем я смог убедиться, когда, уже выйдя из тюрьмы, увидел свои многочисленные письма домой, испещренные жирными черными полосами.

Пробыв некоторое время в камере № 400, я был переведен в другую, более светлую, под номером 454, которая находилась на четвертом этаже. Через решетки на окне можно было видеть небольшую часть Джаниколо*. Шум, обычный для помещений первого этажа, здесь не был слышен, да и надзор был менее строгим. Таким образом, заключенные имели здесь возможность слышать своих родственников, которые, собираясь на Джаниколо и близлежащих улицах, общались им о здоровье «ребятишек». Однако и вечером, когда стражники, совершив последний обход, уходили и наступала тишина, жизнь тюрьмы не прекращалась. «Говорить» начинали стены. Тюремная азбука была очень простой: каждая буква обозначалась числом ударов, соответствовавшим ее порядковому номеру в алфавите (для «а» — один удар, для «б» — два и так далее), а буквы с номерами, кратными 5 — пропорциональным числом двойных ударов. Однако я не знал этой азбуки, а потому и не мог отвечать. Тогда я решил подобраться к окну и пропеть все, что собирался сказать своим соседям, избрав для этого мотив популярной песни «Маленький занятой человек».

Так я сообщил, что нахожусь в тюрьме уже два месяца, а до этого преподавал в университете. В ответ я услышал возглас на миланском диалекте.

Оказалось, что отвечал мне миланец, который попал сюда за то, что пытался уклониться от военной службы, не желая отправляться в Эфиопию.

Впоследствии наши беседы продолжались. В них участвовали и другие политзаключенные, ожидавшие процесса. Все они, таким образом, знали кое-что обо мне, а я, даже находясь в изоляции, кое-что о них. Когда, возвратившись в камеру после процесса, я сообщил: «Эти свиньи дали мне 24 года», с разных концов тюрьмы раздались голоса, приветствовавшие и подбодрявшие меня.

Если в момент ареста чувствуешь себя несколько оторванным от остального мира, то после объявления

* Джаниколо — название одного из римских холмов.

приговора приходит даже какое-то облегчение. Пропадает, в частности, необходимость постоянно думать о возможных вариантах защиты. Нужно быть столь же плаксивым, как Сильвио Пеллико³, чтобы озаглавить свои воспоминания о пребывании в тюрьме «Мои темницы». Какие к черту «мои»? Это были «их» темницы. И истинными заключенными были они — наши тюремщики: и те, что занимали высокие посты, и те, что находились у первых в подчинении, а не мы, ощущавшие себя внутренне свободными. Надзиратели, будь то фашисты или нет, которые умели лишь подчиняться, что давало им возможность прокормить на жалкое жалованье свои семьи, находились в постоянном страхе. То же самое верно и в отношении начальников тюрем. Все они были в большей или меньшей степени подонками, ничтожными прислужниками режима; и это сразу же бросалось в глаза, несмотря на их надменный вид. В духовном плане рабами были все те, кто по причине жалкого тщеславия или поддавшись фашистскому обману не видел дальше собственного поса, кто не умел отличить в истории важное от проходящего, кто покорно шел на бойню войны.

Но о каком же страхе перед тюрьмой могла идти речь для нас? Ведь мы ощущали солидарность наших товарищей, твердо знали, что фашизм приведет страну к гибели. Заключение в этих условиях давало ощущение свободы и спокойствия, свойственное людям, выполнившим свой долг. Именно это чувство пронизывает письма заключенных-антифашистов.

Попав в тюрьму именно в эти годы, мы освободились от чувства вины, от ощущения того, что и на нас лежит ответственность за крах, подготавливаемый фашизмом, за насаждаемую им атмосферу всеобщего духовного бесчестья, за трагическое положение, в котором оказались массы обездоленных и безработных.

Я лично почувствовал себя более свободным и в научном плане, о чем с гордостью написал в письме Бенедетто Кроче (он был сенатором, и поэтому переписка с ним разрешалась). Спрашивая советов у философа, я подчеркивал: «Здесь я свободен от тех забот, которые, к сожалению, обычно возникают у людей, занимающихся наукой, и мешают науке идти вперед».

День суда тем временем приближался. По внутренним переходам в сопровождении двух охранников меня доставили как-то в отдел полицейской экспертизы, где сфотографировали и сняли отпечатки пальцев. Проходя по коридорам, я заметил помещения, в которых, видимо, проводились какие-то занятия, если судить по числу пальто на вешалках. Но путь я особенно не запоминал.

Покончив с делами, начальник, вероятно прочитавший в моем досье, что я профессор университета, пожелал лично побеседовать со мной, для чего пригласил в свой кабинет, отослав охранников. С этакой отеческой озабоченностью он стал спрашивать, зачем я стал сам губить себя, и поинтересовался, какие преступления конкретно мною совершены.

Я коротко рассказал, в чем меня обвиняют, добавив: «Я уверен, что только выполнял свой долг».

Когда начальник отпустил меня и я вышел в коридор, охранников не было. И только тогда я понял, что мне представилась великолепная возможность бежать, которой я не смог воспользоваться. Несколько минут спустя появилась стража, и я возвратился в тюрьму злой на все и вся. С тех пор я взял за правило всегда внимательно следить, куда меня ведут, запоминать путь, по которому иду, однако удача никогда более не улыбнулась мне.

Суд состоялся 6 февраля под председательством Трингали Казануовы. Это был обычный для Особого трибунала фарс, единственной целью которого было придать некую законную санкцию решениям, уже принятым фашистами в порядке осуществления политических репрессий. Зная об этом, мы понимали абсурдность приглашения защитника, а следовательно, и ненужных расходов.

Однако мне приходилось считаться с мнением семьи, а отец мой настаивал на адвокате. С этой целью он обратился к своему старому другу и «брату» Марио Чеволотто *, который, разумеется, отказался от оплаты, сказав, что возьмется за это дело из чувства друж-

* С декабря 1944 до июля 1946 года он был министром в правительствах Бономи, Парри и Де Гаспери.— *Прим. авт.*

бы и в силу своих антифашистских убеждений. Я считал, что отказываться не следовало: ведь это ко всему прочему позволяло проинформировать товарищей об избранной мной после ареста линии защиты.

«Вы, интеллигенты, тут же выкладываете все, вместо того чтобы отрицать даже самые явные вещи», — набросился на меня Чеволотто, как только прочел мои показания. Позднее, поняв, что моя версия лишь казалась подлинной, он переменял свое мнение. В правильности моего поведения его убедила также встреча с корреспондентом газеты «Таймс» и с моими товарищами, знакомство с которыми я отрицал.

«Предоставьте все мне!» — сказал Чеволотто, и я пообещал, что буду вести себя благоразумно при условии, что это не потребует отказа от прежних показаний или же «раскаяния». Однако мой адвокат показал себя еще более наивным, чем я. Он верил в «закон» даже при фашизме, в эффективность своей работы. В результате с точки зрения юридической его защита потерпела полный провал. И если бы дело было только в этом! Он так расхваливал мои способности молодого ученого, что суд использовал именно это как предлог для того, чтобы применить ко мне пункт об отягчающих обстоятельствах статьи 133 Уголовного кодекса.

Утром в день суда меня доставили во Дворец правосудия и поместили в одной из камер подвала. Когда подошло время начала процесса, я поднялся по крутой лестнице в печально знаменитый «Четвертый зал». Стены были сплошь покрыты надписями: «Смерть предателям!», «Черные рубашки накормят вас свинцом!» Таким «приятным» способом обвиняемый подготавливался к процессу. Охрану дворца осуществляла фашистская милиция, а тщательно отобранная публика состояла в основном из полицейских и шпииков, задачей которых было тщательно изучить подсудимого, чтобы лучше организовать слежку, если он будет выпущен на свободу.

Боккини, начальник полиции, решил лично познакомиться со мной, для чего подошел к клетке, уставившись на меня, как на редкостное животное. (Много лет спустя, уже после падения фашизма, я узнал, что его, как и многих других, особенно бесили мои статьи, публиковавшиеся за границей, в которых было много точных сведений конфиденциального характера.)

Начался суд. От имени обвинения выступил Мамбрини, заявивший, что я — чудовищная личность, лишенная веры в святую троицу «бог, король, родина», клятвопреступник как член национал-фашистской партии и как профессор университета. Мамбрини придерживался того тезиса, полностью соответствовавшего репрессивному духу фашистского кодекса, что для осуждения меня по статье 269 нет необходимости в доказательстве нанесенного ущерба, достаточно «возможности подобного ущерба».

Когда подошла моя очередь, я ограничился тем, что повторил мои прежние показания и подтвердил, хотя и в плане защиты, свои антифашистские убеждения.

Адвокат счел возможным показать свою «смелость», заявив, что молодежи свойственно ошибаться и бывали даже примеры, когда те, кто поначалу высказывался против колониальных войн (прямой намек на Муссолини), с возрастом пришли к другому убеждению. Разумеется, подобная аргументация не произвела ни на кого никакого впечатления.

В приговоре говорилось, что я освобождаюсь от обвинений по статье 270 (принадлежность к ИСП) в связи с недостаточностью улик, но приговариваюсь к максимальному наказанию в 24 года тюрьмы по статье 269 (антинациональная деятельность за границей).

Я не удержался и крикнул: «Эти свиньи дорого заплатят мне за это!» А бедняга Чеволотто принялся успокаивать меня: «Будьте благоразумны, ведь работаете еще три года». — «Двадцать четыре или двадцать семь — велика ли разница!» — ответил я.

* * *

За границей мое осуждение вызвало некоторый шум. О нем написали газеты многих стран, в том числе английская «Таймс». Был создан даже «Комитет за освобождение Пезенти», организован сбор подписей протеста. Ромен Роллан опубликовал приветствие по моему адресу, которое сегодня кажется весьма напыщенным. Могло показаться, в частности, что мы, антифашисты, питаем иллюзии по поводу природы фашизма и не отдаем себе отчета в том, что в условиях борьбы в Италии рано или поздно окажемся в тюрьме.

Настоящий политический деятель и в тюрьме всегда остается борцом. Он понимает, что находится в плену у врага, однако ему чужды настроения тех, кто просто отбывает наказание. Более того, именно в условиях тюрьмы крепнет его боевой дух, поскольку столкновения с врагом обостряются, становятся каждодневными также и для тех, кто не был обличен политической ответственностью, как это было в моем случае. Если же ты лицо ответственное, то задача становится еще более сложной: нужно осуществлять политическое руководство внутри тюрьмы, ориентировать тех, кто остался на свободе, следить за состоянием организационной работы, поддерживать подпольные контакты с внешним миром.

Первый конфликт рождается, как правило, между вами и вашей семьей. Лишь немногие родственники активистов партии, если исключить из этого числа семьи функционеров, воспринимают тюрьму как логическое следствие борьбы. Так что ко всем проблемам, которые вынужден решать заключенный, добавляется еще и непонимание семьи.

Для тех, кто был погружен в душную и конформистскую среду, созданную фашизмом, глумящимся над политической борьбой, отстаивать свои идеалы ценной тюрьмы представлялось абсурдной или, во всяком случае, слишком тяжелой жертвой: ведь тюрьма означала гибель с таким трудом создаваемого будущего. Это непонимание идейных мотивов нашего заключения извращало естественные чувства родственников, и они страдали гораздо больше, чем диктовалось обстоятельствами, представляли жизнь в тюрьме в еще более мрачном свете, чем было на самом деле. «Мнения» людей также делали свое дело. В результате осужденный, особенно в начале заключения, часто подвергался давлению семьи, убеждавшей его прекратить борьбу, подать прошение о помиловании. Впрочем, католическая мораль проводила тонкое, лицемерное различие между внутренним «я» и внешним поведением. В такой стране, как Италия, с ее многовековой католической и конформистской традицией (в том истолковании, которое было дано слову «католический» Тридентским собором), прошение о помиловании не влекло за

собой неодобрения и осуждения общественности. Напротив, выход, который подсказывался вам, заключался в следующем: в душе думай что хочешь, но внешне будь покорен и почтителен. Из этого правила, впрочем, исходила и вся репрессивная политика фашизма.

Если заключенный становился на этот путь, он немедленно превращался в политический труп, чего для режима было достаточно. Как только заключенные замечали, что кое-кто из них готов пойти на уступки, они окружали этого человека презрением, держались подалеже от него. Он же в надежде на скорое освобождение погружался в атмосферу таких страданий, что ожидание превращалось для него в единственный смысл жизни.

При посредстве начальника тюрьмы политическая полиция работала с такими людьми и зачастую ей удавалось превратить в осведомителей тех, кто подписал прошение о помиловании. Поначалу задания ограничивались мелочами, но постепенно все более усложнялись; и нередко такого человека превращали в провокатора, который мог продолжать свою деятельность и выйдя из тюрьмы. В ряде случаев кое-кто из таких людей на протяжении длительного времени служили режиму, не вызывая подозрения у товарищей. Несколько человек были даже разоблачены лишь после Освобождения, когда удалось добраться до архивов полиции.

Этим объяснялась необходимость решительной борьбы против подобной уступчивости. Внутренняя политическая организация вела ее прежде всего путем детального расследования того, как вел себя товарищ во время процесса, наблюдая затем за его последующим поведением. Тот, кто подавал просьбу о помиловании, немедленно изолировался: заключенные требовали от начальника тюрьмы его перевода или в камеры, где содержались осужденные за шпионаж, или к тем, кого мы звали попросту «дерьмом».

Осужденные за «шпионаж» лишь условно считались политическими — лишь потому, что их дела рассматривал Особый трибунал. С нами ничего общего они не имели. Большинство их заявляло о своей невиновности (иногда, может быть, это так и было), и все писали прошения о помиловании. Не всегда, конечно, это были испорченные люди, но все же с моральной

точки зрения назвать их порядочными мы не могли. В большинстве своем это были осведомители «Второго бюро»*, которое, как и все контрразведывательные службы, изучало при помощи хитроумных методов слабые стороны кандидата, а затем терпеливо готовило ловушку. Согласно одному из фашистских законов, принятых в 1934 году, чуть ли не вся информация являлась государственным секретом. Поэтому в большинстве случаев речь шла о простых тружениках, из которых иностранные агенты в Италии вытягивали сведения, считавшиеся секретными. Иногда таких же рабочих, находящихся за границей, шантажировали или, увидев их безвыходное положение, подкупали, в результате чего они соглашались возвратиться на родину и передавать сведения более или менее военного характера. Информация не имела значения, однако французская контрразведка использовала этих людей для того, чтобы запутать следы своей истинной деятельности. И в самом деле, фашистские службы набрасывались на эту «мелкую рыбешку», причем зачастую по прямому доносу французов, которые тем самым отводили подозрение от «акул» шпионажа, находящихся на высоких постах.

* * *

Политические заключенные были вынуждены вести серьезную борьбу и против советов пойти на капитуляцию, которые могли исходить от родственников, а порой даже и против просьб о помиловании, которые семьи могли направить на имя Муссолини. Правда, в таких случаях им давали ход лишь тогда, когда их подписывал и сам заключенный. И все же это доставляло немало хлопот.

Приходилось бороться также и против тюремного начальства. Уголовники, хотя и были обязаны соблюдать общую для всех суровую дисциплину, установленную регламентом, который был проникнут действующим до сих пор фашистским принципом «репрессивного» наказания, за исключением редких случаев не подвергались притеснениям. Уголовник мог работать в тюремных конторах и мастерских и, страстно желая

* «Второе бюро» — французская контрразведка.

вернуться на свободу, в конце концов как-то приспособившись к тюремной жизни, постоянно надеясь на амнистию, на сокращение срока, на условное освобождение.

Для политических же заключенных все обстояло совершенно иначе. Они передавались тюремным властям министерством внутренних дел и их содержание и надзор над ними осуществлялись под его непосредственным контролем. Таким образом, все решала политическая полиция, считавшая заключенного своим врагом, с которым и следовало обращаться поэтому соответствующим образом: ему запрещалось поручать какую-либо работу, чтобы он не смог вступить в сношения с уголовниками, влиять на них или использовать их для контактов с внешним миром. Его надлежало постоянно держать под гнетом и перевоспитывать. Следовательно, считались пригодными любые средства давления, направленные на то, чтобы сломить дух политического заключенного, поколебать его убеждения.

Политическим было запрещено абсолютно все, и в первую очередь создание «общего котла», когда все заключенные объединяли свои скудные запасы, а затем поровну распределяли их. Если вы получали из дому посылку, то ни в коем случае не должны были делиться с другими заключенными. Было запрещено собираться группами, устраивать лекции или просто говорить о политике. Во время прогулок, заметив, что приближается надзиратель, мы должны были говорить о самых безобидных вещах или пользоваться особым жаргоном. При себе можно было иметь не более пяти книг, причем на каждую из них следовало иметь разрешение министерства. Покупались они начальником тюрьмы на деньги заключенного и подвергались цензуре.

Министерство запрещало приобретать труды авторов, находящихся в «черном списке». Бюрократия была столь мелочной, что мне, к примеру, не разрешалось покупать мои же собственные книги. Личные дела, заведенные на нас политической полицией, которые хранятся в государственном архиве (куда они сдавались, разумеется, лишь после тщательной «подчистки»), состоят сплошь из доказательств этой абсурдной цензуры, продолжавшейся годами: так, мне было запрещено приобрести даже «Беседы на Сицилии» Витторини⁴.

Писать можно было лишь тем родственникам, с которыми переписка была официально разрешена. При этом разрешалось затрагивать лишь семейные темы, так что поддерживать серьезный обмен мыслями с родными было трудно. Во время дозволенных свиданий за беседой следили двое надзирателей или помощник начальника. Стоило произнести лишь одно слово критики или коснуться вопросов, не связанных с жизнью семьи, как вас тут же прерывали, а затем подвергали наказанию.

Было запрещено не только иметь часы, но и спрашивать время. Вскоре поэтому каждый из нас начал так свободно ориентироваться в сутках, что мог в любое время дня и ночи сказать, который час. Подобные запрещения существовали повсеместно, но в тюрьмах Чивитавеккьи и Портолонгоне они носили особенно абсурдный, провокационный и издевательский характер.

В Чивитавеккьи политические заключенные помещались в специальную секцию, где их охраняли тщательно отобранные надзиратели. Они развлекались тем, что провоцировали нас, с тем чтобы затем подвергнуть наказанию. Большую часть времени они проводили у смотрового глазка (свет горел круглые сутки), и стоило кому-либо из заключенных дать товарищу хотя бы одну маслину, как на него тут же составлялся рапорт, а затем следовало наказание. Зачастую провокации носили и политический характер. Так, чтение газет было запрещено. Однако, когда пала Барселона, когда республиканские войска сдали Мадрид, когда немцы вошли в Париж — одним словом, всегда, когда речь шла о поражении антифашистов, надзиратели подзывали кого-нибудь из нас и, сунув газету, заставляли читать ее вслух, явно рассчитывая подорвать наш дух и спровоцировать нас на ответную реакцию.

Единственным способом противостоять постоянному давлению тюремщиков было сохранение бдительности и боевого духа и одновременно умение не терять спокойствия и не поддаваться ни на какие провокации. Ни в коем случае нельзя было покорно сносить их. Нужно было протестовать, демонстрируя вновь и вновь свою моральную и политическую стойкость. Подчиняясь правилам, по которым вынужден жить заключен-

ный, следовало неизменно добиваться того, чтобы тюремный устав соблюдался и самими надзирателями.

Чтобы доказать нашу силу, нашу способность бороться против произвола, мы организовывали время от времени разного рода манифестации протеста. Прибегать к голодовке не рекомендовала компартия (единственная партия, которая имела сильную организацию также и среди заключенных), поскольку такая форма борьбы слишком ослабляла заключенного, и так уже получавшего весьма скудное питание. Но существовали и другие способы протеста: одновременно все вместе отказывались писать домой или идти на прогулку... Подобные забастовки приводили тюремщиков в ярость, они отвечали наказаниями и расследованиями с целью выявить зачинщиков.

Больные заключенные в принципе освобождались от участия в этих забастовках. Однако почти всегда они выступали вместе со всеми. Так же поступал и я, даже находясь в изоляции в лазарете.

Еще одной нашей задачей было совершенствование политических знаний и помощь в учебе товарищам, менее подготовленным. Это было необходимо для того, чтобы постоянно сохранять способность к объективному анализу происходящих событий.

Внутри тюрьмы формой нашей организации был «коллектив». «Коллектив» избирал руководящую группу, как правило из трех человек, которую мы так и называли — «тройка». Вступление в «коллектив», большую часть которого составляли коммунисты, не было строго обязательным и никому не навязывалось. Однако необходимость этого диктовалась прежде всего желанием продолжать борьбу и организовать нашу жизнь в тюрьме на началах товарищества. «Тройка» осуществляла организационное и политическое руководство «коллективом», стремясь быть постоянно в курсе развития политической обстановки и разъяснять линию партии (это касалось коммунистов), заботилась об обучении товарищей, устанавливала индивидуальные доли при разделе нашего общего фонда.

В итальянских тюрьмах в те годы питание выдавалось лишь раз в сутки, в половине двенадцатого. Рацион состоял из 600 граммов хлеба и литра «супа», представлявшего собой сваренную на воде вермишель с сушеными овощами самого низкого качества. Иногда

в нем попадалось несколько листочков капусты. По воскресеньям выдавался бульон с кусочком жилистой говядины. Тюремная иерархия соблюдалась, особенно в Чивитавеккьи, и в еде. Например, внутренняя, более нежная часть капусты, которая выращивалась на тюремном огороде, шла начальнику тюрьмы и начальнику охраны, свежие верхние листья — надзирателям, и лишь желтые и завядшие отправлялись на стол заключенным.

Нам разрешалось получать из дома деньги, которые вносились в тюремную книжку. Но расходовать на продукты мы могли не более 5 лир в день. Утром и вечером один из надзирателей вместе с уборщиком обходил камеры и записывал заказы, а также распределял уже закупленное.

Уголовников, как правило, определяли на какую-нибудь работу, и они тем самым заполняли лучше нас свое время, при этом даже зарабатывая несколько лир. Конечно, платили им мизерно, потому что эксплуатация труда в тюрьмах была доведена до крайности, и все же этих денег хватало на кое-какие продукты.

Политические же заключенные, лишённые работы, не имели и этого. Единственным источником приобретения продуктов для них были переводы из дома.

В «коллективе» ежемесячно составлялся бюджет. Из полученных сумм часть денег откладывалась на общие расходы (книги, подписка на еженедельники и журналы), остальные поровну делились между всеми. В случае крайней нужды кому-либо из заключенных после обсуждения могла быть выдана прибавка к этой сумме.

Продукты, которые закупались через тюремную лавку, записывались на счета тех, кто имел там деньги, однако их распределение осуществлялось затем в соответствии с нашей договоренностью. Все это делалось втайне, поскольку было запрещено начальником тюрьмы, видевшем в подобных инициативах «Красную помощь»*.

В том же духе была организована учеба, покупка книг и подписка на журналы. Конечно, учитывались

* «Красная помощь» — итальянская секция Международной организации помощи борцам революции (МОПР). МОПР — массовая пролетарская организация, помогавшая в 20—30-х годах лицам, которых преследовала реакция.

в первую очередь культурные и политические интересы большинства, однако «коллектив» с пониманием относился к особым запросам отдельных товарищей, как это было в моем случае. Газеты были запрещены тюремным уставом, кроме «Гадзетта делло спорт», но по некоторым еженедельникам можно было прекрасно следить за развитием политической обстановки. Тюремное начальство просматривало отдельные номера и не разрешало выдавать их нам, если там, по их мнению, были какие-нибудь статьи, которые могли укрепить наши политические взгляды. Лишь недавно я узнал, например, что 18 мая 1938 года начальник тюрьмы в Чивитавеккьи в ответ на просьбу выдать один из номеров журнала «Али д'Италия» («Крылья Италии») ответил следующим образом: «Я не считаю возможным разрешить чтение данного издания, поскольку в нем содержится статья о советской авиации, которую не следует считать подходящей (именно так!) для политических заключенных».

Впрочем, время от времени нам удавалось подкупить кого-либо из надзирателей и получить газету.

Вновь прибывшие приносили нам новости с воли, а в случае если они были руководящими работниками, то и директивы партии; мы жадно забрасывали их вопросами, желая знать, какова обстановка в стране.

Подпольные контакты с внешним миром были чрезвычайно затруднены, и тем не менее мы их поддерживали в течение определенных периодов даже регулярно.

В такой обстановке и продолжала развиваться наша политическая жизнь внутри тюрьмы. В этих условиях складывались наши позиции по поводу важнейших событий, наши оценки ситуации в целом. Мы старались сообщить о наших мнениях товарищам, остававшимся на свободе, особенно когда речь шла о том, чтобы подбодрить тех, кто выказывал сомнения перед лицом событий, складывавшихся, как могло показаться, явно не в нашу пользу, вновь выразить нашу веру в неотвратимый ход событий. Пересылать эти письма было нелегким делом, учитывая цензуру, осуществляемую тюремным начальством: следовало быть весьма осторожными в выражениях. И все же в той или иной степени нам это удавалось.

Таким образом, для того чтобы жить достойной жизнью в условиях, в которые попадал политзаключенный после вынесения приговора, он должен был активно участвовать во внутренней жизни организации, ощущать ее как неотъемлемую часть своего существования, продолжающейся борьбы. Ему нужно было установить с товарищами отношения глубокой солидарности, духовной близости и взаимопонимания. Впрочем, достичь всего этого было нетрудно, учитывая нашу общую веру, нашу общую мораль.

Чтобы легче переносить заключение, особенно если речь шла о длительном сроке, необходимо было иметь мужество порвать со всеми привязанностями, которые оставались за пределами тюрьмы. Весь внешний мир следовало считать «умершим»; его можно было вспоминать, но ни в коем случае не оплакивать и тем более не пытаться искусственно вызвать к жизни. Лишь подобной ценой удавалось достичь душевного спокойствия, которое позволяло стойко встретить любые невзгоды. Людям молодым и неженатым это было проще всего.

ТОВАРИЩИ

— Идет один.

— Давай!

Сколько раз я слышал эту переключку надзирателей, передававших друг другу заключенных! Они считали нас каждую минуту, как овец.

...На другой день после вынесения приговора меня поместили в общую камеру, переведя из 4-й в 6-ю секцию «Реджины Чели», где нам предстояло ожидать переезда к месту отбытия заключения. Мне выпала камера № 612. Когда я появился в камере с обычным одеялом и алюминиевой миской в руках, там уже было двое заключенных. Пезенти, преподаватель, на 24 года. Миннио, рабочий, на 22 года. Лерис, рабочий, на 20 лет. Представились мы друг другу и рассмеялись: нас здорово упекли — 66 лет заключения на троих.

Мы рассказали друг другу свои истории и быстро подружились. Наше настроение было бодрым, а если говорить о характере, то я, пожалуй, был самым веселым в этой тройке. Поднимаясь по утрам, я неизменно напевал, как делал это всегда и раньше, при этом при-

говаривая в шутку: «Хоть бы они прошли поскорее эти 23 года 9 месяцев и 20 дней!» Миннио шутил: «Хотел бы я посмотреть, как ты запоешь лет через семь».

Однако этой привычки я так и не потерял. И когда в 1938 году Миннио перевели в Чивитавеккью, куда к тому времени отправили и меня, я тут же передал ему: а я все пою. Миннио имел колоссальный опыт. Арестованный в восемнадцатилетнем возрасте, он отбыл семь лет тюрьмы, выйдя на свободу в 1934 году. В ожидании, когда ему организуют нелегальный выезд за границу, он возобновил подпольную деятельность в своем городке Чивитакастеллана. Выехать ему не удалось: его вновь арестовали и дали 22 года.

Он был болен и поэтому временами впадал в плохое, пессимистическое настроение. Миннио явно недооценивал свои способности и свою подготовку. У меня была с собой книга Моргенштерна по экономике. Выучив немецкий язык лишь в тюрьме, он вполне понимал этот самый сложный текст. Несмотря на это, его приводило в ярость каждое не совсем понятное слово.

Я восхищался им от всей души, воспринимая от него многое: и познания в марксистской теории, и сведения о жизни в тюрьме. В то же время я постоянно посмеивался над его желанием во что бы то ни стало называться рабочим, что было высшей честью для коммуниста.

Я говорил ему: «Ты ведь ничем не отличаешься от меня. Подумаешь, в юности делал гипсовые унитазы! И на этом основании считать себя рабочим? Да ты самый настоящий интеллигент: ведь с 18 лет ты в тюрьме и только и делаешь, что учишься».

Мы доверили Миннио нашу общую кассу, поскольку я не умел обращаться с деньгами и очень скоро транжирил бы свои скромные средства. Он приучил нас есть селедку, столь аппетитную и богатую калориями, обучил вылавливать фасоль или горох из похлебки, которую нам выдавали на обед, и откладывать их на ужин, а также пользоваться парашей в присутствии других.

Словом, мы воспринимали жизнь в тюрьме философски. Миннио хорошо играл в шахматы, которые мы сделали из хлебного мякиша. Философское настроение, говорил он, одно из трех условий, необходимых для того, чтобы быть настоящим коммунистом.

Второе заключалось в хорошем знании немецкого языка, а третье, наиболее приятное, к сожалению, было невыполнимо в условиях тюрьмы.

Одним словом, мы охотно шутили, часто спорили. Вместе с нами был помещен — для поднятия его духа — вечно хныкавший журналист, которого приводила в отчаяние мысль о крахе карьеры. Разумеется, он подал прошение о помиловании, и мы, при всей нашей терпимости, не могли отказаться от шуток над ним.

Мы очень сожалели, когда всего месяц спустя нас разлучили: меня отправили в Фоссано, Минио и Лериса — в Кастельфранко.

Это была первая моя встреча с коммунистами; я познакомился с людьми честными, глубоко преданными своему делу, по-братски относящимися к другим. Но что мне особенно понравилось в них, так это критический дух, которым оба были наделены. Особенно он был развит в Минио, более образованном и опытном. Для него не существовало никаких табу, его крепкая вера была рождена опытом и борьбой.

* * *

Для транспортировки заключенных из одной тюрьмы в другую использовались, как правило, зарешеченные вагоны. Поездка давала возможность вновь увидеть свободный мир, обещала новые встречи. В то же время она вызывала тревогу перед неизвестностью завтрашнего дня.

На меня, как и на всех, надели наручники и отправили на вокзал Трастевере, где посадили в поезд. По пути нам предстояло сделать остановку в Пизе, где тюрьма имела хорошую репутацию. И действительно, здесь было чисто. Нас развели по камерам и дали вполне сносный суп, по крайней мере по сравнению с той баландой, что мы получали в Риме, в которой среди гороха и чечевицы нередко встречались черви. Сначала я протестовал, затем пытался выловить их, а позднее... привык.

Приехав в Фоссано, я написал о своих первых впечатлениях домой: «После двух дней путешествия я уже в Фоссано, переодетый в тюремное белье и наголо остриженный. Теперь я «номер 9217». Не могу пока еще описать место, в котором нахожусь, поскольку

ку привезли нас сюда поздно вечером... Воздух неплохой, лишь бы давали им дышать. В течение десяти дней мне придется находиться в изоляции, но поскольку мест здесь не хватает, то нас, прибывших последними, разместили в камерах, настолько скверных, что с ними могут сравниться лишь знаменитые тюрьмы Бурбонов. Однако терпение: через день-два освободятся места в более приличных камерах. К тому же я буду опять в компании, что, конечно, улучшит мое состояние. Во всяком случае, чувствую я себя прекрасно — и физически, и морально...»

Просмотрев мое письмо, начальник тюрьмы, доктор Вертмюллер, приказал привести меня к нему. Это был старый чиновник, отличавшийся достаточной человечностью, который содержал заключенных, как это было ему приказано, но не издевался над ними и даже уважал их. Он вспоминал, что под его надзором был непродолжительное время, в самом начале его карьеры, даже Филиппо Турати⁵, несколько «нытик», по его словам, — так что Вертмюллер знал, сколь изменчива жизнь.

Когда я вошел в его кабинет, начальник встретил меня такими словами: «Да что вы знаете о бурбонских тюрьмах? Они были много лучше этих! Да, вы имеете в виду Яичный замок*, так это тюрьма единственная в своем роде... Будьте терпеливы, скоро мы переведем вас в общую камеру».

С этим человеком можно было иметь дело, но когда я попытался поговорить с ним о политике, то тут же понял, что это бесполезно. Так, однажды я долго говорил о проблеме монополий, вспомнив, в частности, Монтекатини**. «Да что может значить какой-то курорт», — тут же прервал меня он. Я промолчал.

Год спустя Вертмюллеру пришлось заплатить за свое добродушие. И произошло это так.

Политические заключенные в Фоссано поддерживали связь с внешним миром благодаря нескольким уборщикам и одному надзирателю, сицилийцу по происхождению. Перейдя в общую камеру, я тоже смог воспользоваться этим каналом и направил товарищам

* Яичный замок — средневековый замок в Неаполе, превращенный королями из династии Бурбонов в тюрьму.

** Монтекатини — название химического концерна и в то же время местности, где располагается крупная водолечебница.

зашифрованное сообщение о своем процессе, в котором указывал также возможных провокаторов.

В этой тюрьме мы получали директивы компартии, а главное — могли тайком держать марксистскую литературу. Лишь в 1937 году, когда меня уже перевели в Чивитавеккью, из фоссанской тюрьмы по амнистии вышел некий Анджело Гатти. Возможно, он и до этого был осведомителем, во всяком случае, от него властям стало известно все. В тюрьму была послана инспекция, начальника перевели в другое место, товарищей из руководства отправили в Портолонгоне, а надзирателя арестовали. Гатти был вызван компартией в Швейцарию, где его допросил и разоблачил Риголетто Мартини, о чем он сам мне рассказал в тюрьме в Чивитавеккьи в 1942 году, незадолго до своей смерти...

После обязательных десяти дней изоляции, когда тюремное начальство «изучает» заключенного, меня поместили в общую камеру на четвертом этаже. Как это всегда происходит при встрече с новым человеком, товарищи забросали меня вопросами. Уборщики уже проинформировали их, кто я такой и как вел себя до этого.

«Коллективом» камеры, состоящим человек из тридцати, руководила «тройка», в состав которой входили также Рей из Турина и Борги из Ливорно. Мне объяснили правила: меня охотно приняли бы в «коллектив», но что касается экономической стороны дела, то здесь я был свободен выбирать. Я мог вести свои дела самостоятельно или же, вступив в «общий котел», получать более высокую сумму с учетом моих привычек и потребностей в научной работе. Наконец, я имел право войти в «коллектив» и на общих основаниях. Они сказали, что обычная квота составляет 43 центезимо* в день, но мне могли выдавать одну лиру. Выслушав эти исчерпывающие объяснения, я, разумеется, сказал, что буду жить так же, как живут все. Имея в виду, что я не курю, 43 центезимо мне было бы достаточно, чтобы купить одно яйцо, чашечку кофе с молоком и немного каштанов в бульоне вечером.

Природа, как известно, не создает людей одинаковыми. Вначале я не чувствовал голода, поскольку еды,

* Центезимо = 1/100 лиры.

по моим привычкам, было даже слишком много. Ну когда раньше я мог съесть 600 граммов хлеба в день да еще литр супа? Однако калорий в этой пище было явно недостаточно, особенно для самых молодых. И поэтому они слабели. Что же касается людей крупных и тучных, таких, как скажем, товарищ Тонини из Генуи, а также некоторых фриулийцев, то они буквально умирали с голоду и собирали все, что оставалось как у меня, так и у других заключенных. Им не хватало даже той дополнительной еды, которую можно было приобрести за 43 центезимо.

Отношения между товарищами, большей частью рабочими и крестьянами, среди которых попадались очень умные люди, были поистине братскими. Самодисциплина и общность идеалов делали нашу жизнь спокойной. По утрам я, как обычно, исполнял свою традиционную песенку, и каждый из нас убирал свое место, умывался, разумеется поверхностно, насколько это позволяла примитивная система умывальников. Потом, ожидая часа прогулки, мы читали и занимались.

В Фоссано мы добились разрешения на создание некоего подобия школы, где время от времени можно было даже позаниматься. В ней было разрешено преподавать итальянский язык, латынь и даже историю. Прочитать несколько лекций было поручено мне. Среди запрещенных и укрытых в камере книг мы имели «Капитал», несколько произведений Ленина, включая немецкое издание «Материализма и эмпириокритицизма», а также XII том «Новой экономической библиотеки», в котором был опубликован «Манифест Коммунистической партии».

Мы легко привыкали к новой жизни. Я наладил научную работу и, приобретя несколько книг и подписавшись на ряд экономических журналов, принялся за изучение бесконечно малых величин. Это также подбадривало меня: ведь таким образом время проходило не совсем впустую.

Весьма благотворное влияние, особенно на меня, интеллигента, оказывала совместная с другими заключенными жизнь. Дискуссии с товарищами, их живые рассказы о собственной жизни и борьбе способствовали формированию моих идейных взглядов не меньше, чем изучение тех немногих марксистских книг, которыми мы располагали. Среди моих друзей я вспоминаю

Тозоратто, родом из Фриули, человека удивительно впечатлительного, который, бесспорно, стал бы великолепным писателем, если бы не погиб во время Сопротивления. Он читал мне свои рассказы. Мы прекрасно ладили, и, когда в 1937 году он по амнистии вышел из тюрьмы, мне его очень не хватало.

Я вспоминаю также Рея, серьезного и молчаливого, чьи глаза светились радостью, когда он видел, что я постепенно становлюсь коммунистом.

Месяцы, проведенные в Фоссано, совпали с фашистскими победами в Африке, с провозглашением империи, коронацией⁶ и последовавшей за этим амнистией. Энтузиазм, с которым встречали эти события фашисты, оказывал немалое влияние на родственников заключенных: по своей наивности они начинали верить в скорое освобождение всех заключенных. Таким образом, перед нами встала задача развернуть борьбу против этих опасных иллюзий, подтвердить верность своим политическим взглядам, отвергнуть любые уступки режиму, предостеречь семьи от ложных шагов. Цензура вычеркивала в наших письмах наиболее откровенные фразы, однако достаточно было соблюдать некоторые табу (к примеру, не писать прямо «фашизм» и «коммунизм»), чтобы быть вполне понятыми родственниками.

Желание развеять опасные иллюзии и в то же время убедить своих родных, что наша борьба имеет исторические перспективы, пронизывало многие мои письма. Я должен был постоянно писать об этом своей матери, а также сестре, поскольку в открытом или скрытом давлении на меня с их стороны не было недостатка. Особенно часто они взывали к моим чувствам привязанности к родным, которые в нашей семье были очень сильными.

Призывы отказаться от непримиримости особенно усилились, когда я заболел. Хотя они и были продиктованы любовью ко мне, тем не менее из них становилось ясно, насколько мало люди, жившие на свободе, представляли наше реальное положение, считая, что, даже не прибегая к прошению о помиловании, более «послушным» поведением можно было приблизить час освобождения.

Когда меня положили в лазарет с сухим плевритом, а рентгеновский снимок показал туберкулезный

инfiltrат, начальник тюрьмы испросил согласия министерства на то, чтобы сообщить об этом факте моей семье. Такое разрешение было получено, хотя высшее начальство опасалось, что это станет известно за границей.

Кроме всего прочего, врач пытался запугать меня, преувеличивая серьезность болезни и утверждая, что я не вынесу тюремной жизни. Я не верил ему, потому что высокая температура по вечерам не беспокоила меня, однако старался использовать все те возможности, которые болезнь открывала передо мной в плане питания и отдыха. Я и сегодня не могу сказать, насколько тяжелым было мое заболевание*. Только несколько лет спустя, во время общего ухудшения моего состояния, я стал думать о том, что, возможно, мне придется умереть в тюрьме. Впрочем, мысль о подобном конце отнюдь не вызывала во мне ужаса.

ГОД В ФОССАНО

Нам приходилось вести и еще одну серьезную битву — за улучшение условий жизни в тюрьме. После 1937 года политических заключенных сконцентрировали в нескольких местах: в Фоссано, Чивитавеккьи, Кастельфранко Эмилия, а больных — в Тури ди Бари и на острове Пьяноза. Тюрьма в Фоссано размещалась в специально приспособленной для этой цели огромной казарме, что имело и свои преимущества и недостатки. Нам были на руку очень длинные камеры: надзиратели не имели возможности просматривать через глазок все помещение.

Во всех тюрьмах самым неприятным моментом была внезапная проверка, поскольку держать все в нужном нам порядке мы не могли.

Группа надзирателей неожиданно и стремительно врвалась в камеру. Нас всех выводили наружу и подвергали тщательному обыску. Затем наступала оче-

* Антонио Пезенти так и не узнал, что тюремные врачи обнаружили у него астму, которая впоследствии и свела его в могилу. Донесение врачей было обнаружено в тюремных архивах его вдовой (вместе с запрещением сообщать больному — все из-за той же боязни, что это станет известно за границей). Сообщено Адрианой Пезенти, вдовой Антонио Пезенти. — *Прим. К. Г. Холодковского.*

редь камеры; все переворачивалось вверх дном в поисках запрещенных книг, карандашей, а также других предметов, не разрешенных тюремным уставом. Если надзиратели вели себя корректно и проверка не заставляла нас врасплах, все шло гладко. Если же, как часто бывало в Чивитавеккьи, они получали приказ найти во что бы то ни стало что-либо запрещенное или же начинали провоцировать нас, дело кончалось плохо. Теоретически наименее серьезным наказанием была простая изоляция. Однако на практике почти всегда применялась строгая изоляция, при которой вас помещали в тесную камеру с малюсеньким окошком сверху, где не было тюфяка, где вы получали только хлеб и воду.

Подобное наказание было почти всегда чревато серьезными последствиями для организма заключенного, и так уже ослабленного.

День 7 ноября был нашим великим праздником, хотя он, конечно, и не значился в фашистском календаре, а следовательно, и не давал права на получение дополнительной посылки из дому, как по официально признанным праздничным дням (их было пять, включая и 28 октября — день «похода на Рим»). Мы хотели, чтобы надзиратели знали, что у нас праздник, и в этот день делали большие закупки, заказывая даже вино. Вечером, после обхода и отбоя ко сну, мы сидели как можно ближе друг к другу и, внимательно следя за глазком, тихо-тихо пели «Интернационал» и другие революционные песни. Суровые и вдохновляющие строфы звучали особенно торжественно в мрачной тишине тюрьмы.

Это были моменты, когда мы вновь демонстрировали свою верность собственным политическим убеждениям, с особой силой ощущая великую роль партии, объединяющей в единой борьбе столько людей самого различного происхождения.

Хватало в тюремной жизни и поводов для горького сарказма. Так, в 1936 году фашистский режим, казалось, собирался объявить широкую амнистию. Заключенные всегда надеются вновь обрести свободу, а из дому постоянно приходили сообщения об «амнистии», которые «тюремное радио» распространяло по всем камерам, прибавляя к ним все новые подробности и создавая настроение лихорадочного ожидания, особен-

но у тех, кто был осужден на небольшой срок. Родственники строили иллюзии, что амнистия будет всеобщей — по крайней мере для политических заключенных.

Мы были настроены менее оптимистично. Разумеется, причин, по которым режим мог пойти на амнистию, причем даже широкую, было немало, однако даже в момент самых радужных надежд на нее в связи с провозглашением империи мы отдавали себе отчет, что возникают и новые препятствия к этому.

Победа Народного фронта в Испании, которую мы встретили с энтузиазмом, вселила в нас куда более серьезные надежды. Но когда в августе мы узнали о франкистском мятеже, наши прогнозы насчет масштабов амнистии стали еще более осторожными. Я был в числе настроенных наиболее пессимистично; к тому же меня осудили на основании лишь одной, но чрезвычайно серьезной статьи; и только всеобщая политическая амнистия могла бы открыть мне двери к свободе. Во всех остальных случаях мой срок был бы лишь несколько сокращен. В ином положении находились те, кто был приговорен к заключению по нескольким статьям, из которых некоторые — как, например, та, по которой в вину вменялась только принадлежность к партии, — влекли за собой легкое наказание. Во всем этом я отдавал себе отчет, о чем и писал домой, стремясь развеять вредные и опасные иллюзии моих родных.

Когда знаменитая «амнистия» была наконец объявлена, встретил я ее без разочарования. 16 февраля 1937 года я писал сестре: «Думаю, что ты уже, наверно, знаешь, что дает мне амнистия — минус четыре года! Мне от этого, разумеется, ни жарко ни холодно, учитывая длительность моего срока... Будем считать, что ничего не изменилось... Для меня речь идет о том, чтобы продолжать жить так же, как я живу».

Несмотря на то что все мы мечтали о свободе, даже амнистия могла стать поводом для шуток. Когда мы выходили на прогулку вместе с осужденными за шпионаж, все набрасывались на меня, желая узнать новости об амнистии. Пост министра юстиции в то время занимал Арриго Сольми⁷, бывший мой профессор в Павии; и многие поэтому считали, что моя семья имеет бог весть какие связи в верхах. Это меня очень

раздражало. И через товарища Баракки, истинного флорентийца — остроумного и очень веселого, я распространил слух, что мне тайком переслали подлинный текст будущего декрета об амнистии. На другой день во время прогулки я вытащил из кармана листок и совершенно серьезно зачитал стихотворный текст, полный непристойных шуток по адресу короля, Муссолини и министра юстиции.

Однако свобода — серьезная вещь, и нет заключенного, который не мечтал бы вернуть ее даже путем побега. В Фоссано, учитывая расположение тюрьмы, побег был возможен только из лазарета — огромного помещения, окна которого выходили непосредственно на улицу. Разумеется, они были зарешечены и имели специальные козырьки, а также охранялись днем и ночью. Кроме того, на улице постоянно находился патруль. Однако в небольшом кухонном помещении, где располагались надзиратели и старший санитар, козырьков не было. Следовало иметь в виду и другое: лазарет охранялся менее строго; нас содержали вместе с уголовниками, только в разных комнатах; и мы могли постоянно общаться с уборщиками и другими заключенными, выполнявшими различные работы. Все это давало нам возможность наладить необходимые контакты как внутри тюрьмы, так и с внешним миром.

Уголовники относились к нам с уважением; и мы помогали им, особенно когда речь шла о составлении прошений в министерство. Ведь мы понимали, что главный виновник их преступлений — это прогнившее общество, среда, в которой им приходилось жить. Некоторые из них были совершенно безвредными славными людьми, которые просто в какой-то момент сбились с пути или же оказались во власти социальных предрассудков. Кое-кто настаивал на своей невинности, но большинство признавало свои ошибки, говоря, что обстоятельства оказались сильнее их или же что их подвело неправильно понятое чувство чести.

Были здесь и неисправимые мафиози⁸, гордившиеся тем, что выполняли важные поручения в своей организации, занимающейся убийствами, вымогательством и шантажом. Однако и среди мафиози попадались простые труженики, попавшие под удар беспощадных репрессий Мори⁹. Теперь у них открылись глаза, и они стали нашими друзьями: по праздникам мы охотно

выпивали вместе стакан вина, провозглашая тосты за падение фашизма и за свободу.

Среди заключенных-уголовников, которых я запомнил более других, следует назвать начальника уборщиков, кладовщика, старшего санитаря, а также организаторов знаменитого ограбления, осуществленного за несколько лет до этого в Традате.

Начальник уборщиков был родом из благопристойной буржуазной семьи. В обстановке всеобщего марша, порожденного первой мировой войной, он сразу же после демобилизации в звании гардемарина совершил тяжкое ограбление, за что получил 30 лет тюрьмы. По различным амнистиям срок этот был сокращен до 19 лет; и в период, о котором идет речь, он уже отсидел из них более пятнадцати.

Кладовщик, выходец из очень богатой и известной семьи, учился в свое время на инженерном факультете университета в Павии. Затем он пристрастился к кражам автомобилей и оказался втянутым в преступную организацию. Когда я познакомился с ним, он ждал амнистии, по которой впоследствии и был освобожден.

Организаторы ограбления в Традате ничего особенного собой не представляли. Выделялся среди них лишь один, который был побойчее остальных. Все они уже отсидели большую часть своего срока и по амнистии их выпустили на свободу.

Поистине приметной личностью в этой компании был старший санитар, миланец, известный в преступном мире под кличкой «Карлетто пекарши»: в самом начале «карьеры» у него была любовница, работавшая на хлебопекарне.

Это был мужчина почтенного вида, с легкой проседью в волосах. Начинал он как простой карманник. Он нам рассказывал, как «работал» в трамвае, куда для маскировки своих действий входил с ребенком на руках. Когда он начинал обхаживать какого-нибудь пассажира и у того вдруг появлялось подозрение, он в качестве оправдания тут же говорил малышу: «Не дергай ножками». Но однажды ему ответили: «А вы, будьте добры, не двигайте ручками». Так его и взяли. Позднее он продвинулся на следующую ступеньку — стал взломщиком и, наконец, познакомившись с тюрьмами почти всей Европы (особенно хороши были, по его словам, швейцарские, а также тюрьмы Севера) и

обеспечив достойное положение своим детям, избрал более спокойную «работу», превратившись в умелого фальшивомонетчика.

В данном случае он сидел уже пятнадцатый раз или около того, причем последнее осуждение считал несправедливым. Он подделывал серебряные скудо*, используя для этого металл того же качества, что и в настоящих монетах. Поэтому он говорил: я ведь никого не надул — давал чистое серебро, может, даже лучше того, что в итальянских монетах. Так за что же меня судить? Его заработок составляла лишь разница между реальной стоимостью монеты и ее официальным курсом. Меня он спрашивал, осудили бы его за подобные дела в СССР, и на мой утвердительный ответ горько усмехался и качал головой.

Карлетто с радостью согласился бы помочь мне в организации побега. Ему же самому бежать было невыгодно: сидеть оставалось совсем немного. И он рассчитывал на заслуженную спокойную старость в кругу детей после многих лет столь бурной деятельности.

Поначалу я имел возможность спокойно ходить из камеры в лазарет, и это облегчало мои планы. Когда же плеврит стал хроническим, а повышенная температура стабилизировалась, я почти все время проводил в лазарете. Чувствовал я себя настолько хорошо, что просто не верил в серьезность заболевания.

Но следили за мной очень тщательно. Когда меня повезли в городскую больницу для того, чтобы сделать рентгеновский снимок, министерство дало указание организовать особо строгое наблюдение: там, как следует из моего досье, хранящегося в архивах, боялись, что я использую эту возможность для побега.

Питание в лазарете было относительно обильным. Кроме того, здесь спали на настоящих кроватях. Главное неудобство заключалось в том, что приходилось жить без товарищей. Однако время от времени я мог возвращаться в камеру, причем даже тогда, когда болезнь обострялась.

План моего побега был разработан во всех деталях. Выйдя по амнистии на свободу, похититель автомо-

* Скудо — старинная итальянская серебряная монета. Исчезла из обращения в 1866 году. Название скудо продолжало применяться к монете в 5 лир.

билей и члены банды Градате должны были вступить в контакт с Лучо Луццатто и получить от него для меня фальшивый паспорт (другие документы, уже для себя, они должны были достать сами). По случаю пасхи, когда родственникам разрешается послать заключенному посылку, они должны были отправить начальнику уборщиков, человеку, находящемуся вне подозрений, пасхальное яйцо со скрученным лезвием внутри. В ночь с 1 на 2 апреля эти же люди должны были ожидать меня на машине, разумеется краденой, около тюрьмы. Они предупредили меня: имейте в виду, машина будет ворованной, а мы вооружимся и в случае необходимости будем стрелять. Я не возражал. Впрочем, когда речь идет о подобных делах, щепетильность попросту бессмысленна.

Внутри тюрьмы, по договоренности со старшим санитаром, предполагалось связать надзирателя, перепилить решетку и по условному сигналу спуститься на улицу через окошко кухни. В назначенный день в лазарет должны были быть помещены еще два товарища, в задачу которых, по решению «коллектива», предупредить в последний момент, входило содействие в организации побега.

До границы с Францией от Фоссано, при тогдашнем транспорте и состоянии дорог, было немногим более двух часов пути. Нам предстояло перейти границу с фальшивыми документами в ту же ночь. Мы договорились о том, что, добравшись до Франции, где в то время у власти находился Народный фронт, я попытаюсь получить для своих спутников официальное разрешение на пребывание в стране.

Я был уверен, что в силу чувства чести, связывающего всех заключенных, меня не предадут. И действительно, со стороны тех, кто обещал мне помощь в осуществлении побега, все было сделано так, как мы условились. Выйдя из тюрьмы, мои друзья встретились с Лучо Луццатто и попросили у него паспорт для меня. Однако об этой просьбе, переданной в Париж, узнали агенты ОВРА: запрос о документе для человека, который находится в тюрьме и должен провести там еще более 18 лет,— необычная вещь, а у муссолиниевских служб были длинные уши.

30 марта, за день до того, как я должен был бежать, меня внезапно вызвали к начальнику и сообщили о не-

медленном переводе в Чивитавеккью. Времени мне хватило лишь на то, чтобы добавить к письму, которое я только что написал, несколько строк: «Меня отправляют в Чивитавеккью. Уезжаю сегодня в два. Пиши туда, попытайтесь добиться, чтобы меня перевели в Пьянозу». Однако в Пьянозу, где заключенных содержали с меньшей строгостью, мне так и не удалось попасть, несмотря на все хлопоты моих родственников.

Вместе со мной в Чивитавеккью были отправлены несколько товарищей, осужденных на длительные сроки. Среди них — Секондо Песси и Тонини из Генуи, Торричини¹⁰ из Эмполи.

Простое совпадение или мера предосторожности? Я никогда этого так и не узнал. Фактом остается, однако, что кроме обычной охраны нас, не прячась, сопровождал и специальный агент полиции.

Путешествие в качестве «перевозимого особым порядком», то есть в купе третьего класса обычного пассажирского поезда, было приятным развлечением. Это частично помогло мне побороть горечь от сознания того, что план побега — впрочем, достаточно рискованного — провалился.

Впервые за долгие годы мы вблизи видели «гражданских», дышали вольным воздухом, любовались из окна вокзалами, городами, деревушками. Разумеется, мы были в наручниках и одеты в полосатую тюремную одежду, но сопровождавшие нас карабинеры вели себя достаточно вежливо; и мы не упустили случая воздействовать на них в порядке пропаганды. Находясь достаточно близко от людей, чтобы они могли нас слышать, мы говорили громко: «Мы политические заключенные, коммунисты». На вокзале в Савоне мы попросили карабинеров послать кого-нибудь купить нам бутылку вина. Его принес нам один рабочий, который, узнав, кто мы такие, отказался взять деньги. Занавеска в нашем купе была все время опущена, но время от времени открывалась щель, которая позволяла нам видеть людей. И они видели нас. В какой-то момент перед нашим купе остановился мальчик, который с любопытством поглядел на нас и, кажется, немного испугался. Карабинеры спокойно дремали: ведь мы были в наручниках. Так что нам удалось перекинуться с этим мальчиком несколькими словами. Мы политические заключенные, коммунисты, сказали мы ему. Мы лю-

бим детей, мы хотим мира, боремся за-то, чтобы все были счастливы. Тонини, указывая на меня, сказал: «Видишь, вот это профессор».

Мальчик побежал сообщить об услышанном и увиденном своим родителям, а потом вновь вернулся к нам. Однако карабинеры, проснувшись, прогнали его. До чего же вы дошли, сказали они, разозлившись, даже среди детей ведете пропаганду!

В ЧИВИТАВЕККЬИ

Тюрьма Чивитавеккьи находится недалеко от моря. Все антифашисты хорошо знали ее: сюда помещали наиболее важных политических заключенных, тех, кто внушал режиму наибольший страх. Когда, отправляясь на Сардинию, я садился на пароход в Чивитавеккьи, то всегда бросал взгляд на здание тюрьмы, мысленно приветствуя заключенных там товарищей и думая про себя: «Кто знает, может, в один прекрасный день и я присоединюсь к вам».

И вот этот день настал. Здание, специально построенное во времена Папского государства, было в высшей степени приспособлено для своего назначения: от центрального помещения радиусом отходил ряд корпусов, некоторые из которых имели особые камеры для политических заключенных. Весь комплекс окружала высокая крепостная стена, перебраться через которую было практически невозможно. Мы знали также, что, хотя эта тюрьма и не была тюрьмой «строгого режима», как в Портолонгоне, обращение с заключенными было весьма суровым.

Начальником тюрьмы был небезызвестный Дони, холодный и непрístupный человек, попасть к которому на прием было не так-то просто. Возможно, он и не был фашистом, но вел себя именно как фашист. Он похвалялся тем, что установил в тюрьме железный порядок, до последней запятой проводя в жизнь инструкции, которые совместно разрабатывали министерства внутренних дел и юстиции. Созданное им специальное отделение для политических заключенных охранялось великолепно обученными для этой цели надзирателями, которые за редким исключением вели себя так, словно состязались в служебном рвении. Особенно активно они выискивали спрятанные или замаскирован-

ные «политические» книги, которые каким-либо способом попали в тюрьму еще раньше — в менее суровые времена. Отличались эти надзиратели и тем, что по любому поводу писали рапорты, даже в том случае, если нарушение было спровоцировано ими самими.

Самой зловещей фигурой был главный надзиратель Пройетти, откровенный фашист, мастер гнусных провокаций, которого впоследствии совершенно справедливо расстреляли партизаны.

Что обстановка в Чивитавеккьи была далеко не такой, как в Фоссано, стало понятно сразу же. Прибыв туда, я тут же получил латаную и перелатаную тюремную одежду и стал «номером 7916». Насчитав на ней 24 заплатки, я было начал протестовать, но потом рассмеялся вместе с прибывшими со мной товарищами, которых развеселил мой вид. Позднее я в письме домой пошутил, что одели меня, как Арлекина. Как только Дони пришел посмотреть на новые «экспонаты» своего «зверинца», он тут же сказал, что я не приучен к порядку, что здесь не Фоссано и, наконец, что мое письмо отправлено не будет.

По окончании срока обычной для новоприбывших изоляции тюремные власти, изучив мои документы и узнав о том, что я болен, отделили меня от других товарищей и поместили вместе с больными. Поначалу я решил, что это хорошо.

Но как только я понял, что лазарет станет постоянным местом моего пребывания, тон моих писем изменился: в них появилась масса жалоб и просьб о переводе в Пьянозу.

В главный лазарет тюрьмы, «клинический центр», как его здесь помпезно называли, стекались больные из всех тюрем — прежде всего такие, которым была нужна операция. Руководил им профессор Полидори, довольно-таки известный специалист, который, впрочем, появлялся здесь крайне редко. В действительности же всем комплексом командовал один хирург, который, как мы знали, страшно боялся крови, а посему следил за операциями издали, поручив их молодому сардинцу, некоему Чирилло Этци, прибывшему в тюрьму неграмотным и осужденному на очень длительный срок. Он и был практически единственным врачом, хотя для осмотра больных существовал еще один врач — клиницист!

Если обычная больница представляет собой зрелище не из приятных, то что же тогда говорить о тюремном лазарете, где вас запирают в палату без права выходить на прогулку или в другие отделения. Поначалу все «политические» были размещены в довольно-таки светлом коридоре, но затем, году в 40-м, их перевели в мрачное помещение в центральном здании. Поскольку в «клиническом центре» «политическими» считали всех, кто был осужден Особым трибуналом, то мы оказались в одной компании с заключенными по делам о шпионаже и с теми, кто подал прошение о помиловании. Вполне возможно, что тюремное начальство преднамеренно поместило нас вперемешку с ними. Способствовал этому и тот факт, что серьезно больных среди настоящих политзаключенных было мало, а если они страдали хроническими заболеваниями, то их тут же отправляли в Тури ди Бари или же в Пьянозу.

Подобное положение с каждым днем все более тяготило меня. Особенно действовал на нервы тот факт, что приходилось находиться вместе с осужденными за шпионаж, которые считали себя такими же «политическими», как и мы, поскольку их также судил Особый трибунал. Мы же со своей стороны стремились четко отделить себя от тех, кто за деньги передавал сведения иностранцам, так как именно нас фашисты называли «врагами нации».

Не знаю уж по какой причине — то ли стремясь реабилитировать себя, то ли из корыстных побуждений, — но «шпионы» в тюрьме по большей части превратились в отъявленных националистов, восхищавшихся фашизмом и радовавшихся его победам, что мы воспринимали как постоянную провокацию. Плюс ко всему они, вероятно в надежде добиться помилования, доносили на нас начальнику тюрьмы.

Жить среди больных, не имея возможности поговорить с товарищами, услышать от них слова утешения, было тягостно. Но еще больше приходилось страдать от общения с людьми, с которыми у нас не было ничего общего в идейном плане. И особенно угнетала атмосфера напряженности, создаваемая этими типами. Разумеется, не все «шпионы» вели себя одинаково, но двое из них — бывший депутат-социалист, определенный в нашу палату в качестве караульного, и явно без-

мозглый тосканец — действовали на нервы. Так, однажды этот последний принялся петь при нас фашистские гимны. Я вместе с двумя товарищами основательно избил его, за что нас всех отправили в карцер, хотя у меня и была температура 38. Кроме того, мы все попали в рапорт.

В этих условиях следовало благословлять геморрой, аппендицит и другие болезни, которые, не будучи особенно тяжелыми, требовали тем не менее не амбулаторного лечения, а госпитализации в «клиническом центре». Для нас, политических, прибытие нового товарища было праздником: ведь только в этом случае мы могли получить новости из камер, узнать о положении в партии. Это случалось, однако, не часто. К сожалению, те, кто попадал в «клинический центр», очень редко возвращались назад: чаще всего они становились хроническими больными или вообще отправлялись на кладбище. Но все же были и товарищи, нуждавшиеся лишь в небольшой операции или помещенные сюда с легко излечимыми заболеваниями.

Нас очень беспокоило здоровье Аугусто Монти, страдавшего тяжелым кишечным заболеванием, но в конце концов он встал на ноги. Во время пребывания в «центре» он очень скрашивал нашу жизнь своим интеллектом.

Микеле Джуа, который страдал серьезной болезнью глаз, был человеком совсем другого характера, иного воспитания и иных политических взглядов. Нас связывала с ним память о его сыне Ренцо, погибшем в Эстремадуре¹¹. Отца, как и сына, отличали гордость, смелость, великодушие. Однако, когда речь заходила о политике, мы нередко спорили. С нами он пробыл несколько месяцев.

Прибывали в «центр» и другие товарищи, коммунисты, общение с которыми помогало переносить нашу изоляцию, укрепляло нашу политическую закалку. Так проходило время, причем здесь, в тюрьме, даже быстрее, чем на свободе.

За исключением трагических моментов, когда среди нас были умирающие, мы даже в этих условиях продолжали учиться, бороться, а нередко даже и смеялись.

Одним из самых веселых периодов нашей жизни был тот, когда среди нас оказался профессор Вентурелли из Вероны — честный человек, антифашист и

масон, ставший в тюрьме верующим. Он подал прошение о помиловании, но в разговорах с нами не прибегал к обычным в таких случаях оправданиям: жена (или невеста) мучается одна, духовный кризис или изменение политических взглядов... Он спокойно называл вещи своими именами: в тюрьме плохо, и я хочу встретить свой конец дома. Будучи врачом, он знал, что у него рак желудка, и в самом деле умер от него вскоре после помилования.

Вентурелли попал в тюрьму почти случайно: он оказался в группе антифашистов из Вероны, которые во время визита Гитлера в Италию организовали шумную манифестацию протеста против «Стального пакта»¹², взорвав несколько совершенно безопасных пертард.

Вентурелли арестовали и заставили все рассказать; впрочем, по его словам, сотоварищи вели себя не лучше. На основании их показаний Вентурелли изобразили не более и не менее как руководителем заговора, и 30 мая 1939 года он был осужден на 16 лет тюремного заключения. Наивность Вентурелли не знала границ; и мы, любя его и стремясь поднять его дух, рассказывали ему небылицы, вроде той, что Гитлер умер. В другой раз мы ради шутки придумали, будто Иден попал в плен, так как фашистские истребители вынудили совершить посадку его самолет, когда тот пролетал над Сицилией...

Учиться и продолжать политическую борьбу в этих условиях было гораздо труднее. И тем не менее мы делали это.

Первой целью, которую мы ставили перед собой в нашей борьбе, было физическое спасение, выздоровление. Для нас, политических заключенных, это означало возможность возвращения в камеру, к товарищам. Но в моем случае на это было мало надежды. Меня уже считали хроническим больным, и поэтому в первые годы я всеми способами — посредством протестов, запросов, требований об осмотре, писем домой — добивался перевода в Пьянозу. Поняв же, что это мне никогда не удастся, я изменил тактику и предпринял попытки заставить тюремные власти создать мне лучшие условия, чтобы в конце концов, подправив свое здоровье, вернуться в камеру, к товарищам. Это мне почти удалось. Хотя я и похудел до 52 килограммов, мое состояние

наконец стабилизировалось, и я подал заявление о том, чтобы меня перевели к здоровым заключенным.

Однако в июле 1942 года, как раз тогда, когда я получил разрешение на это, со мной произошло нечто весьма серьезное и странное.

В течение почти трех недель я день и ночь ухаживал за товарищем Риголетто Мартини, заболевшим милитарным туберкулезом. Осознавая, что конец близок, он, будучи настоящим партийным руководителем, опасался, что в бреду может назвать имена или упомянуть о чем-либо таком, что должно храниться в секрете. В связи с этим он попросил товарищей, и особенно меня, не оставлять его одного ни на минуту. И лишь когда наш товарищ обрел покой, уйдя из жизни, я смог пойти отдохнуть.

Может быть, я заразился, может быть, свою роль сыграло нервное истощение, вызванное долгим бдением, или физическая усталость, или волнение, но факт тот, что, проснувшись утром несколько дней спустя, я вдруг заметил, что полностью потерял ощущение пространства. Спал я, покрыв глаза платком, чтобы защитить их от постоянно горящего в тюрьме света (эту привычку я сохранил до сих пор), и в то утро стал искать платок гораздо ниже уровня глаз, где-то возле шеи. Вслед за этим наступил сильный приступ, который длился почти четыре часа: я не мог дышать, судорожно взмахивал руками, сердце билось резко и неритмично. Через некоторое время приступ повторился и продолжался еще дольше первого. Тюремные врачи были напуганы и ничего не могли понять: пытаюсь поставить диагноз, они выдвигали самые противоречивые предположения — столбняк, солнечный удар и так далее. В конце концов они сделали мне укол эфира, который не только прекратил приступы, но и немного опьянил меня, так что я, как мне потом сказали, запел в полный голос какую-то, вероятно тут же сочиненную, заунывную песню. Товарищи уже сочли, что я умираю, а я просто опьянел от применения эфира. Во всяком случае, чувствовал я себя очень плохо и в течение двух месяцев вынужден был оставаться в постели, отказавшись от своего плана перебраться в камеру к здоровым товарищам.

Я продолжал борьбу за свое здоровье. В 1942 году, когда странное заболевание прошло, я понял, что вы-

играл эту битву, тем более что и оставшийся срок заключения казался мне уже недолгим.

* * *

Читать и вести записи было разрешено при условии, что каждая страница тетради будет проверена тюремными властями. Если вы хотели писать о марксизме или о политике, то следовало или использовать иностранные слова, скажем английские, немецкие, или изобретать условный язык. Так, Маркс в моих записях фигурировал под именем итальянского экономиста Феррары¹³.

Иногда с теми немногими товарищами, которые находились в «клиническом центре», мы, перехитрив охрану, организовывали чтение «Манифеста Коммунистической партии», текст которого с предисловием Лабриолы у нас был в издании «Новой экономической библиотеки». Конечно, в палатах у нас не было спящего общей жизнью «коллектива», как в камере, но тем не менее мы ощущали свою связь с партией и с нашей организацией. Используя различные каналы, мы всегда были в курсе того, о чем говорилось в камерах.

Тюремный режим был суровым и у нас: надзиратели, не обращая внимания на наши болезни, действовали с обычной тупостью, в обычной провокационной манере. Что касается меня, то, соблюдая все правила и сохраняя врожденное спокойствие, я все же часто протестовал, чтобы добиться уважения тех немногих прав, которые были нам предоставлены. В Фоссано с этим считались как с чем-то само собой разумеющимся. Здесь же, в Чивитавеккьи, в ответ на подобные действия градом сыпались рапорты и наказания, которые врач немедленно санкционировал. Более того, однажды сам хирург подверг меня наказанию за то, что я «отнесся к нему с недостаточным уважением».

К тяжело больным тоже не было снисхождения. Так, один из осужденных за шпионаж (возможно, несправедливо), сардинец по происхождению, человек раздражительный, несмотря на то что он страдал тяжелым заболеванием — абсцессом легких, был помещен в карцер. Вскоре после этого он умер.

От рака умирал товарищ Джузеппе Реджани, который, даже тяжело страдая, полностью сохранил ясность ума. Врачи и санитары очень скоро оставили

его на произвол судьбы, и мы ухаживали за ним, не в силах сделать что-либо. Время от времени мы жгли немного сахара, чтобы хоть как-то освежить воздух, которым было невозможно дышать. Когда мы поняли, что конец вот-вот наступит, я бросился к двери и стал стучать, вызывая надзирателя. Никто не ответил. Я застучал сильнее, и надзиратель наконец пришел. Я с возмущением потребовал, чтобы умирающему сделали хоть какой-нибудь укол, чтобы облегчить по крайней мере его моральное состояние. На другой день меня подвергли наказанию на том основании, что я-де настойчиво стучал в дверь.

Впрочем, я запомнил не только это наказание. Когда после смерти Риголетто Мартини у меня начались приступы, о которых я уже говорил, начальник тюрьмы настолько обеспокоился, что приказал направить моим родителям телеграмму следующего содержания: «Состояние вашего сына ухудшилось, врачи не ручаются за его жизнь. Немедленно приезжайте».

Можно себе представить, в каком настроении отец и мать помчались в Чивитавеккью. Я и сам не был до конца уверен, что выкарабкаюсь, и даже составил духовное завещание, которое, как мне сказали, с волнением читали товарищи в камерах. Узнав о телеграмме, я попросил позвать начальника и сказал ему примерно следующее: «Вы срочно вызвали моих родителей, и, может быть, я действительно умру. Я уже семь лет в тюрьме и не могу, как вы это обычно требуете, обратиться к родителям лишь с вопросом, хорошо ли они доехали, и потом посоветовать им ехать обратно домой. Я должен объяснить им по крайней мере, что умираю спокойно, рассказать об эволюции моих взглядов за эти годы, попытаться утешить их. Поэтому я прошу вас или лично присутствовать при нашем свидании, или распорядиться, чтобы нам дали возможность по-настоящему поговорить. Особенно прошу вас сделать так, чтобы при свидании не было вашего помощника Х., который уже написал однажды рапорт, ложно обвинив меня в том, будто я при свидании с сестрой жаловался ей на что-то».

В самом деле, во время предыдущего свидания я действительно частично нарушил строгое правило, предписывавшее при беседах с родственниками спрашивать лишь о том, здоровы ли домашние, а также

заверять их, что мы в тюрьме чувствуем себя прекрасно. Я же просил сестру, чтобы родители похлопотали еще раз о моем переводе в Пьянозу. Присутствовавший при этом помощник начальника тюрьмы прервал свидание и написал рапорт, в котором придумал массу фальшивых подробностей. И я был наказан.

После встречи со мной Дони не только не удовлетворил мою просьбу, но и направил на свидание вместе со своим помощником Х. еще и печально известного главного надзирателя Проьетти. Не обращая внимания на присутствие этих людей, я, лежа на своей койке, как официально признанный «тяжелейший больной», высказал все, что считал нужным, и мне, кажется, удалось несколько успокоить родителей. Разумеется, на меня был написан новый рапорт, так что два месяца спустя — как только я смог встать с постели и начал немного ходить, останавливаясь на каждом шагу, поскольку сердце явно сдавало, — меня наказали за слова; сказанные при свидании с отцом и матерью.

В подобных обстоятельствах заключенный, стремящийся выжить, должен был постоянно протестовать, писать заявления в министерство. По моему письму в «клинический центр» был направлен инспектор, однако ни к каким изменениям это не привело.

Режим в камерах «здоровых» был, разумеется, еще более жестким. Среди тех, кого особенно часто подвергали наказаниям, были Жанкарло Пайетта¹⁴, уже тогда известный своим острым языком, и Каччапуоти¹⁵.

На все это мы отвечали, стараясь, как могли, чтобы наши манифестации не вредили здоровью. Однажды мы решили в качестве протеста или не писать домой, или писать предельно кратко. Это был «легальный», но очень эффективный метод, поскольку в подобных случаях действовать начинали родственники, которые забрасывали письмами тюремные власти и министерство. Так и получилось. Мой отец написал тревожное письмо, на которое Дони был вынужден ответить:

«В связи с вашим беспокойством по поводу того, что последние письма, направленные вам, чрезвычайно кратки, могу сказать, что, вероятно, ваш сын избрал подобную тактику в качестве протеста против

того, что некоторые его письма были подвергнуты цензуре данным учреждением, поскольку в них он затрагивал вопросы, не связанные с семейными делами».

Когда Дони умер и на его место был назначен Карретта, дела наши пошли еще хуже. Менее способный к подобной работе, чем его предшественник, и к тому же, как говорили, менее чистоплотный, он перепоручил все дела пресловутому фашисту Пройетти, главному надзирателю.

В конце 1942 года я почувствовал, что силы мои на исходе. Из камер до нас доходили сведения о том, что заключенные подвергались суровым наказаниям за самые незначительные провинности. Так, Натולי¹⁶ был посажен в карцер на 10 дней лишь за то, что его застали, когда он давал товарищу несколько маслин из полученной от домашних посылки.

Я попросил о свидании с начальником тюрьмы и, когда мне это было разрешено, потребовал, чтобы мы говорили с глазу на глаз, то есть чтобы он удалил главного надзирателя и охранника, которые обычно присутствовали при подобных беседах. Когда мы остались одни, я позволил себе не только предостеречь Карретту, но и припугнуть его. «Задумайтесь над тем, что вы делаете,— сказал я.— Сегодня мы политические заключенные, но завтра мы станем политическими деятелями, к нам будут относиться как к жертвам фашистского режима; и мы призовем вас к ответственности за все надругательства. У вас один долг: следить, чтобы мы не сбежали, но вы не имеете права допускать, чтобы против нас устраивались провокации, чтобы нас притесняли, подвергали несправедливым наказаниям».

(Я и не предполагал тогда, насколько точным окажется мое предсказание. Карретта дорого заплатил за то, что был трусливым начальником тюрьмы, стремившимся угодить всем властям, которые, к его несчастью, менялись слишком часто: его подвергли страшному линчеванию *.)

* 19 сентября 1944 года во время суда над бывшим начальником римской полиции Карузо одна из женщин узнала среди присутствовавших в зале Карретту и обвинила его как непосредственного виновника гибели своего сына. Толпа выволокла Карретту на улицу и бросила в Тибр. После этого его труп был повешен на ограде «Реджины Чели».

Выслушав меня, Карретта, как и все посредственные чиновники, стал оправдываться ссылкой на специальные распоряжения министерства, касающиеся в особенности некоторых заключенных, распоряжения, которые он-де стремился даже смягчить.

О предпринятом мной демарше я сообщил в камеры, но опять-таки ничего не изменилось.

Карретте не повезло: отделавшись от «политических» Чивитавеккьи после бомбежек в мае 1943 года, он был переведен в Рим. В своей чиновничьей близорукости он, возможно, воспринял это как повышение. Несмотря на всю свою увертливость (в августе 1944 года в освобожденном Риме он говорил мне, что очень изменился и даже помог в организации бегства Сарагата из «Реджины Чели»), он не сумел попасть в ногу со временем. Для того чтобы плыть по бурному морю, необходимо уметь видеть дальше своей лодки и иметь смелость.

ТОВАРИЩИ, КОТОРЫХ УЖЕ НЕТ

В «клиническом центре» смерть чувствовала себя, как дома, настолько, что уже не внушала нам страха. Лицо товарища, искаженное муками агонии, расправлялось, становилось безмятежным. Губы не кричали больше о страдании, а глаза, закрытые в вечном сне, внушали чувство покоя. Те, кто оставался в живых, думали об уходе из жизни спокойно, воспринимая его как необходимый момент существования. Не знаю, что это было — проявление ли мужества или же понимание и принятие законов бытия и небытия.

Первым среди товарищей, умерших на моих глазах, стал Джузеппе Реджани. Это случилось 5 марта 1940 года. Он был рабочим, кажется каменщиком (в делах Особого трибунала его именовали «батраком»). Правящий класс капиталистической Италии считал, что, изгоняя подобных людей на задворки общества, где в каждодневной борьбе за хлеб насущный они превращаются в пленников самых элементарных жизненных потребностей, он может сломить их и закрыть им возможность подняться к более высокому общественному положению.

Однако Джузеппе Реджани был настоящим человеком, способным на такую нежную привязанность,

что сумел написать стихи в честь семилетия своего сына, и в то же время настолько сильным в борьбе и проникшимся в рядах партии таким сознательным мужеством; что умер он поистине как герой.

Почувствовав, что конец близок, он подозвал товарищей и продиктовал мне очень взволновавшее нас всех духовное завещание. Хотя я и не помню его слово в слово, но смысл могу передать и сейчас: Реджани благодарил партию за то, что она призвала его к борьбе и объяснила ее цели. Он был горд тем, что пожертвовал своей жизнью ради их достижения. Он умирал с мыслью о тысячах товарищей, которые борются и жертвуют собою во всем мире. Он был уверен в победе пролетариата, коммунизма, и это позволяло ему умереть спокойно.

Один экземпляр завещания мы передали в камеры, а оригинал замуровали в туалете «клинического центра», где находились сами. Во время бомбежек Чивитавеккьи эта часть здания была, к сожалению, разрушена; и когда я вернулся туда в 1944 году, то не смог найти и следов этого документа. Но память о коммунисте Джузеппе Реджани в сердцах тех, кто знал его, не потускнела от этого.

Рабочий-механик Клаудио Педрацца также расстался с жизнью в тюрьме Чивитавеккьи. Его смерть была для нас особенно тяжелой, потому что произошла только из-за отсутствия своевременной медицинской помощи. Он умер в январе 1941 года, вскоре после помещения в «клинический центр». Помню, он рассказывал нам о своей сестре, к которой был особенно привязан, о ее тяжелой нищенской доле работницы, жившей в Венецианской области среди людей отсталых, проникнутых духом конформизма и практически ни у кого не находившей понимания. Тем более достоин уважения сам Педрацца, который в этих условиях встал на путь открытого протеста, пошел навстречу борьбе и суровому приговору. Зачерстев душой в результате многих лет тюремного заключения, вследствие того, что в «клиническом центре» мы видели человеческие страдания каждодневно, мы лишь в последний момент поняли, сколь серьезной была его болезнь, и не сразу осознали величие этого человека. Когда его, уже агонизирующего, унесли от нас, мы прямо-таки терзались сознанием того, что так неспра-

ведливо оборвалась молодая жизнь, что мы недостаточно выразили ему нашу симпатию, которая могла бы утешить и поддержать его. Очень грустно было думать и о его сестре, которой отныне суждено в одиночку бороться с лишениями жизни.

Риголетто Мартини был человеком иного масштаба, и его осознанный героизм мы считали вполне естественным. Родом из крестьян, он как коммунистический руководитель был закален долгими годами борьбы на ответственных постах. По нашим представлениям, он мог быть только таким, каким и был в действительности.

В «клинический центр» он прибыл уже в тяжелом состоянии, причем прекрасно понимал это. Болеет он, по-видимому, или острым милиарным туберкулезом, или тифом и прожил всего три недели.

В момент гитлеровской агрессии против СССР он по поручению партии находился в Югославии. Все коммунисты, в том числе и те, кто не имел контактов со своей организацией, восприняли речь Сталина как руководство к действию. И Риголетто Мартини, не колеблясь, тут же решил нелегально вернуться в Италию. Для этого ему пришлось пробираться по бездорожью, пить воду из грязных луж (в этом он видел причину своего заболевания), но в конце концов его все же настигли и арестовали фашисты. Он не дал никаких показаний, но, поскольку его имя было известно, Особый трибунал приговорил его к 25 годам заключения.

В «клинический центр» он принес свежие новости, проинформировал нас о развитии антифашистской борьбы, рассказал о том, как попал сюда.

Он обладал практическим умом крестьянина. И во время дискуссий я всегда соглашался с ним, выступая против догматических или наивно-моралистских позиций других товарищей (тогда нас было всего четверо).

Мы не предполагали, что болезнь его неизлечима, однако, когда его состояние вскоре резко ухудшилось, он подозвал меня к себе и сообщил ряд секретных сведений, которые я должен был передать партийным активистам в камерах. Он попросил меня также быть при нем до самого конца, чтобы не дать ему сказать в бреду что-нибудь такое, что должна была знать лишь пар-

тия в лице своих руководящих органов. Он умер, как и жил, настоящим коммунистом. Эта смерть еще более укрепила в наших представлениях созданный нами, молодыми, возвышенный образ коммуниста-руководителя.

Не менее жестокой была и кончина Дерно Варо, жестокой потому, что и его, будь он на свободе, наверняка удалось бы спасти. Умирая, он доказал твердость своих коммунистических убеждений и сожалел только о том, что вызывал критику товарищей по своему адресу. Мне, ухаживавшему за ним, Варо дал еще один пример спокойствия и силы, показывающий, что для коммуниста страшнее смерти угроза потерять уважение товарищей, доверие партии и чистую совесть.

Особое возмущение вызвала у нас смерть Шеволы Ричепути, молодого товарища из Чезены. Причиной ее почти наверняка были побои и издевательства, которым его подвергли в момент ареста, а затем и в Чивитавеккьи. Говорили, что у него тромбоз. Агония длилась несколько дней. И мы наблюдали за ней, беспомощные и молчаливые. Матери разрешили попрощаться с ним. Всех больных из нашей палаты отправили наружу, и лишь я и еще один товарищ остались, так как не могли в тот момент выходить. Мать обращалась к сыну на диалекте, произнося самые ласковые слова. Но надзиратели и тут осмелились вмешаться, потребовав, чтобы несчастная женщина говорила «по-итальянски», иначе они-де не могут понять, о чем идет речь...

Еще я хотел бы вспомнить Ромоло ди Джованнантино, которого перед смертью отправили в Пьянозу. Он рассказывал нам о борьбе в США, в которой сам принимал активное участие, об острых вооруженных столкновениях с частной охраной предприятий и со штрейкбрехерами. Ромоло говорил нам также о своих нелегальных поездках в Италию по поручению партии, об аресте, допросах, побоях, полученных от полицейских, которые метили все время в голову этому упрямцу южанину, не желавшему говорить. В результате всего этого он заболел тяжелой формой диабета. Болезнь разрушала его организм, вызывая неутолимый голод, который влиял на его характер, заставлял отказываться от диеты (лечение инсулином, которое давалось ему нерегулярно и *за его счет*, не было доста-

точным), однако при этом в нем ни на минуту не поколебалась вера в партию, в победу пролетариата. Его отправили в Пьянозу в крайне тяжелом состоянии — явно лишь с той целью, чтобы не удлинять и так уже огромный список заключенных, окончивших жизнь в Чивитавеккьи.

Я вспоминаю и других моих товарищей по несчастью, которые не были коммунистами и «политически», но сумели достойно встретить конец. Все они тоже кое-чему нас научили.

Не могу не назвать в связи с этим двух имен: Джузеппе Кьябрандо и Итало Коронео, за которыми я ухаживал с поистине братским чувством. Кьябрандо был рабочим, которого французская разведка завлекла в свои сети и использовала так же, как и многих других наивных и неудачливых тружеников. Он страдал язвой и хотел, чтобы его прооперировали, несмотря на то что мы, учитывая тюремные условия, не советовали ему этого делать. Живя в лазарете вместе с политическими заключенными, он понял, сколь пустой была его прежняя жизнь, и стремился сблизиться с нами, хотя и считал себя недостойным нашего доверия из-за своего прошлого. Перед операцией он попросил меня подойти поближе и рассказал о своей жизни и о том, почему он прожил ее неправильно. Если ему суждено умереть, сказал он (а так оно и случилось), то чувствовал бы себя спокойнее, зная, что заслужил наше уважение.

Несчастный Кьябрандо поведал мне о нищенских условиях, в которых он жил с самого рождения, о том, как стал учиться ремеслу столяра, как совершил первые нечестные поступки и первую кражу. В тюрьме, куда он попал еще несовершеннолетним, его поместили вместе с закоренелыми преступниками, хвалившимися своими «делами» и дававшими советы и инструкции новичкам. Такова система, которую буржуазия применяет в тюрьмах, чтобы направить в иное русло протест пролетариев, используя в этих целях инстинктивное чувство восхищения, с каким молодежь относится к людям твердым и ловким. Крупный грабитель, профессиональный вор превращаются в глазах таких юношей в героев, бросивших вызов обществу. Подобным образом молодых заключенных преднамеренно подталкивают к такому выбору, который отторгает их от цивилизованного общества и превращает в «хрониче-

ских преступников». Это неизбежный результат классовой системы наказания, тюремного регламента, основанного на принципе «репрессивного» наказания.

Кьябрандо сожалел о своем прошлом, в том числе и о том, что поддался на посулы французской разведки (впрочем, ничего серьезного по части шпионажа он не совершил), спрашивая, сможет ли он еще переделать свою жизнь, если выздоровеет, а если умрет, то отнесемся ли мы к нему с пониманием и уважением. Наше уважение он полностью заслужил.

В отличие от Кьябрандо, Коронео был выходцем из «приличной» сардинской семьи, человеком с трудным характером и к тому же националистом в худшем смысле этого слова. В войне он участвовал в чине офицера и был награжден серебряной медалью за доблесть. С пленными, по его словам, он особенно не церемонился. Впрочем, может, он и преувеличивал.

Споря с ним, мы часто ссорились, но все же это была личность. К нам он относился с восхищением и в спорах с другими заключенными, осужденными за шпионаж, которых он презирал, всегда принимал нашу сторону. Себя он считал невиновным. И я знаю, что его семья потребовала пересмотра дела, хотя реабилитировать его память ей так и не удалось.

У него был абсцесс легкого — страшная болезнь. Он знал, что обречен на медленную смерть, но сумел встретить ее стойчески, с большим достоинством...

Если кто-нибудь из нас когда-то и боялся смерти, то этот страх в тюремных условиях исчезал: ведь в некоторых случаях она означала лишь избавление от всех мук. Понимание этого давало нам новые силы в борьбе, делало нас людьми все более свободными.

СУРОВЫЕ ГОДЫ

В «клиническом центре», как и во всей нашей жизни в тюрьме, постоянно ощущалось присутствие партии. Без организации, без единства во взглядах, в образе мышления, в целях победа невозможна. Ощущение своей принадлежности к партии помогало лучше понять события, сохранить веру в поступательный ход истории, стойко переносить временные поражения.

А таких поражений, и очень серьезных, нам пришлось пережить немало. Это были годы гражданской войны в Испании, мюнхенского сговора, оккупации Франции. В такой обстановке сохранить спокойствие было нелегко.

Общие цели мне были ясны. Экономическую необходимость социалистической революции для уничтожения корней фашизма я осознал еще раньше. Мои научные занятия, наблюдаемый мною кризис буржуазно-демократических режимов и социал-демократического реформизма, изучение трудов Маркса и Ленина — все это убедило меня в том, что фашизм (вопреки утверждениям последователей Кроче) не был каким-то исключительным и неожиданным явлением и не мог быть объявлен лишь как захват власти группой авантюристов в условиях морального кризиса, охватившего страну в послевоенный период. Нет, фашизм был порождением наиболее консервативных кругов аграрного и монополистического капитала Италии, который в силу исторических и экономических причин оказался неспособным править страной, не прибегая к диктаторским методам, к насилию и репрессиям. И дело было не только в традиционной консервативной близорукости итальянской буржуазии, ибо фашизм распространялся все шире и угрожал всему миру, являясь следствием кризиса всей мировой капиталистической системы.

Для того чтобы свергнуть фашизм и навсегда уничтожить его корни, необходимо было, следовательно, разрушить политическую, экономическую, общественную власть монополистического и аграрного капитала, осуществить глубокие демократические реформы, затрагивающие самую структуру итальянского общества, и в конце концов установить социалистический общественный строй. В противном случае поросль фашистской заразы вновь бы нашла благодатную почву для произрастания.

И задачу эту, как учил Маркс, не может выполнить ни мелкая, ни средняя, ни крупная буржуазия, пусть даже просвещенная. Это по плечу лишь пролетариату.

То, что для руководства борьбой необходима партия, я осознал давно, однако мой злополучный опыт пребывания в социалистической партии показал мне, какая идейная путаница и организационная беспомощ-

ность царили в ее рядах в результате буржуазного влияния.

Что же касается компартии, то я знал лишь легенды о ней — и такие, которые рисовали ее в героическом свете, и такие, которые всячески чернили ее. VII конгресс Коминтерна указал такую линию борьбы с фашизмом, которая казалась мне правильной. Однако, будучи интеллигентом, я питал некоторое предубеждение против ИКП, которая нередко изображалась как партия замкнутая, проникнутая духом сектантства, враждебная свободе.

В тюрьме, однако, я понял, что дела обстоят совсем иначе, что коммунисты являются носителями высокой политической и человеческой морали, которая объединяет всех нас как товарищей, как братьев. Члены ИКП не были «красными фашистами», как их называли некоторые противники. Не были ими Минию и Лерис, первые встреченные мной коммунисты, еще меньше это определение подходило к товарищам, с которыми я познакомился позднее.

С ними можно было свободно спорить обо всем. Доказывая постоянно и во всех обстоятельствах свою абсолютную верность партии, эти люди тем не менее вовсе не выказывали склонности догматически воспринимать все факты, с которыми нам, живущим в условиях фашизма, приходилось сталкиваться.

Все вместе мы путем дискуссии пытались уяснить себе происходящее с исторической точки зрения. И когда я вступал в жаркие споры с товарищами, которых не считал марксистами по причине свойственного им примитивного, сходного с анархистским склада мышления, большинство остальных принимало мою сторону, хотя я был «интеллигентом», пришедшим в тюрьму «беспартийным», и ко мне могли бы относиться с недоверием.

С другой стороны, если рабочие и крестьяне не изучали историю в школе, то это отнюдь не означало, что они не в состоянии вести политическую дискуссию. Когда они говорили так, как им подсказывало их классовое чутье, и при этом следовали общим установкам партии, то находили верное толкование событий прошлого и настоящего, давая этим урок многим интеллигентам, которых дезориентировала псевдокультура буржуазного толка. Партия выступала, таким обра-

зом, не только как необходимый инструмент борьбы, но и как «коллективный интеллигент», мощный голос всего рабочего класса, как сила, которая не только объясняет, но и творит историю.

Иногда по каким-то мелким вопросам, по частности я, возможно, и не был согласен с партийными установками, однако в общем и целом считал эту политику верной и всегда мог сказать: да, это моя партия!

Я сразу же сказал это в Фоссано, когда в марте 1936 года меня приняли в «коллектив». «Тройка» проявила осторожность, заявив, что в заключении нельзя официально принимать в партию. И потом, если бы и я тоже вступил в ИКП, то что бы осталось в тюрьме от «народного фронта»?

Мы пытались понять происходящие события, их взаимосвязь, с тем чтобы заглянуть в будущее. Газеты были запрещены, однако новости тем или иным путем проникали в тюрьму. Кроме того, мне необычайно повезло, и это даже вызвало зависть товарищей: не помню уж как, но мне пришла в голову мысль попросить у тюремных властей разрешения подписаться на выходящую в Больцано газету «Альпенцайтунг»* и на «Дас Рейх» — издание Геббельса. К моему удивлению, отказа я не получил — вероятно, сыграл свою роль тот факт, что газеты были на немецком языке, а фашисты уже тогда начинали прислужничать перед своим могущественным германским союзником. Таким образом, мне представилась возможность ежедневно следить за международными событиями. И когда происходило что-нибудь особенно важное, я предупреждал товарищей в камерах и пытался каким-либо способом передать им газету. Мы научились читать между строк, вскрывать едва зарождающиеся противоречия и разбираться в том, что лишь подготавливалось и намечалось. : :

Передавать наши оценки, наше истолкование событий и наши прогнозы за пределы тюрьмы было нелегко, поскольку письма подвергались все более жесткой цензуре. Однако главное — нашу веру в победу

* «Альпенцайтунг» («Альпийская газета») — газета на немецком языке, распространявшаяся в области Трентино-Альто-Адидже, для значительной части населения которой этот язык был родным.

даже в наиболее сложные политические моменты, наш твердый дух — эти письма передавали достаточно ясно.

В 1937—1938 годах радость постоянно чередовалась у нас с горем. Героизм борцов-антифашистов в Испании восхищал нас, но проявлявшиеся в их среде незрелость и внутренние противоречия настраивали нас на пессимистический лад: для нас было очевидным предательство, соглашательство с фашизмом буржуазии «демократических стран», фальшивый характер их политики «невмешательства», если итальянские и немецкие фашисты смогли вторгнуться в Испанию и превратить ее в испытательный полигон для подготовки к будущей мировой войне. Единственная надежда была на то, что республиканцы продержатся до начала войны, которую все уже считали неизбежной.

Колесо истории между тем вращалось все быстрее. И, находясь в тюрьме, постоянно размышляя, мы постигали некоторые вещи глубже, чем те, кто оставался на свободе. После оккупации нацистами Чехословакии я писал отцу: «Не падайте духом! Я имею в виду не то, что прямо сегодня могут последовать немедленные изменения или неведомо какие великодушные жесты, а то, что все неизбежно разрешится в будущем».

Чтобы пояснить, какое развитие событий я имею в виду, я прибег к анекдотической истории, которую, дабы не слишком раскрывать ее смысл для тюремного начальства, решил изложить в двух письмах. Выглядела она так:

«Как-то на рынке Макиавелли¹⁷ поспорил с одним торговцем. И тот, придя в ярость, дал писателю пощечину. Будучи человеком спокойным, отнюдь не похожим на Ричарда Львиное Сердце, Макиавелли отправился домой, переживая обиду про себя. Там он позвал своего слугу и, рассказав ему о случившемся, приказал: «Возьми двух хороших кур и отнеси их на рынок. Скажи этому торговцу: кур тебе посылает тот, кому ты дал пощечину».

Слуга удивился: «Да как же так, вы хотите сделать подарок своему обидчику?» — «Слушай меня и делай, как я сказал!» — ответил Макиавелли. Так и было сделано.

Торговец, получив кур, воскликнул: «О люди! Вы посмотрите, какой прекрасный заработок дают пощечины!..» И люди сбежались смотреть...

Прошло время, и вот в один прекрасный день слуга говорит Макиавелли: «А знаете, что случилось с тем торговцем, который дал вам пощечину и которому вы подарили кур? Его зарезали».

«Вот видишь,— сказал Макиавелли.— Этот человек решил, что все люди похожи на меня и в ответ на пощечины будут неизменно дарить ему кур»...»

Конец августа 1939 года ознаменовался подписанием советско-германского пакта о ненападении.

Мюнхенский сговор, капитуляция буржуазно-демократических режимов Запада перед лицом фашизма были болезненно пережиты нами, но нас ободряла твердая политика СССР. После оккупации Чехословакии Гитлером мы вновь стали надеяться на создание антигитлеровской коалиции, которая остановила бы нацистскую экспансию и в случае войны привела бы к победе антифашистских сил. Сейчас же положение менялось.

По этому вопросу в камерах шли дискуссии и высказывались разные суждения. В частности, я, получив возможность следить за ходом переговоров по немецким газетам, знал о препятствиях, которые чинили созданию антифашистской коалиции Великобритания Чемберлена и Франция Даладьё, о неприглядной позиции маршальской Польши¹⁸.

Поэтому, когда советско-германский пакт был подписан, то я, хотя и огорчился, тем не менее был уверен, что Советский Союз поступил правильно. Этот пакт о ненападении был продиктован необходимостью.

Сейчас, когда опубликованы многочисленные архивные документы, которые показывают, сколько усилий приложили западные державы, стремясь изолировать СССР, справедливость подобной оценки подтвердилась. Но тогда среди нас было немало споров по этому поводу.

Я был настолько убежден в своей правоте, что решил заявить открыто о своей позиции, считая своим долгом принять участие в очень жаркой дискуссии, разгоревшейся в камерах. Тогда же я написал по-немецки письмо, в котором сообщал всем, что с данного

момента более чем когда-либо считаю себя коммунистом, и просил партию официально принять меня в свои ряды.

* * *

И вот началась война, которую все предвидели. Для нас она означала новое ухудшение питания и условий жизни. Ко всему прочему затемнения вынуждали нас постоянно завешивать окна, что в условиях лазарета было особенно мучительно.

Быстрая победа Гитлера в Польше не удивила нас: это следовало предвидеть. Зато болью в сердце отзывалось падение Франции, которого мы отнюдь не ожидали так скоро. Это был тяжелый удар, потому что отныне, казалось, ничто уже не сможет остановить продвижение нацизма к победе.

Агрессия Германии против СССР вселила в нас уверенность, что ход истории ускорился и что нацизм будет разбит окончательно. Эта уверенность была настолько глубокой, что даже первые победы гитлеровцев, о которых надзиратели с удовольствием сообщали нам, не поколебали ее, хотя и были восприняты нами с глубокой болью.

...«1943 — последний год!» Я написал эти слова мелом на полу террасы, куда нас выводили гулять. К этому времени и надзиратели стали закрывать глаза на подобные вещи и утратили всю свою самоуверенность.

«Можно надеяться, — писал я родителям 3 мая, в годовщину их свадьбы, — что следующую годовщину мы встретим уже вместе. Раньше такая надежда была бы иллюзорной, сейчас же — нет!»

Тюремная охрана день ото дня становилась все более мрачной: надзиратели страдали от роста дороговизны, боялись бомбежек. Они стали прислушиваться к нашим разговорам: а может, правы эти политические, которые в годы побед фашистов говорили: хорошо смеется тот, кто смеется последним!

Первая бомбежка была 14 мая и принесла страшные разрушения. Бомбы поразили корабли на рейде и жилые дома, было много убитых и раненых, в том числе и несколько надзирателей, живших в городе.

В тюрьме, находившейся в непосредственной близости от порта, мы слышали, как вокруг нас свистят и

рвутся бомбы. В «клиническом центре», расположившись вдоль стен в ожидании конца бомбежки, мы, с одной стороны, терзались страхом, боясь погибнуть, как мыши, с другой — надеялись, что нам удастся бежать в случае разрушения тюрьмы.

Впрочем, массового побега боялись и тюремные власти. И эти опасения были вполне обоснованными. В самом деле, в одну из последующих бомбежек, когда в тюрьму попала бомба, многие уголовники сумели бежать. К тому времени, однако, нас, политических, уже не было в Чивитавеккьи: одних перевели в Сульмону, других — в Терамо, а меня и еще нескольких товарищей — в Сан-Джиминьяно.

Так закончилось мое пребывание в Чивитавеккьи. В общем-то я жил: читал, занимался, писал, много размышлял. В тетрадях, которые я вел в тюрьме, я пытался фиксировать то, о чем думал. Большого значения эти записи не имели: так, кое-какие мысли, философские рассуждения (к примеру, на тему: «Может ли существовать «общечеловеческая» мораль, более емкая и более широкая, чем классовая мораль, связанная с определенным общественным базисом»), а также некоторые заметки на экономические темы. В этой области, которая является моей специальностью, я развернул критику упрощенного изложения принципов марксистской политической экономии (аналогичную той, которая, как я узнал после Освобождения, уже была осуществлена Грамши). Кроме того, я разработал основу курса лекций по политической экономии, которую позднее использовал и в университетских занятиях, и в своем учебнике.

В САН-ДЖИМИНЬЯНО

18 мая 1943 года пассажиры, ожидавшие поездов на вокзале Чивитавеккьи, не могли не заметить, что карабинеры грузят в полицейские вагоны человек шестьдесят заключенных, одетых в полосатую робу. Поначалу люди глядели на нас с подозрением, но когда мы начали кричать: «Мы политические, мы антифашисты, мы коммунисты!», отношение толпы тут же изменилось. Многие старались открыто выразить нам свою солидарность, и карабинеры не вмешивались.

Развал режима ощущался повсеместно, а еще более очевиден был страх, испытываемый фашистами.

В Гроссето нас застала воздушная тревога. Сопровождавшие заключенных карабинеры, а также тюремные стражники немедленно сбежали в бомбоубежище, оставив нас на путях в запертых вагонах. Мы тут же все вместе принялись громко стучать по стенам вагона. Охране пришлось вернуться и выпустить нас на глазах всех пассажиров. Поскольку людям было известно, что везут «политических», мы пошли в укрытие с преувеличенным спокойствием. Это вызвало восхищение и симпатию всех окружающих, в то время как карабинеры говорили: «Да они только прикидываются смелыми».

Воздушные тревоги, длительные остановки — так мы добрались наконец до Сан-Джиминьяно, где я был зарегистрирован под «номером 4904».

Тюрьма в этом городке занимает здание бывшего монастыря. Будучи меньше, чем в Чивитавеккьи, она хуже по условиям размещения. Вместо больших камер мы получили тесные и душные помещения на трех человек, с маленькими окнами, прикрытыми козырьками. В качестве компенсации за это нам предоставили двухчасовые прогулки. Тюрьма предназначалась только для здоровых заключенных.

Я оказался в компании миланца Джованнарди и Панкальди, который был выходцем из Болоньи. Во время прогулок я наконец-то оказался исключительно среди товарищей.

Режим, как и везде, был суровым (стиль руководства Дони был перенесен в Сан-Джиминьяно начальником Маттано, который до этого работал в Чивитавеккьи). И все же в воздухе уже ощущалось приближение развязки. Мы были убеждены, что речь идет лишь о нескольких месяцах. Я в качестве больного, подверженного сердечным приступам, пользовался лечебным питанием, и вечером меня помещали в небольшую отдельную камеру, окна которой были зарешечены, но не закрывались железным козырьком, поэтому в ней было больше воздуха. Кроме того, я получил возможность любоваться прекрасным пейзажем.

Тюремное начальство и надзиратели, не доходя до провокаций, каким мы подвергались в Чивитавеккьи, старались тем не менее, правда безуспешно, показать

свою силу. Во время прогулок мы свободно обсуждали с товарищами происходящие события, которые со все большей очевидностью развивались в благоприятную для нас сторону. По вечерам из своей камеры мне удавалось связаться и с другими антифашистами. Среди них было несколько совсем молодых людей, веселых и симпатичных, в основном из университета Феррары, называвших себя либералами. Кроме того, здесь же находилась группа греческих антифашистов. История этих последних являла собой типичный пример того, как зверствовали фашисты.

В 1941 году англичане в течение трех дней занимали остров Кастельроссо из группы Додеканесских островов *, в связи с чем жители-греки устроили шумные манифестации: они собирались на митинги, жгли портреты дуче и короля, грабили итальянские военные склады, унося продовольствие и одежду. Как только англичане покинули остров, фашисты заставили жителей дорого заплатить за все это: множество людей было арестовано и приговорено к суровым наказаниям. При этом в расчет не принимался даже возраст. Может быть, нацисты повели бы себя еще хуже, но и итальянские фашисты в достаточной степени показали, на что они способны.

Среди других в Сан-Джиминьяно находился и грек Сотир Костантинидес с острова Сими, по профессии ловец губок. Он страдал сужением пищевода, причем в такой тяжелой степени, что вынужден был проглатывать литр воды, прежде чем начать есть твердую пищу. Это был абсолютно неграмотный человек, никогда в жизни не видевший велосипеда, хотя на своей лодке и доходил порой до самого Пирея. Случайно оказавшись в Кастельроссо в дни, когда там находились англичане, и приняв активное участие в манифестациях, он был схвачен затем фашистами и осужден вместе со всеми. Костантинидес немного говорил итальянски. Он рассказывал нам о тяжелой жизни ловцов губок, о нищете, царившей в его деревушке, о всевластии «паппас» **.

Письма, которые он получал из дому, были написаны писцом, поскольку и его родственники были негра-

* Южные Спорады.

** Паппас (отец) — священник.

мотны. Я читал ему их и таким образом выучил кое-что из современного греческого языка. Я купил греческую грамматику и стал учить Костантинидеса чтению и письму на его родном языке, с тем чтобы впоследствии он мог бы продолжить изучение самостоятельно.

Прошло немногим более месяца, и мой ученик смог сам вести свою корреспонденцию, а я очень скоро забыл все, что выучил.

С другими греками, а также со студентами из Феррары я имел лишь косвенные контакты. На прогулку же с нами ходил один голландский журналист, осужденный за «распространение лживых и тенденциозных сведений». Он написал в одной из корреспонденций, что государства «оси» проиграли войну.

О государственном перевороте 25 июля мы узнали от студентов, одному из которых это сообщение передал родственник: узнав о падении Муссолини, он тут же бросился в Сан-Джиминьяно.

Утром во время прогулки надзиратели вели себя очень вежливо, и мы заметили, что фашистские символы исчезли с их мундиров. Мы, несмотря на огромное волнение, на страстное желание узнать последние новости, решили еще раз продемонстрировать свою способность контролировать собственные чувства и в официальном порядке попросили встречи с начальником, от которого потребовали разрешения на получение газет, запрещенных до сих пор. В тот день мы их не получили, однако добились того, что нас проинформировали о последних событиях. Подобное поведение — а с таким же чувством ответственности встретили эти события, как я потом узнал, и политические заключенные других тюрем — вызвало восхищение наших надзирателей, которые опасались беспорядков и вспышек насилия с нашей стороны.

В те дни нас всех охватило нетерпение, возраставшее по мере того, как в тюрьму доходили все новые сообщения о резком подъеме антифашистской борьбы, росте требований о нашем освобождении. Кроме того, мы с беспокойством задавали себе вопрос: а что предпримут немцы? Никто из нас не строил иллюзий, что они спокойно покинут Италию. Поэтому я, как и другие заключенные, написал своим, чтобы они действовали более активно, добиваясь нашего освобождения

через газеты, путем создания различного рода комиссий, давления на правительство в Риме.

18 августа из Сан-Джиминьяно вышла первая группа политзаключенных. Меня, однако, не освободили сразу же: специальная комиссия, созданная при королевской прокуратуре Сиены, обратила внимание на особо тяжелый характер «преступления» Пезенти, в связи с чем затребовала инструкции из Рима. Объяснялась эта осторожность и тем, что незадолго до того министерство дало указание временно не освобождать тех, кто был осужден за «подрывную» пропаганду среди военных. Именно по этой причине в тюрьме и после 8 сентября оставался Джованнарди, в то время как Клаудио Чанка был освобожден уже 9-го.

Я вышел на свободу 4 сентября, хотя, как явствует из архивных документов, декрет был подписан королем лишь 6 сентября, а зарегистрирован соответствующим образом 20-го.

Прежде чем покинуть тюрьму, я обратился к начальнику со следующими словами: «Вы несете ответственность за судьбу всех политзаключенных, которые еще остаются здесь. Если вы потеряете связь с министерством, а немцы оккупируют эту зону, вам придется освободить их собственной властью, всех и немедленно. Запомните, что я от имени всех заключенных обязываю вас сделать это».

Несколько дней спустя немцы действительно заняли этот район, но им было не до заключенных. Их освободили партизаны, но это случилось уже 8 июня 1944 года.

За воротами тюрьмы меня ожидали родители и с ними небольшая группа антифашистов, которые встречали всех, кто покидал Сан-Джиминьяно. В Поджибонси товарищи даже попросили нас сделать остановку, где устроили нам очень теплый прием. Мы остались там на ночь, а также на следующий день, потому что мама вывихнула себе лодыжку. Поезда ходили плохо, и в Верону я приехал лишь ночью 6 сентября. Усталый, но свободный.

ЧАСТЬ III В СВОБОДНОЙ ИТАЛИИ

СЕНТЯБРЬ 1943 ГОДА

После стольких лет заключения женщины казались мне странными существами, очень сильно волновали дети. А впрочем, думать обо всем этом было некогда.

Я наконец спал в собственной постели. Было очень приятно оказаться вновь среди старых вещей, книг.

7 сентября я провел, возвращаясь к своему прошлому, к жизни. Здоровье не особенно радовало. Я думал отдохнуть два-три дня дома, а затем отправиться в Милан для установления контактов с партией. В первую очередь я хотел найти Пайетту, который, по моим сведениям, уже находился там.

Мое положение было особым: ведь меня, как коммуниста, знали только товарищи по тюрьме, и я был связан лишь с ними. Я даже не знал, что вокруг моего имени было столько шума. В Вероне знакомых коммунистов у меня не было, впрочем, и партийная организация здесь была малочисленной, если вообще существовала. Я убедился в этом, когда вечером седьмого начались визиты. Пришли друзья отца, несколько активистов Партии действия, кое-кто из социалистов, но ни одного коммуниста. Одним словом, стало ясно: немного отдохнув, надо двигаться в Милан.

Однако моим планам не суждено было сбыться. 8 сентября радио сообщило о перемирии. Я находился как раз дома и вышел посмотреть, что происходит. Люди выглядели довольными, но в то же время и озабоченными.

Нужно немедленно уезжать, сказал я родителям, я сейчас же отправляюсь в Милан. Находясь в Вероне, я понимал, что обстановка станет развиваться с необычайной быстротой. Было нелепо предполагать, что немцы оставят столь важный железнодорожный узел. Справившись с расписанием, я уже в 9 часов вечера

был на вокзале. По городу патрулировали немцы на мотоциклах, вылавливая офицеров в форме. Станция уже была занята, все поезда отменены. Я вернулся домой пешком. Улицы, время от времени прорезаемые светом фар немецких мотоциклов, производили гнетущее впечатление. Я не боялся за себя, справедливо полагая, что немцы в первую очередь займутся военными и лишь затем вспомнят о гражданских лицах, об антифашистах. Эти же последние здесь, в Вероне, к сожалению, спали. Впрочем, и сопротивление армии было минимальным. То там, то тут раздавались лишь отдельные выстрелы, ходили слухи об альпийских стрелках, не желавших сдаваться, но это были только слухи. Арена * быстро заполнялась арестованными — офицерами и унтер-офицерами, — в то время как солдаты покидали казармы и как можно скорее переодевались в штатское платье.

Домой я добрался поздно, после того как, желая выяснить обстановку, пробродил несколько часов по улицам. На рассвете я попытался связаться с теми антифашистами, которые за день до этого приходили навестить меня. Отправившись в дом одного из «руководителей» Партии действия и застав его еще в постели, я с возмущением спросил: «Да что же вы за Партия действия?» К сожалению, на его взгляд, сделать что-либо в тот момент в Вероне было нельзя.

Тем временем немцы прочно овладели городом, хотя хаоса было еще предостаточно.

Что делать? Из боязни, что за мной придут, как только квестура начнет действовать по приказам немцев, родные решили отправить меня в деревушку Медзане ди Сотто, в нескольких километрах от Вероны, откуда была родом моя невестка. Там я должен был ожидать своего брата Ренато, который, узнав о моем освобождении, попросил кратковременный отпуск из армии. Вместе мы должны были решить, что делать дальше. Невестка собиралась действовать в качестве связной: разъезжая на велосипеде, приносить мне сведения об обстановке в городе.

В Медзане трагические проявления распада армии также были налицо. Местное население помогало солдатам переодеться в гражданскую одежду, так как

* Арена — древнеримский амфитеатр в Вероне.

немцы начали карательные операции и в этом районе. Я подходил к группам таких беглецов, пытаясь убедить их в необходимости конкретных действий — остаться в этом районе, не бросать оружия. Однако, несмотря на их открытую ненависть к нацистам, действовать они не желали, охваченные единственным желанием: поскорее вернуться домой. Правда, многие из них говорили при этом, что позднее обязательно выступят против немцев.

Мне удалось собрать брошенное оружие и спрятать его в надежном месте: один местный богач, либерал и антифашист, некто Стеганьо, предложил использовать для этого его роскошную виллу, где, как он сказал, нашлось бы место и для меня.

Опять находиться взаперти после стольких лет заключения? Нет и еще раз нет! Я предпочел бы тут же отправиться в горы, хотя состояние здоровья в тот момент, похоже, и не позволяло этого. С другой стороны, можно было попытаться любым способом добраться до Милана и связаться с партией...

Приехал мой брат. Сообщение о перемирии застало его в поезде, где он был схвачен немцами и доставлен в Болонью. Однако ему удалось бежать. Мы обсудили ситуацию. Брат считал, что следует отправиться на Юг и пересечь линию фронта, чтобы сражаться против немцев. Я в конце концов согласился с ним, так как не был уверен в надежности имевшихся у меня миланских адресов.

Вечером, откупорив бутылки с отличным вином, мы отпраздновали встречу всей семьи, а рано утром вновь попрощались с родителями и направились в Верону. Невестка пожелала пойти с нами, считая, что присутствие в группе женщины может оказаться полезным.

Было 12 сентября. Город казался спокойным. По улицам ходили люди. Мы решили воспользоваться поездом, чтобы уехать насколько можно дальше. Конечно, это был рискованный, но зато наиболее удобный путь. Впрочем, квестура не могла реорганизоваться так быстро, и мы сочли практически невероятным, что в таком хаосе немцы и местные фашисты сразу же вспомнят о нас: Я, обритый наголо, мог сойти за обычного солдата-дезертира, мой брат же, носивший из-за близорукости очки с затемненными стек-

лами,— за белобилетника. И потом мы всегда помнили правило: чем больше ты маскируешься, тем больше подозрений можешь вызвать у противника.

На веронском вокзале царил полнейший беспорядок. Поездов было мало, и ходили они очень плохо, в то время как людей, желавших уехать, было весьма много. Немецкие патрули проверяли билетные кассы, железнодорожников, пассажиров, но сделать им удавалось немного: распознать в такой толпе офицеров в штатском или какого-нибудь бывшего политзаключенного было практически невозможно. Зато они набрасывались на своих пленных.

Недалеко от нас, на другом пути, стояли вагоны для скота, заполненные военнопленными, предназначенными для отправки в Германию. Вооруженные немецкие часовые никого не подпускали к вагонам, угрожая пленным, которые просили пить или же пытались передать в толпу записку. Какая-то женщина поднесла к вагону воды, но ее тотчас же отшвырнули обратно. Когда этому примеру последовали другие пассажиры, раздался выстрел: я видел, как одна женщина упала.

Наконец наш поезд двинулся. Прижатые друг к другу в вагоне третьего класса, мы буквально кипели от ярости, от собственного бессилия. Время от времени по вагону, силой прокладывая себе дорогу, проходил немецкий патруль, и всякий раз мы со страхом поглядывали друг на друга. Молодой парень, напуганный больше других, спрятался под скамьей за юбками сидевших крестьянок. Глупое поведение! Ведь если бы его нашли там, то этого было бы достаточно для ареста.

Много раз останавливаясь, мы лишь поздно вечером добрались до Болоньи. Поездов в сторону Адриатики до утра не было. Мы устроились в зале ожидания, все проходы которого были забиты людьми. В таких условиях немецким патрулям, как мы и надеялись, ничего не удавалось сделать. На рассвете мы поехали дальше.

На побережье обстановка была уже иной. К поездам подходили женщины и девушки, которые угощали беглых солдат фруктами и бутербродами. Немцев было мало. Таким образом, мы добрались до Пескары, а дальше пришлось идти уже пешком. Железно-

дорожная линия была прервана, а город в результате варварской бомбардировки превратился в сплошные развалины, покинутые людьми. Повсюду патрулировали немецкие наряды. День только начинался, и немцы явно не собирались заниматься огромной толпой мужчин, женщин, детей, скопившейся на выходах из городского центра.

Картина эта впечатляла, но не удручала. Смешавшись с жителями разрушенного города, которые с терпеливой покорностью людей, давно привыкших к лишениям, уходили в надежде найти убежище в близлежащих деревушках, шли и бывшие военные с Севера, которые возвращались к себе домой, шли и те, кто, как мы, искал новую базу для того, чтобы продолжать борьбу.

Поток людей, правда гораздо меньший первого, направлялся и к северу. Мы встретили одного знакомого из Леньяго и передали с ним записку моей сестре.

Может быть, люди еще не отдавали себе отчета в происходящей трагедии; во всяком случае, не было ощущения того, что они в панике или безропотно подчинились своей участи. Подавляющее большинство воспринимало происходящее как очередную неприятность, которую следовало преодолеть как можно скорее.

Стояла прекрасная погода, и в лучах сентябрьского солнца природа Аbruцци казалась особенно красивой.

Пешком мы дошли до Кьети и здесь после двух часов ожидания сели на пассажирский поезд до Авеццано. Мы выбрали этот маршрут, поскольку знали, что фронт на Адриатике был менее важным, чем тирренский, а потому его было легче пересечь. Кроме того, в Авеццано я надеялся разыскать некоторых своих товарищей по «клиническому центру», например Джулио Спаллоне¹ и других знакомых из Аbruцци, таких, как Амикони.

Вместе с братом и его женой мы приехали в Авеццано утром 15 сентября и тут же отправились домой к Амикони, которого, однако, не застали: он уже ушел в горы. В деревушке, где жил Спаллоне, та же история. Правда, мать Джулио дала нам перекусить и предложила отдохнуть. Но все же было заметно, что

она ждет не дождется, когда мы покинем ее дом. Впрочем, наши желания в данном случае совпадали.

Здесь мы встретились также с Видимари, Корби и другими товарищами, но и они посоветовали нам немедленно идти дальше. «Вы не местные,— сказали они,— так что будет лучше, если вы поскорее пересечете линию фронта».

Мы вместе обсудили обстановку, договорились об условных знаках и паролях на случай связи по радио и отправились в путь. Товарищи дали нам три велосипеда и указали дорогу.

Ехать в гору было очень трудно, и значительные участки пути нам пришлось проделать пешком. Зато на спусках мы прямо летели, быстро проезжали и плоские участки дороги. Настроение у меня было прекрасное: с каждым днем я ощущал, как мой организм набирается сил, как проходят все мои недомогания. Словом, я чувствовал себя лучше, чем если бы был в обычном отпуске.

Желая хоть чем-нибудь навредить немцам, мы меняли дорожные знаки. Первую ночь мы провели на полу в какой-то сторожке. В те дни никто не удивлялся, встречая на дорогах людей, подобных нам, никто не спрашивал документов. Кроме того, жители Абруцци вообще отличаются необыкновенным гостеприимством. У нас были и деньги — ведь мой брат имел при себе все свои сбережения (более 4 тысяч лир — изрядная сумма по тем временам!), однако никто из крестьян так и не спросил, можем мы заплатить или нет.

Так мы проехали несколько населенных пунктов, когда в районе Форли дель Саннио сломался один из велосипедов. Найти механика оказалось непросто. На наши вопросы кто-то сказал, что нужно поехать налево, в сторону деревни, где, возможно, нам и окажут помощь. Однако солнце стояло уже высоко, и мы чувствовали себя усталыми. По правую сторону дороги, в шестистах — семистах метрах, почти возле леса, мы заметили симпатичный крестьянский дом и подумали, что в случае появления немцев или фашистов мы из этого убежища сразу же заметим их и сможем вовремя скрыться в лесу.

Хозяева приняли нас хорошо и прекрасно устроили на ночлег. Семья Росси, которой принадлежал дом, была небольшой: старик, юноша по имени Альберто и

две женщины. С потолка, дразня аппетит, свисали окорока и колбасы, по двору бегали отличные куры — словом, там было все, чего только может пожелать душа. И оставлять все это немцам?! Здесь мы могли задержаться на день-другой. Ведь даже если бы мы и не пошли к фронту, он сам бы приблизился к нам.

Прошел день, прошел другой. Мы отъедались изумительными домашним сыром, ароматной ветчиной, прекрасно откормленными курами и кроликами. Нам было слишком хорошо, чтобы мы могли думать об отъезде. Мы уже считали себя местными жителями, подружились со всеми местными крестьянами, людьми великодушными, сердечными, уверенными в себе, которые не выдали бы нас ни за что на свете. Мы часто появлялись в деревне, и в той или иной степени все знали, кто мы такие. Моего брата узнал один из его бывших солдат, фашист. Однако, хотя он и знал о приказе Грациани², касающемся «дезертиров», ему и в голову не пришло пойти к властям. Что касается меня, то я даже занялся коммунистической пропагандой.

Мы помогали крестьянам на полевых работах, но предупреждали: «Смотрите, придут нацисты, все заберут». Поначалу они не верили нам, и наши слова убедили их лишь тогда, когда они увидели, как немцы гонят по дорогам награбленный скот и услышали об их зверствах в близлежащих деревнях. К нам стали прислушиваться.

Местное население было за «американцев»: у многих родственники жили в эмиграции в США и Аргентине, однако в силу их доброты и великодушия не чувствовалось антинемецких настроений. Они считали всех солдат беднягами, которым приходилось жить вдали от дома, подвергаясь постоянной опасности.

Мы на всякий случай оборудовали для наших хозяев в канаве, прикрытой ветками, подальше от дома потайной свинарник, а также сделали вторые стены, куда можно было спрятать наиболее ценные вещи и утварь. Наши советы оказались полезными: когда через деревню прошел фронт, немцы разграбили ее, и сохранилось лишь то, что было вовремя спрятано.

Линия фронта все приближалась. Частыми стали воздушные налеты, и как раз в нашем районе немцы установили множество зенитных батарей, разместили

воинские подразделения. Солдаты ходили и по домам, приставали к женщинам.

Обстановка становилась опасной и для нас, и для наших хозяев. Как только немцы приближались к дому, мы скрывались в лесу, но однажды нас застал дома какой-то фельдфебель. Мы повторили ему историю, которую рассказывали всем: бежали из Неаполя (к тому времени его уже освободили союзники). Однако фельдфебель — австриец со свирепым лицом — недвусмысленно показал, что не верит нам.

Чтобы обезопасить себя, мы решили построить на вершине холма, в двух-трех километрах от дома Росси, шалаш, куда перевели свинью и ослицу по кличке Розина. Это было прекрасное животное, и я часто брал ее, когда приходилось ехать куда-либо для связи. Покачиваясь в седле, я, пригретый солнцем, пел старую песенку этих мест, слова которой переделал на более подходящие к случаю: «Хоть и на ослице, но до мест свободных доберусь».

Шалаш, построенный по всем правилам искусства, которые я вынес из саперной школы, удался действительно на славу. В один прекрасный день, когда на очаге готовилось пойло для свиньи, а моя невестка помешивала его, вдруг с обыском появились два немца. Они захихикали, когда поняли, что еда готовится не для людей. Однако на этот раз крестьяне оказались правы: эти двое не были зловредными. Ефрейтор, родом из Берлина, наверняка не был нацистом. Я заговорил с ним, ругая войну, которая сначала заставила бежать от бомбежек, а теперь вот разоряет крестьян. Ему она тоже надоела. Он рассказал нам о Берлине, который постоянно бомбят и где осталась его семья. Затем он показал фотографии жены и детей.

Словом, на сей раз все обошлось благополучно.

— И все же оставаться здесь рискованно, — сказал мой брат, вернувшийся из поездки за продовольствием.

Следовало снова отправляться в путь. Правда, я решил идти дальше один, чтобы не компрометировать ни семью, приютившую нас, ни брата с невесткой. Со мной решил уйти также и один местный крестьянин, Джованни, в прошлом сержант, воевавший в Хорватии, человек отчаянной смелости. Для меня это была большая удача, поскольку в этом районе он знал каж-

дую тропинку, что было очень важно: ведь немецкие патрули попадались почти на каждом шагу. На открытом месте, увидев, что нас заметили, мы тут же принимали независимый вид, притворяясь, что вскапываем землю. В других случаях мы пристраивались к какой-нибудь девушке, с тем чтобы нас принимали за местных. В очках, обритый наголо, я, конечно, производил впечатление более чем странного крестьянина! Но на этом фронте немцы, по-видимому, не слишком усердствовали.

Однажды мы наткнулись прямо на патруль. Место было лесистое, и мы принялись бежать. Я отчетливо услышал, как один немец говорил другому: «Что будем делать? Они ведь смываются». — «Ну и пусть», — ответил второй. Выпустив вслед нам несколько пуль, они успокоились.

Окрестности Фрозолоне великолепны по своей красоте. Это уже высоко в горах, и, когда идешь по лугу, кажется, что ты в Швейцарии. Джованни оказался великолепным проводником, он знал прекрасно и места и людей. Мы разговаривали с крестьянами, ели вместе с ними баранину, сыр, хлеб.

На лесистой возвышенности мы встретили группу людей, разместившихся на скорую руку в шалашах пастухов или под навесами, сделанными из веток. Среди них были бывшие пленные из союзнических войск, в основном англичане и австралийцы, а также несколько итальянцев, которые, как и мы, пробирались в освобожденные районы. Так, мне запомнились капитан карабинеров Энрико Вольтерра, погибший впоследствии во время боев за освобождение Флоренции, и адвокат Нино Дзампини из Фрозолоне. Этот последний был поистине удивительным человеком: несмотря на свой преклонный возраст, он заминировал мост и теперь скрывался в горах, опасаясь немцев.

Фронт к этому времени стабилизировался в районе Биферно, и было известно, что немцы расстреляли немало людей, пытавшихся перейти на другую сторону. Стоило, следовательно, подождать, пока фронт вновь придет в движение.

Группа уже несколько дней находилась в этом месте, и необходимо было раздобыть пищу. Иностранцы, не знавшие итальянского языка, не могли двинуться куда бы то ни было, и это дело было поручено мне и

девятнадцатилетнему парню из Бергамо. Его звали Джулио Мойоли. Этот юноша не знал, что такое опасность: желая попасть к партизанам, он сделал вид, что вступил в части «Люфтваффе» *, и с подлинным пропуском отправился в горы.

Со мной он пошел с удовольствием. Я, прежде чем выйти на дорогу, осматривался, нет ли патрулей. Он же шагал, не обращая на них никакого внимания.

Крестьяне относились к нам прекрасно. После того как я рассказывал о бедолагах, скрывавшихся там, наверху, они, несмотря на всю скудость своих запасов, давали нам и хлеб и сыр. Зачастую они даже отказывались от тех немногих денег, которые я мог предложить.

Долго так продолжаться, разумеется, не могло. Нужно было что-то решать. Чтобы выбрать наиболее удачное место для перехода фронта, предстояло обследовать весь район, и однажды я занялся этим, направившись в сторону, куда летели бомбардировщики. Сам не заметив этого, я оказался в расположении крупного немецкого подразделения, устанавливавшего зенитные орудия. Бежать было бы глупо, и я решил, что самое лучшее — это заговорить с командиром.

Он был родом из Трира, и я со всей наглостью, на которую был способен, стал убеждать его в том, что нацизм — это зло. Мы, сказал я, всегда относились с симпатией к немецкому народу, но мы ненавидим фашизм и Гитлера. Если вы настоящие немцы и желаете спасти Германию, помешав ее разрушению и разделению, сделайте, как мы, итальянцы: сбрасывайте Гитлера и сдавайтесь.

Немец был ошеломлен, но все же заговорил со мной. Тем временем подошли солдаты, которые, выслушав меня, также не выразили своей враждебности. В этот момент над нашими головами, стреляя из пулеметов, пролетели несколько самолетов союзников. Немцы, перепуганные насмерть, бросились на землю. Я же, не имея никакого военного опыта, даже не отдал себе отчета в грозившей опасности и остался на ногах. Мое спокойствие придало большую убедительность

* «Люфтваффе» — военно-воздушные силы фашистской Германии.

моим словам. Тут все заметили, что на вершине ближайшего холма появилось несколько вооруженных охотничьими ружьями людей. Это были те самые бывшие пленные из числа союзников вместе с другими товарищами.

— Кто это? — забеспокоились немцы.

— Это пастухи, охраняющие свои стада, — сказал я. — Пойду поговорю с ними.

Расстояние между двумя группами было совсем небольшим, и немцы слышали, что я говорю по-английски. Возвратившись к ним, я сообщил:

— Вы окружены. Лучше сдавайтесь!

— Сдаться в плен мы можем только регулярным войскам, — возразил командир, — иначе в Германии, если мы вернемся туда, нас сочтут дезертирами.

— В новой Германии вас никто не будет считать дезертирами!

Но немец из Трира упорствовал. Он был согласен поговорить с нашим командиром, но хотел идти для этого в наш лагерь.

У нас не было командиров, и, забрав пистолет немца, я проводил его к полковнику Огилви, шотландцу, которому тот сказал, что не доверяет мне, поскольку я знаю слишком много языков. Это, наверное, еврей, заявил немец, а он согласен вести переговоры только с бывшими офицерами союзников.

Немцы решили дожидаться прихода регулярных частей. Мы же, плюнув на них, решили пересечь линию фронта двумя группами тем же вечером. В первую группу во главе со мной входили четыре или пять иностранцев, а также Дзампини и Мойоли. Она должна была покинуть лагерь, как только начнутся сумерки. Вторая группа, состоящая из четырех бывших пленных и двух-трех итальянцев, возглавляемая капитаном карабинеров, последует за нами с интервалом в полчаса.

Все прошло бы отлично, если б не упрямство одного австралийца. Дело в том, что он никогда не ел поленты, а мы ему не раз описывали ее в самых ярких красках. Проходя мимо какой-то хижины, мы почувствовали манящий запах горячей поленты и свежего сыра. Австралиец тут же уперся, заявив, что не двинется с места, пока не поест и того и другого. Убедить его было невозможно, а идти без него нам не хотелось.

Впрочем, мы и сами были не прочь отведать поленты... Словом, когда мы наконец двинулись в путь, вниз уже спускалась вторая группа, которая тут же наткнулась на немецкий патруль. Раздались выстрелы, и мы увидели, как наши друзья спешно уходят назад в горы.

Мы тоже рассеялись, но, находясь вне зоны огня, решили не бежать, а притаиться. Мойоли не захотел оставлять престарелого Дзампини одного, и их обоих немцы нашли в какой-то яме.

Дзампини, носивший очки, ловко вышел из положения, сказав, что он местный, но плохо видит, а поэтому домой его сопровождает племянник. Немцы отпустили их, и Мойоли вскоре вернулся за нами. Но всех собрать уже не удалось. Иностранцы где-то затерялись.

Это была удивительная ночь. Небо, освещаемое разрывами снарядов и мин, являло собой необыкновенное зрелище.

После нескольких часов пути мы на рассвете достигли позиций, занятых канадцами. Я представился. Предложенный мне горячий чай, какого я не пил уже многие годы, и несколько галет подкрепили меня, и я сказал, что готов отправиться назад, на поиски затерявшихся иностранцев, а также для того, чтобы взять в плен ожидавших регулярные войска немцев.

Группа канадцев, снаряженная вместе со мной, двигалась неохотно. Пройдя около двух километров, я показал им холм, где находилась наша база. Они сказали, что дальше пойдут сами.

— Ведь если мы наткнемся на немцев, то вас, как штатского, безусловно, расстреляют. Нас же в худшем случае они лишь возьмут в плен.

Я подумал, что, наверное, они мне не доверяют, и сказал:

— Хорошо. Я буду здесь.

Не прошло и получаса, как я увидел, что они возвращаются одни.

— А ваши товарищи? Ведь они ждут вас там?

— Подождут. Сейчас время обеда — таков был их ответ.

Тогда я еще не знал, как воевали союзнические армии!

...До Кампобассо было рукой подать, и мы где на грузовиках, где пешком отправились туда. Канадцы

возмущались: ну посмотрите на этих пьяниц-американцев — бомбят Бояно, который уже захвачен нами.

В Кампобассо меня подвергли еще одному, более длительному допросу. Вопросы касались как меня самого, так и тех немецких частей, которые я встречал на своем пути. Наконец я получил пропуск до Бари и был отпущен. И вот невероятная удача: на одной из улиц Кампобассо я натолкнулся на свою невестку. Вместе с моим братом она сумела перейти фронт раньше меня. Она осталась дожидаться моего прихода, а брат уже отправился в Бари.

Военный комендант был любезен, может быть даже слишком: он усадил нас вместе с солдатами и другими подобными нам итальянцами на грузовик, который, громяхая по разрушенным улицам, понесся с бешеной скоростью, чуть ли не сталкиваясь с длинными колоннами военных машин, направлявшихся в сторону фронта.

К вечеру мы прибыли в Бари, где нас высадили. Шел последний день октября 1943 года. Наконец-таки я был в «свободной Италии».

В «ЮЖНОМ КОРОЛЕВСТВЕ»

Я бы не утверждал, что она была свободной по-настоящему. В Фодже все еще командовал АМГОТ (Союзническая военная администрация на оккупированных территориях). В Бари начиналось «Южное королевство», которое на западе замыкалось калабрийскими провинциями. Нельзя было, конечно, считать, что это королевство было действительно свободным и независимым. Союзная контрольная комиссия (СКК) оказывала влияние на все решения, принимаемые на административном и политическом уровне итальянскими властями. И вряд ли можно упрекать их в этом. Ведь находившееся в Бриндизи правительство Бадольо³, которое подписало перемирие, сохранялось с единственной целью: гарантировать его реализацию. Вся государственная структура оставалась в своем прежнем виде, как при фашистах: те же люди занимали посты префектов, подеста*, те же фашистские ру-

* Подеста — чиновник, назначавшийся королем после ликвидации выборных органов местного самоуправления, глава городского управления или сельской общины.

ководители в различных секторах общественной жизни. Вновь вернувшиеся к жизни антифашистские партии занимались лишь болтовней, да и то поначалу с большой осторожностью. Самым серьезным преступлением и поныне считалось оскорбление «священной особы» фашистского короля и итальянских военных властей, которые после того, как немцы заняли страну, решились наконец обратиться к англо-американцам с просьбой считать Италию воюющей на стороне союзников и получили их согласие.

Обстановка не намного улучшилась и тогда, когда во второй половине октября союзники объявили частичную свободу печати и политических организаций.

Массы крестьян, батраки, немногочисленные здесь рабочие были подавлены голодом и дезориентированы. Почти каждая семья имела родственников, все еще остававшихся вдали от дома — в концлагерях союзников или нацистов.

У людей не было четкого политического понимания обстановки, и их растущее недовольство принимало уродливые, разрушительные формы. Мелкая буржуазия, которая в большинстве своем также страдала от голода, открывала для себя антифашистские партии, в которых видела новый путь для самоутверждения, и все чаще демонстрировала свою независимость по отношению к консервативным аграрным консорциумам*, издавна игравшим здесь руководящую роль. Однако речь шла пока еще лишь о мелких группах.

Помимо коренных жителей здесь было множество беженцев из других районов, солдаты и офицеры с Севера, которых задержало на Юге перемирие и последующие военные действия, бывшие узники фашистских лагерей, интернированные режимом в связи с принадлежностью к той или иной национальности, освобожденные политзаключенные, бывшие ссыльные и т. д. В этой разнородной массе не было, разумеется, и недостатка в авантюристах всех мастей, чья главная цель заключалась в том, чтобы выжить за счет этой бедной земли.

* Аграрные консорциумы — потребительские кооперативы, создававшиеся для централизованной закупки сельскохозяйственных машин, удобрений, семян и т. д. Находились под влиянием латифундистов и крупных монополий.

Такой была свободная зона, такова была политическая среда, в которой предстояло действовать, таков был человеческий материал, с которым нужно было работать. Учитывать все это в своей организующей деятельности была вынуждена и коммунистическая партия — партия, которая в данной ситуации уже не могла быть лишь партией кадров. Она должна была стать массовой партией, и необходимая бдительность не могла быть предлогом для проведения политики узкого сектантства. Следовало открыть двери организации всем трудящимся, поднять их на борьбу, воспитывать их в самом ходе этой борьбы. Что же касается неизбежного в таких условиях шлака, то мы были уверены, что он сгорит сам по себе.

...Грузовик союзников высадил нас на площади перед префектурой Бари. Одежда моя висела лохмотьями, ботинки почти развалились. Вероятно, полицейским было известно мое имя, поскольку в местном управлении общественной помощи я тут же получил костюм и раскладную кровать, а затем нас разместили в огромной квартире на втором этаже здания в центре города. На первом этаже помещался бар. И я спустился туда, чтобы выпить кофе. Меня сразу же окружили находившиеся там люди: кто я, откуда. Я представился: Пезенти, коммунист, пришел из-за линии фронта.

Ко мне подошел один флорентиец и, назвавшись Андреа Бигальи, сказал: «Я тоже коммунист, мой дом открыт для тебя и твоей невестки».

Вот оно, еще одно доказательство силы и влияния партии!

Товарищ Бигальи и его гостеприимная семья проявили по отношению к нам максимум великодушия: женщины кормили нас изумительными обедами и даже стирали наше белье. Мы привели с собой также князя Роспильози, обаятельного молодого человека, который был интернирован фашистами в лагере Винкьятуро за свои связи с англичанами. Его раскладушка стояла рядом с моей. Он также сильно обовшивел, и этой пакостью мы наделили всю семью Бигальи. Время от времени Роспильози украдкой чесался, и добряк Бигальи смеялся над этим: «Знаю, знаю, князь, в чем дело, но — молчок!»

Уже на следующее после прибытия в Бари утро я отправился в партийную организацию. И какая удача:

секретарем был Антонио Ди Донато, с которым я познакомился в Чивитавеккьи, когда отбывал в карцере очередное наказание.

«Ты прибыл как раз вовремя,— сказал Ди Донато.— Для контактов с союзниками нам очень нужны люди, знающие английский язык».

В ПВБ (Psychological Warfare Branch — Отдел психологической войны), учреждении, созданном союзниками для пропаганды и контроля над радио и печатью, в тот момент не было ни одного коммуниста, преобладало влияние Партии действия. Меня тут же приняли в ПВБ. С политической точки зрения это был очень важный факт: именно с этого момента начинаются мои контакты с союзниками, которые впоследствии я продолжал уже в качестве члена правительства, а затем и как организатор Экономического центра реконструкции.

На Адриатическом фронте находилась 8-я британская армия. И в Бари в основном весь персонал учреждений союзников состоял из англичан или выходцев из других районов Британской империи. Поскольку английская армия не имела кадров и военных традиций, свойственных тем странам, где служба в армии является обязательной, то кадровых офицеров было мало, в основном те, кто до этого служил в Индии и других колониях. Этих людей было легко распознать по их характеру — жесткому и неприступному. Они работали главным образом в военной полиции, службах безопасности, иногда комендантами. С ними приходилось постоянно ссориться, объясняя, что они уже не в колонии и вести себя им здесь следовало иначе. На основании собственного опыта могу сказать, что стоило, не оставаясь в долгу, проявить твердость и чувство собственного достоинства, как даже самые надменные англичане начинали относиться к вам с уважением и шли навстречу вашим просьбам. Впрочем, их подозрительность, а в некоторых случаях и презрение были понятны, если вспомнить о множестве авантюристов, прихлебателей и шпионов, которые, выразив готовность работать с союзниками, отыскивали падких на деньги военных и обделывали с ними темные делишки.

В ПВБ офицеры были гораздо интеллигентнее, они лучше понимали обстановку и разбирались, кто есть

-кто. В большинстве своем это были люди, которые в мирное время работали журналистами, специалистами в других областях. И почти у всех были антифашистские взгляды.

Руководил отделом полковник Мунро. Капитан Робертсон, в сектор которого меня направили, прекрасно говорил по-итальянски, любил нашу страну (уйдя из армии, он даже поселился на острове Эльба), был искренним антифашистом, точно так же как и Гринлизи, занимавшийся цензурой радио и печати. Хорошие отношения у меня установились и с другим цензором, канадцем, приехавшим позже, имени которого я не помню. Он был литератором и часто сожалел, что ему приходится заниматься цензурой. Когда я стал редактором партийного издания «Чивильта пролетариа» («Пролетарская цивилизация»), он ограничивался тем, что просил порой заменить лишь несколько слишком сильных слов, и, если заметка была хорошо написана, пропускал ее без правки, что бы в ней ни говорилось.

Так, однажды мы подготовили материал о волнениях в Таранто, где описывалось, как префекта сбросили с лестницы, а затем провезли по городу в тачке. Корреспонденция показалась ему настолько забавной, что он разрешил опубликовать ее, несмотря на строжайший приказ не публиковать сообщения о каких-либо беспорядках или, во всяком случае, уменьшать их масштабы. Разумеется, уважение должно было быть взаимным, и лучшим залогом таких отношений являлось знание английского языка, а также не сиюминутный стаж антифашистской борьбы.

Из этих дружеских отношений я извлекал большую пользу как в Бари, так и позднее. С помощью коммунистов, служивших в 8-й армии (их, конечно, было мало, но все же они были), я получил даже возможность обращаться к солдатам союзнических войск. Так, в одной из военных газет я откровенно разъяснял наши проблемы: «Итальянский народ,— писал я,— стал первой жертвой фашизма и уже заплатил за это дорогую цену. Сейчас, когда он борется против фашистов и нацистов-оккупантов, ему следует помогать, а не доводить до еще большей нищеты. Мы предоставляем союзникам наши земли для новых битв, что влечет за собой новые человеческие жертвы, несет новые разру-

шения. Таким образом, мы уже заплатили и продолжаем платить за фашистские преступления и с экономической, и с моральной точки зрения. Выпуск оккупационных денежных знаков, а также высокая покупательная способность союзнических войск наносят удар по и без того скудным ресурсам продовольствия и других товаров, что, конечно, не способствует утверждению «права на удовлетворение потребностей», которое вы провозглашаете. Более того, речь идет, по сути дела, о новом грабеже, и именно это является основной причиной стремительного роста инфляции...»

Месяц спустя после моего приезда в Бари я был приглашен выступить перед союзниками с лекцией на тему: «Я был в тюрьме Муссолини». По чистой случайности у меня до сих пор сохранились тезисы этого выступления, написанные на бланке фашистской федерации Бари, где размещался ПВБ.

Будучи моим другом, Робертсон с возмущением показывал мне донесения некоторых осведомителей, которые обвиняли коммунистов во всех грехах, приписывали им беспорядки. Впрочем, их содержание было настолько абсурдным, что лишь тупые профессиональные ищейки во времена Шельбы⁴ могли поверить в них.

Когда в Терлицци вспыхнули стихийные беспорядки, каких много возникало на почве царившей тогда нищеты, и было подожжено несколько общественных зданий, я с разрешения англичан (и с согласия партии) отправился туда, чтобы выступить перед людьми. Вместе со мной туда было направлено подразделение регулярных войск, которым командовал офицер-англичанин, в прошлом преподаватель истории, антифашист (впоследствии он стал коммунистом, о чем сам рассказал мне во время нашей встречи несколько лет назад). Мне было нетрудно доказать англичанам, что люди возмущены совершенно справедливо, и не только нищетой: на всех руководящих постах по-прежнему оставались фашисты, включая самого подеста, который тиранил их долгие годы. В результате ни один участник беспорядков не был арестован, в то время как за решетку попал, по крайней мере на какое-то время, бывший фашистский подеста.

Моя работа в ПВБ была довольно-таки плодотворной и продолжалась до начала января 1944 года, когда

партия поручила мне руководство «Чивильта пролетариа». Связи, которые я установил среди союзников, помогли мне, кроме того, проделать важную работу при подготовке конгресса в Бари.

Служащим ПВБ жилось хорошо. Место там давало немалые материальные преимущества, поскольку заработная плата была достаточно высокой и, что еще более существенно, все ее сотрудники могли пользоваться столовой союзников. В городе же в то время нормально питаться было очень трудно. В продаже были только сухие финики, а все остальные продукты приходилось покупать на «черном рынке», причем за такую цену, что зачастую от них вообще приходилось отказываться. Даже крестьяне питались лишь вареной репой, приправленной несколькими каплями оливкового масла.

Поскольку все знали, что в федерации ИКП зарплата была довольно низкой (этот порядок и по сей день действует в партии), в ПВБ были очень удивлены, что я согласился перейти туда. Пришлось объяснить, что я перешел линию фронта отнюдь не для того, чтобы найти здесь какую-то работу. «Все решает партия,— сказал я.— Вчера мне велели отказаться от предложения принять участие в десанте на Север, сегодня меня отзывают для руководства партийным изданием».

Федерация Бари переживала сложный момент. Трудности со связью лишали ее возможности осуществлять единое руководство всеми партийными организациями. Неаполь был далеко, и Веллио Спано⁵ сталкивался там со своими собственными проблемами, куда более серьезными, чем те, от которых страдали мы в Бари. Конечно, контакты существовали, но нерегулярные, и нам приходилось выкручиваться без посторонней помощи.

Вспоминая сейчас те сложные годы, могу сказать, что обстановка в партийной организации Апулии была менее тяжелой, чем в Неаполе. Правда, в провинции Фоджа проявлялись сильные сектантские тенденции, а в провинции Бриндизи — мелкобуржуазные влияния. Но в Таранто и особенно в Бари руководство партийных организаций в общем и целом располагало довольно сильным кадровым составом и было относительно унитарным. Тому способствовало и присутствие в этом районе ряда товарищей, оторванных от их родных го-

родов, а также нескольких крупных деятелей, которые пользовались большим авторитетом и среди противников. Назову, например, Раффаэле Пасторе, мудрого и очень человеческого крестьянина, имевшего за плечами большой опыт борьбы; его любили и уважали все трудящиеся.

Назову еще Де Леонардиса, ветерана партии, вышедшего из тюрьмы; Ди Донато, одного из наиболее подготовленных в политическом плане руководителей; Ассеннато, молодого, но известного адвоката. В Таранто наиболее известными были Вокколи и Ла Торре.

Еженедельник «Чивильта пролетариа», основанный Микеле Пелликани, не был ни по характеру, ни по структуре таким партийным органом, который мог бы руководить борьбой,—таким, как, скажем, «Унита», выходящая в Неаполе. Однако он был живым и достаточно популярным изданием.

Кризис в журнале разразился в период, когда в Бари приехала и тут же выступила по радио некая Мария Анджела Драгонетти, красивая девушка с богатой фантазией и кучей денег. Хотя имелись подозрения, что она шпионка монархических кругов, Пелликани часто появлялся с ней на людях, а затем она стала посещать федерацию партии. В конце концов руководство решило провести расследование, которое было поручено мне. Я выполнил задание, допросив, ко всему прочему, Драгонетти и Пелликани. Инцидент закончился тем, что меня назначили на место Пелликани. Что же касается Драгонетти, окрещенной кем-то в шутку Марией Барийской, то она куда-то исчезла.

Для меня руководство журналом было делом новым. Первые мои номера, в подготовке которых участвовал Ди Донато, были, вероятно, более выдержанными с точки зрения линии партии, но одновременно и более скучными, чем предыдущие.

А, впрочем, в чем заключалась эта линия? В последующие годы вследствие скороспелых историографических исследований широко распространилось ошибочное мнение о том, что с приездом Тольятти в Италию произошел радикальный поворот в политике партии, названный потом «поворотом в Салерно»⁶. На самом же деле речь не может идти ни о каком внезапном «повороте». На мой взгляд, следует говорить об успеш-

ном разрешении сложнейшей проблемы, казавшейся почти неразрешимой и тормозившей демократическое развитие итальянской политической обстановки, о решении, полностью соответствующем линии, которую партия уже ясно начертала и которой следовала уже многие годы.

Это подтверждается и документами тех лет, опубликованными сейчас в сборнике «Итальянские коммунисты во второй мировой войне», а также статьями, которые в то время печатал в газете «Унита» Веллио Спано, признанный всеми руководитель партийной организации «Южного королевства».

Из этих документов со всей очевидностью явствует, что коммунистическая партия никогда не отказывалась от провозглашенного сразу же после 8 сентября 1943 года лозунга: «Все силы на войну! За национальное единство и антифашистский единый фронт!»

С другой стороны, в условиях, в которых находились южные области — оккупационный военный режим союзников, установленный в соответствии с перемирием; наличие власти полуфашистского толка, каким было правительство Бадольо, вызванное к жизни и поддерживаемое штыками англо-американских войск, — это была единственно возможная политика, которая способствовала демократическому развитию и утверждению коммунистической партии. Этой линии, как известно, пришлось пробивать себе дорогу путем сложной политической борьбы даже внутри самой ИКП: в Неаполе на протяжении некоторого времени существовали даже две организации коммунистов. Немалый политический хаос порождали экстремистские течения, которые вели острейшую борьбу и между собой. Некоторые доходили даже до лозунгов о немедленной социалистической революции и высказывались за неучастие итальянцев в освободительной войне. Впрочем, подобные тенденции проявились также и в Северной и в Центральной Италии, где их питали группы, отказывавшиеся от партизанской борьбы и тем самым игравшие на руку наци-фашистам. Разгромленные политически, эти тенденции тем не менее продолжали существовать в партии, проявляясь в стихийных взрывах протеста масс против голода и нищеты как в городах, так и в сельской местности.

К этому следует добавить и еще одно обстоятельство — слабость партийной организации в «Южном королевстве».

В 1923 году в провинции Неаполь было 262 коммуниста, в провинции Бари — 105, в провинции Фоджа — 97, в провинции Лечче — 48, во всей Калабрии — 269. Менее чем незначительная сила в условиях, когда, с одной стороны, сознание масс находилось на примитивном уровне мессианского толка и их борьба ограничивалась стихийными выступлениями полуанархистского характера, с другой стороны, многие активисты имели сектантское, аристократическое представление о роли партии.

Начиная с сентября 1943 года, в силу общественно-политической обстановки того периода, на Юге стихийно начался необычайно мощный прилив в партию. В основном это были батраки и рабочие, хотя с просьбой о принятии обращалось также немало студентов, представителей интеллигенции. Это были люди, горящие энтузиазмом, по-боевому настроенные, но в то же время не подготовленные политически, не имеющие устоявшихся взглядов. Спано, как и все мы, отдавал себе в этом отчет и неоднократно писал на эту тему в «Унита».

Создать хорошо организованную, дисциплинированную, действующую на основе унитарной политической линии партию было нелегким делом. К моменту «поворота в Салерно» (конец марта 1944 года) в 26 освобожденных провинциях в партийных организациях насчитывалось около 80 тысяч коммунистов.

«Все силы на войну!» — вот лозунг конгресса в Бари» — под таким заголовком вышла передовая «Унита» от 7 января 1944 года.

Что касается «Чивильта пролетариа», то еженедельник также проводил эту политическую линию, разработанную во всех деталях еще на конференции коммунистических федераций ИКП в Апулии, состоявшейся 6—7 декабря 1943 года. В Бари эту линию приходилось утверждать в ходе довольно острых дискуссий с другими политическими силами, в первую очередь с Партией действия, которая, несмотря на свою малочисленность, имела большое влияние и могла рассчитывать на открытую поддержку ПВБ. Что касается таких столпов либерализма, как Сфорца⁷, Кроче,

Аранджо-Руиц⁸, то, находясь в Неаполе, они не могли оказать прямого давления на Бари, тем более что местные буржуазно-демократические круги действовали довольно самостоятельно, группируясь вокруг таких известных деятелей, как Чифарелли, Лойяконо, Лариккьюта, Фьоре.

Нам не удастся внести активного вклада в войну, говорили коммунисты, если мы не сможем укрепить и развить антифашистское единство, если не поведем решительную борьбу против остатков прежнего режима, в руках которых находится государственный аппарат. В этих целях мы указывали на необходимость создания антифашистского демократического правительства, ничего общего не имеющего с кабинетом Бадольо. Поскольку в Бари значительный вес имела либерально-демократическая партия, куда входили Вито Реале, Де Каро и другие, поддерживавшие правительство Бадольо, под антифашистским единством понимали здесь его самую элементарную форму — фронт левых сил. Кроме того, как нам казалось, единство могло быть достигнуто в общей борьбе за отречение короля: он нес главную ответственность за фашизм, и именно вокруг него концентрировались все реакционные силы.

Мы, безусловно, допустили ошибку в оценке возможностей этой борьбы, ошибку, которая повлияла и на развитие политической обстановки, и на позиции как нашей, так и других антифашистских партий. Впрочем, следует иметь в виду, что не только Партия действия и социалисты, высказывавшиеся за республику, но даже христианские демократы и либералы (во главе с Кроче) также выступали за отречение короля и установление регентства, хотя ими и двигало желание спасти монархию как таковую. Таким образом, мы считали, что перед лицом столь единодушного давления король не будет упорствовать и отречется от трона или же наконец пойдет на компромисс в виде регентства, предложенный Де Никола⁹ (на что он и согласился в Салерно).

Иными словами, наша линия не означала негибкой и ни к чему не ведущей позиции принципиального характера. Она была продиктована оценкой конкретных возможностей достижения демократической цели — отречения короля и укрепления антифашистского единства на более прогрессивной основе. С другой стороны,

не нужно забывать, что в то время коммунисты еще не были достаточно сильны и не имели такого авторитета, который позволил бы им — даже если бы они этого захотели — навязать другим свою точку зрения.

О том, как трудно было найти выход из этого опасного тупика, наглядно свидетельствует заявление секретариата южного центра компартии, сделанное после встречи с Бадольо 22 января 1944 года, когда он предложил создать коалиционное правительство с участием коммунистов. В заявлении, в частности, говорилось:

«Сознавая всю серьезность и опасность сложившейся ситуации, движимая горячей любовью к итальянскому народу и к своей стране, коммунистическая партия торжественно заявляет, что если бы правительство, созданное под эгидой короля Виктора Эммануила, имело хотя бы малейшую возможность эффективно послужить Италии, коммунисты, преодолев естественное отвращение, согласились бы сотрудничать даже с Виктором Эммануилом. Однако пребывание на троне фашистского короля, которого ненавидит весь народ, с самого начала скомпрометировало бы любое патриотическое начинание любого правительства, которое уже в силу факта своего сотрудничества с Виктором Эммануилом потеряло бы всякую возможность руководить Италией».

Принять предложение Бадольо буквально накануне конгресса в Бари, на который возлагались большие надежды, означало бы разрыв антифашистского фронта. Когда же этот конгресс состоялся и мы поняли, что оказались в тупике (король не уступал, а союзники, оправдываясь нежеланием затруднять военные усилия, поддерживали правительство Бадольо), было решено — впрочем, отнюдь не все были согласны с этим — предпринять массовое выступление, с тем чтобы попытаться изменить обстановку в свою пользу. После провала этой инициативы, встретившей решительное сопротивление союзников, всем стало ясно, что не остается ничего другого, как пойти на компромисс. Я отчетливо помню, что именно в этом духе высказывался в беседе со мной Спано в марте 1944 года, особенно после того как были восстановлены дипломатические отношения с СССР — первой страной, признавшей Италию (а следовательно, и правительство Ба-

дольо) в качестве полностью суверенного государства (14 марта) *.

Думал так, впрочем, не один Спано. Все партийные организации уже начиная с марта высказались за поиски решения. И не случайно на митинге, состоявшемся в Бари 19 марта, было заявлено, что главная задача момента заключается в том, чтобы дать стране «наиболее прогрессивное правительство, какое только может быть создано немедленно и на конкретной основе», а не вообще самое прогрессивное правительство. И как раз для обсуждения этого вопроса 29 марта, то есть еще до приезда Тольятти, было созвано заседание Национального совета партии.

В то же время и другие партии, хотя и не решаясь делать публичные заявления, признавали, как признавали это и наши противники, что объективная обстановка все более менялась. Маневры в кулуарах, в «верхах», которые вел Кроче, стремясь оказать давление на короля, должны были вот-вот успешно завершиться. Успех этот был обусловлен и нашей деятельностью, которой мы продемонстрировали возможность мобилизации масс на крупные манифестации, вроде той, которая состоялась в Неаполе 12 марта.

Таким образом, прибыв в Италию, Тольятти столкнулся с новой обстановкой, уже созревшей для решения главной проблемы. Его авторитет и политический талант позволили ему добиться успеха, не разрушив при этом антифашистского единства.

Однако говорить о «повороте», как будто бы с этого момента компартия начала проводить совершенно иную, чем прежде, политику, мне кажется неверным. Будь это так, разве встретили бы с таким облегчением и одобрением предложение, сделанное публично Тольятти, почти все коммунисты, да и не только они?!

КОНГРЕСС В БАРИ

Наиболее активными политическими силами в Бари были коммунистическая партия и Партия действия. Коммунисты, которым благоприятствовал также тот факт, что в этом районе оказались многочисленные товарищи из других мест (как это было и в моем случае),

* СССР официально признал правительство Бадольо 11 марта 1944 года. Сообщение об этом было опубликовано 14 марта.

развернули активную деятельность, создавая новые секции, проводя собрания и конференции. Мне тоже пришлось учиться выступать на митингах, что оказалось чрезвычайно трудным делом, порой доставлявшим массу страданий. Но что делать! Ведь над созданием партии нужно было работать каждый день и каждый час. Мы пытались создать и массовые организации, хотя союзники и правительственные власти относились к ним с крайней подозрительностью: они желали бы, чтобы партии оставались лишь простыми движениями, отражающими течения общественной мысли. Возможно, что именно недостаточность работы в этом направлении стала фактором, способствовавшим стихийным волнениям, во множестве возникавшим в Апулии в конце 1943 — начале 1944 года. Немаловажную роль сыграло и наше незначительное влияние, а также тот факт, что порой мы соглашались с лозунгами, которые, будучи доведенными до крайности, противоречили линии на создание массовой партии.

И все же лишь коммунисты серьезно занимались проблемами положения народа: организовывали манифестации в защиту батраков и крестьян-бедняков, выступали инициаторами создания первых ячеек кооперативного движения, несмотря на многочисленные сложности, обусловленные военными действиями и оккупационным режимом, установленным союзниками, боролись за улучшение условий жизни рабочих и других категорий трудящихся.

Эти энергичные действия способствовали формированию широких союзов, включавших различные политические силы, которые, таким образом, начинали отдавать себе отчет в глубоко национальном и народном характере коммунистической партии.

Важную роль, к примеру, сыграла борьба в поддержку портовиков, которые были милитаризованы и поставлены под непосредственный контроль военных властей союзников.

Для погрузки и разгрузки военных грузов в порту привлекались большей частью итальянские военные подразделения, так что наши солдаты превращались в обыкновенных рабочих, подвергавшихся нещадной эксплуатации. Мы возглавили борьбу за реорганизацию итальянской армии и за ее участие в военных действиях, а не на работах в порту.

Мы добивались также, чтобы в случае необходимости, а именно когда речь шла об использовании некоторых подразделений на подсобных работах, в них участвовали бы на равных основаниях со специальным вознаграждением и наши солдаты, и части союзников. Это позволило бы исключить дискриминацию, оскорбляющую личное достоинство и национальное чувство наших граждан.

Генерал Леричи, командующий армейским корпусом, дислоцировавшимся в Бари, в прошлом воевавший в России (где его хорошенько научили с уважением относиться к коммунистам!), дал высокую оценку нашей борьбе и поддержал ее также и через свой отдел печати, где работал тогда и мой будущий коллега по университетской работе Лаванья. В конце концов мы добились кое-каких результатов.

Мы предприняли также попытку объединить в унитарной ассоциации разнородную массу так называемых политических беженцев. Они не представляли собой сколько-нибудь крупной силы, однако, предоставленные самим себе, могли бы стать пешками в руках темных интриганов. Настоящих политических беженцев, как правило, приняли под свое покровительство партии, к которым они принадлежали. Но были и такие люди, которые лишь условно могли называться политическими. Оторванные от привычной среды, они терпели лишения, добывали средства к жизни всякими правдами и неправдами. Были среди «беженцев» люди, которые просто по разным причинам покинули родные места и не имели возможности вернуться назад...

Что касается Партии действия, то она занималась обсуждением лишь крупных проблем. Однако в ее рядах были люди, пользовавшиеся заслуженным авторитетом: Калаче, стоявший, впрочем, на откровенно сектантских позициях, Пастина, Папалиа, Фьоре, Чифарелли. Этот последний обладал наиболее практичным среди всех складом ума и при решении политических проблем легко шел дальше их формальных аспектов.

Среди социалистов наиболее крупной личностью в Бари был Лариккьюта. Из христианских демократов мне запомнился Лойяконо, представлявший республиканское течение, более склонное к сотрудничеству с

другими партиями. К нему я относился с искренней симпатией.

Лозунг об отречении короля в качестве предпосылки для создания антифашистского правительства национального единства разделялся всеми демократическими партиями. Бежав в Пескару, король Виктор Эммануил III окончательно дискредитировал себя¹⁰. Рассуждения о том, что, отправившись в Бриндизи, он спас «преемственность государства», гарантировав союзникам существование правительства, способного выполнять протокол о перемирии, никого не убеждали. Подобным образом мог бы оправдываться Бадольо со своим правительством, но не монарх, на которого все единодушно возлагали значительную часть ответственности за фашизм.

Его отречение, таким образом, не нарушило бы «преемственности государства», а, напротив, создало бы основные предпосылки для той чистки государственного аппарата, которой добивались все. Разумеется, верно, что наиболее непримиримые сторонники республики требовали удаления также и наследного принца Умберто¹¹ (кстати сказать, он этого заслуживал), но его отречение не становилось делом принципа; все были согласны, что вопрос о государственном строе решит Учредительное собрание, которое будет созвано после войны. Конечно, Умберто интриговал, пытаясь установить различного рода контакты и в этих целях повсюду рассылая своих людей. Один из его эмиссаров беседовал как-то и со мной, пытаясь выяснить, не распространят ли коммунисты вето и на Умберто в случае отречения короля.

В отчете об этой беседе, направленном руководству партии, я писал: «На днях я встретился с флотским офицером Умберто Ньюато, который, учитывая, что я являюсь видным деятелем партии, желал выяснить мои взгляды на нынешнюю политическую обстановку.

Во время беседы, в ходе которой были затронуты все наиболее важные проблемы внутренней и международной обстановки, Ньюато отнюдь не скрывал своих связей с наследным принцем. Особенно его интересовал вопрос о возможной позиции различных партий по отношению к Умберто в случае отречения короля. Ньюато сообщил, что на эту же тему он уже бесе-

довал в Неаполе со Сфорцей, Реале и другими видными деятелями.

Он сказал также, что 15 января вновь встретится с принцем и сообщит ему о результатах беседы. Я в соответствии с линией партии в этом вопросе сообщил, что коммунисты не отвергают априори подобное решение при условии, что принц будет действовать искренне и лояльно по отношению к демократическому правительству, создание которого является первейшей необходимостью для страны, что он не будет затруднять его деятельность, а после освобождения страны безоговорочно согласится с решением, которое будет принято по вопросу о государственном устройстве».

Было известно, что Англия полна решимости спасти монархию в Италии и Черчилль полностью поддерживает Виктора Эммануила, объясняя это тем, что всякое изменение-де повлекло бы за собой беспорядки и затруднило бы военные действия. Однако многие считали — и такую позицию занимало даже большинство офицеров союзнических войск, и не только в ПВБ,— что Виктор Эммануил прислушается как к патетическим призывам отойти в сторону в интересах родины, так и к единодушным и откровенным проявлениям враждебности по отношению к его персоне.

Уже в ноябре во всех крупных городах Юга были созданы Комитеты национального освобождения. Поскольку в каждом из них должны были быть представлены все основные партии, нередко случалось, что деятели, симпатизирующие коммунистам, соглашались выступать в них не от имени ИКП, а от Партии действия или социалистов, лишь бы представительство было полным. Таким образом, была создана организационная структура антифашистского движения, существовавшего, правда, скорее на словах, нежели на деле, как в Северной Италии.

Все антифашистские силы ощущали необходимость созвать широкопредставительную ассамблею для обсуждения национальных проблем и для выработки общей политической линии. Эта инициатива была поставлена на конкретные рельсы на конференции, состоявшейся в Неаполе 4 декабря 1943 года, где было решено провести 20 декабря в том же городе конгресс КНО всех освобожденных провинций Италии (включая Си-

цию и Сардинию) и представителей еще оккупированных немцами районов. Предусматривалось также, что в конгрессе примут участие эмигранты, о «приглашении которых позаботится организационный комитет».

Как известно,— об этом писали, и я не буду специально останавливаться на этом вопросе — конгресс не смог собраться в Неаполе, так как этому решительно воспротивилось правительство в Бриндизи, поддержанное союзническими властями, которые, в частности, считали, что Неаполь неподходящее место для проведения конгресса, поскольку этот город находится вблизи от фронта и его многочисленное население может прореагировать на подобную встречу самым неожиданным образом. Союзники, таким образом, запретили созыв конгресса и после долгих и трудных переговоров разрешили провести 20 декабря в Неаполе лишь входившую в программу конгресса церемонию в память Джованни Амендолы¹². При этом они, правда, пообещали, что при условии более тщательной подготовки и наличии специальных гарантий, обеспечивающих сохранение общественного порядка, конгресс можно будет провести в Бари в январе.

На церемонию 20 декабря партия направила меня, поскольку мне легче было получить необходимое для этого специальное разрешение ПВБ.

Я выехал из Бари в 10 часов утра в пятницу 17 декабря и прибыл в Неаполь лишь в 11 часов вечера на следующий день. (Обратный путь занял еще больше времени и продолжался с 6 часов вечера среды до 8 часов утра пятницы!) Объясняется это тем, что поезд шел не прямым путем через Авеллино, где тогда еще шли бои, а через Таранто и Потенцу, находившиеся под управлением военной администрации союзников. Хаос в этих городах был даже еще бóльшим, чем в Бари.

Состав наш представлял собой длинный караван пассажирских вагонов и открытых грузовых платформ, который медленно-медленно тащился, останавливаясь на каждом полустанке. Было много безбилетных пассажиров, по большей части контрабандистов, которые время от времени вскакивали на более низкие платформы или ехали, уцепившись за поручни вагонов, а то даже и на крыше.

В Неаполе же, будь вы даже сам господь бог со всеми необходимыми разрешениями союзников на руках, вам все равно не удалось бы избежать встречи с двумя союзными полицейскими, которые тут же на вокзале, не давая времени на размышления, опыляли каждого пассажира изрядной дозой ДДТ. Возможно, это была правильная, хотя и жестокая, мера: она имела целью локализовать эпидемию сыпного тифа и предотвратить вспышку других инфекционных заболеваний, однако тот, кого обработали таким образом, чувствовал, что с ним обращаются не как с гражданином цивилизованной страны, а как с существом низшего порядка, которого надлежит приобщить к цивилизации.

Сразу же при входе в город чувствовалось, что в нем царит экономический хаос и разложение нравов. Спекуляцией занимались массовым порядком и совершенно открыто, без всякого стеснения; никого не шокировало и множество проституток. Впрочем, как можно было прожить, когда хлебный паек составлял 125 граммов в день, а другие продукты, подлежащие распределению по карточкам, было совершенно невозможно найти.

Цены на все, кроме овощей, были выше, чем в Бари. Белый хлеб стоил от 130 до 180 лир за килограмм, серый — 110, мука — около 150, оливковое масло — 230 лир за литр. Официальная безработица находилась на уровне более 100 тысяч человек, в то время как постоянно работающие получали не более 2—3 тысяч лир в месяц. Да еще попробуй достань продукты. Обед в ресторане стоил 80—100 лир — в два раза больше, чем в Бари.

Что касается политических аспектов этой поездки, то я изложил их следующим образом в своем отчете руководству партии:

«Конгресс КНО освобожденной Италии, как известно, не состоялся. На мой взгляд, это объясняется маневрами правительства Бадольо, действовавшего также через пресловутого Пиппо Нальди¹³. Следует, однако, отметить, что запрещение союзников не вызвало должного противодействия (может, даже наоборот), в связи с тем, что некоторые правые партии — либералы, демохристиане, «Демократия труда»¹⁴ — с удовлетворением восприняли отсрочку, не желая немедленно принимать четких решений по наиболее важным проб-

лемам текущего момента (отречение короля). Кроме того, они еще не закончили формирование своей организации в провинциях, что намерены со временем сделать, с тем чтобы получить представительство повсеместно и на более выгодных условиях. Эти партии дали обязательство не проводить конгресс подпольно. Учитывая подобную ситуацию, на встрече ряда представителей провинций в неаполитанском КНО, состоявшейся 20 декабря, был обсужден лишь вопрос о дате и процедуре будущего конгресса, который решено провести в Бари 28 января. Союзные власти уже дали разрешение на его проведение в любом городе, кроме Неаполя, а представители Бари взяли на себя обязательство по подготовке конгресса. Союзническое командование сообщило, что не будет против, если во встрече примут участие 80—90 человек с решающим голосом (при равном представительстве от всех партий, входящих в КНО), представители еще оккупированных нацистами районов с совещательным голосом, а также некоторые видные политические деятели: Сфорца, Тольятти (если к этому моменту он уже будет в Италии).

Против запрета на проведение конгресса в Неаполе протестовали члены местного Комитета национального освобождения, включая демохристиан, которые, не желая оставаться в изоляции, лишь в последнюю минуту и неохотно подписали протест. Была направлена соответствующая телеграмма Черчиллю, Рузвельту и Сталину.

В этих обстоятельствах очень энергично и эффективно действовал Бенедетто Кроче, который специально приехал в Неаполь из Сорренто, где он живет постоянно. Поскольку мне не удалось лично встретиться с ним, я рассказываю о его позиции со слов близких к нему людей... Кроче прямо и откровенно высказался против короля, что явилось результатом глубокого морального кризиса, который он пережил. Прилагаю его статьи по этому вопросу: «За отречение короля», «Ответ Бадольо» и т. д.

Однако с политической точки зрения еще больший интерес представляет позиция, занятая Кроче в отношении «людей, называющих себя либералами», которые в той или иной степени саботируют деятельность КНО и являются замаскированными фашистами. Кро-

че решительно осудил их, так же как и неофашистские элементы, которые группируются сейчас вокруг короны. Он заявил, что снимает с истинных либералов всякую ответственность за действия подобных самозванцев...

...Беседа с графом Сфорца. В ходе беседы я заинтересовался, какую позицию он лично займет в случае отречения короля Виктора Эммануила в пользу его сына Умберто. Он доверительно сообщил о том давлении, которое на него оказывается, с тем чтобы он согласился на такое решение проблемы, а также сказал, что неоднократно поднимался вопрос и об организации его встречи с наследным принцем. Он повторил, что ему претит сама мысль принять министерство из рук подобного принца, однако он признает, что в подобном случае создалась бы новая обстановка, которую следует изучить с максимальным беспристрастием, поскольку выход из создавшегося тупика должен быть в конце концов найден.

Создание нового, действительно демократического правительства, куда вошли бы «два порядочных демократа, два порядочных социалиста и два порядочных коммуниста», — необходимость для Италии, отметил Сфорца.

Иными словами, в интересах формирования действительно демократического правительства нельзя отвергать возможности создания такой ситуации, при которой отречется только король, а престол перейдет к принцу. В предвидении подобной перспективы представители целого ряда партий осведомлялись у графа Сфорца, какова будет программа правительства, если его формирование будет поручено ему.

Среди других важных вопросов, обсуждавшихся в ходе беседы, назову проблемы, связанные с пропагандой, которую ведут монархисты, поддерживаемые реакционными неофашистскими элементами, и с репрессиями по отношению ко всякой агитации против короля. Граф Сфорца уверен, что существует специальный циркуляр, адресованный карабинерам, который содержит приказ арестовывать всех, кто ведет пропаганду, направленную против монархии. (Я предпринял ряд попыток выяснить, насколько это соответствует истине. Насколько мне удалось узнать, подобного циркуляра не существует, однако антимонархическая пропа-

ганда строго запрещена в армии, причем делается все для того, чтобы подавить ее и в других кругах, для чего в подразделения карабинеров осуществляется проникновение бывших бойцов распушенной фашистской милиции.)

Совещание партийных кадров. В связи с присутствием в Неаполе делегатов, прибывших на несостоявшийся конгресс КНО, в помещении федерации состоялось совещание, на котором были обсуждены политические и организационные проблемы текущего момента. Следует отметить, что удалось ликвидировать раскол, существовавший в неаполитанской партийной организации: группа, не согласная с линией руководства, возвратилась в партию. Это, как известно, люди с сильными анархистскими тенденциями, но они имеют определенное влияние на массы...

...Руководство социалистической партии также воспользовалось присутствием многочисленных активистов, съехавшихся в Неаполь, чтобы обсудить актуальные политические проблемы. Насколько мне известно, в этой партии сильные позиции занимает течение, склонное к сотрудничеству с монархией».

Выдержки из этого документа интересны тем, что наглядно показывают, насколько недооценивалось сопротивление короля требованиям об отречении. Этому способствовали и закулисные маневры Умберто, которые создавали впечатление о разногласиях внутри королевской семьи.

Из документа видно и другое — то, что накануне конгресса в Бари позиции коммунистов и других партий отнюдь не были настолько заостренными, чтобы можно было оправдать термин «поворот в Салерно». Верно, правда, и другое: во время работы конгресса и сразу же после него эти позиции значительно ужесточились.

Конгресс, проведение которого разрешили союзники, был встречен в штыки монархией и правительством Бадольо, которые осознавали, что на нем открыто прозвучит единодушное осуждение Виктора Эммануила и настойчивый призыв к отречению. Отнюдь не является фантазией и то, что монархисты пытались создать «голубой батальон»: ко мне каждый вечер приходили молодые солдаты, по большей части из авиационных частей, которые рассказывали о полу-

ченных ими недвусмысленных предложениях вступить в батальон, который должен был быть готов выступить в защиту короля. Еще более красноречивым в этом смысле было назначение генерала Пьетро Гадзеры¹⁵ на пост чрезвычайного комиссара по охране общественного порядка, о котором правительство Бадольо сообщило за 10 дней до начала конгресса.

Обстановка, таким образом, оказалась накаленной до предела. Назначение Гадзеры, прозванного «и. о. диктатора», было вызовом антифашистскому движению. Оно показывало стремление монархии помешать созыву конгресса, затруднив его подготовку и проезд делегатов. В кругах, близких к королю, никто и не скрывал, что главной целью всех этих маневров было дальнейшее обострение ситуации, которое заставило бы союзников отменить свое разрешение или, по крайней мере, вновь отложить дату проведения конгресса.

Попытки эти были пресечены в результате твердой позиции, занятой антифашистскими партиями, а также благодаря поддержке СКК в Бари, и в частности лично Робертсона.

Я также встретился с Гадзерой и сказал ему в довольно-таки резких тонах: «Мы старые бойцы, а потому запугать нас трудно: сражаться мы умеем. К тому же никто, а тем более страна, не заинтересован в ухудшении обстановки. Конгресс необходимо провести, и он будет проведен, так что лучше не препятствуйте этому».

Несмотря на свою многолетнюю службу фашизму (он занимал пост заместителя военного министра при Муссолини), Гадзера стал уверять меня в своих антифашистских чувствах, утверждая, что конгресс лучше не проводить, но что он, во всяком случае, не имеет ни власти, ни поручения помешать этому. Но кто ему верил? Все дело в том, что правительство, которое находилось в Бриндизи, пытавшееся достичь этой цели, попросту убедилось, что все его усилия обречены на провал.

Конгресс стал мощной антифашистской манифестацией, но что касается нас, коммунистов, да и не только нас, то это было политическое поражение. Один факт мы осознали сразу же: инициатива перешла к «деятелям с именем», таким, как Аранджо-Руниц, Кро-

че, Сфорца, Чанка ¹⁶, а также к представителям Партии действия. Конгресс оказался под их контролем. Они оглушили аудиторию своими речами, полными риторики и морализирования, и в этом хоре знаменитостей попросту потонуло умное и реалистическое, призывающее к единству выступление Спано.

Руководитель южной организации ИКП подчеркнул необходимость отречения короля в качестве предпосылки для создания демократического правительства, в то же время он особо отметил, что главной задачей является активное участие в войне и военным операциям ничто не должно мешать. Кроме того, он указал в качестве другой непосредственной задачи на «необходимость облегчить остающееся нестерпимым положение трудящихся масс».

Это была единственная речь, в которой напоминалось о существовании масс, подавленных голодом и нищетой, и выдвигалось требование конкретных действий в их интересах. Точно так же лишь наша партия предложила резолюции, выдвигавшие требования в интересах трудящихся, реализация которых была возможна в кратчайшие сроки. Изложить их на конгрессе было поручено мне. Первая требовала возвращения на родину политэмигрантов (для нас это означало прежде всего приезд Тольятти), вторая касалась возвращения военнопленных, а эта проблема волновала сотни тысяч итальянских семей.

Исполнительная джунта Комитетов национального освобождения, созданная на конгрессе, не приняла, как известно, решения ни о немедленном формировании коалиционного правительства с участием всех партий — решения, которое заставило бы союзников признать практическую возможность замены или расширения правительства Бадольо, а также отречения короля, — ни о создании широкого массового движения. Этому последнему решению воспротивились христианские демократы и либералы, в то время как союзники высказали опасение, что это станет источником беспорядков в их тылах. Ни переговоры в верхах, ни петиции, направленные союзникам, не могли, разумеется, дать результатов, особенно после известной речи Черчилля, произнесенной им 22 февраля, в которой он твердо высказался в поддержку короля и правительства Бадольо.

А тем временем условия жизни в «Южном королевстве» все более ухудшались. Создавалась обстановка, которую Тольятти сразу же по приезде охарактеризовал как «авторитет без власти и власть без авторитета». Попытка изменить ситуацию путем мобилизации масс и демонстраций с позиций силы была бы абсурдной и обреченной на провал: когда по договоренности с социалистами и Партией действия была намечена десятиминутная забастовка в знак протеста против речи Черчилля, военная администрация угрозила применить крайние меры и арестовать руководителей манифестации. Впоследствии союзники согласились на замену стачки массовым публичным митингом, проведенным 12 марта в Неаполе, который произвел внушительное впечатление. Но этого было недостаточно для выхода из кризиса.

Тольятти прибыл в Неаполь 28 марта. Три дня спустя он принял участие в работе Национального совета партии, который и подготовил ожидаемый всеми «поворот». Я не участвовал в этом заседании, поскольку товарищи сочли необходимым мое присутствие в Бари (для организации выпуска еженедельника и текущей работы федерации).

В САЛЕРНО

Дом № 11 по улице Даванцати в Бари стал местом встречи для многих товарищей. В небольшой квартирке, которая была нам выделена, заполненной буквально до отказа раскладушками, каждый день появлялись новые люди и оставались там жить до тех пор, пока не находили что-нибудь лучшее. Вечером к нам приходили и другие товарищи, а также солдаты, просто друзья. Разгорались дискуссии, дружеские споры. Среди других появился и Помпуччи, в то время социалист, работавший в ИРИ*, который перешел линию фронта. Пришел и поселился у нас Джиджи Моро, с которым я познакомился еще в тюрьме, где он сидел по обвинению в шпионаже. Это был умный, очень ак-

* ИРИ — Институт реконструкции промышленности — государственный финансовый орган, созданный в 1933 году для спасения от банкротства банков и промышленных компаний. В настоящее время одно из крупнейших государственно-монополистических объединений Италии.

тивный юноша, сумевший сделать выводы из своего жизненного опыта. Будучи санитаром, он ухаживал за мной поистине по-братски, а когда, не без моего ходатайства, его освободили из тюрьмы в Тури, заменив действительное наказание условным, он попросил приютить его. Изобретательный по натуре, он уже год спустя организовал транспортную службу, которая оказалась нам очень полезной. Моро отличали также порядочность и щепетильность: несмотря на большую привязанность ко мне, он сумел отойти в сторону, когда, уже в Риме, я стал министром, не желая, чтобы его бурное прошлое и «предпринимательская деятельность» бросили тень на меня.

Жили мы кое-как. Пока с нами находилась моя невестка, кухонные дела шли нормально; но когда она уехала к мужу, мы однажды заметили, что сварили фасоль вместе с тряпкой, которой чистили сковородку.

В один прекрасный день к нам пришел слуга одного графа с двумя огромными чемоданами в руках. «Моего хозяина, — сказал он, — арестовал военный трибунал союзников, поймавший его на спекулятивных операциях с некоторыми офицерами. Сидеть ему придется долго. Он и приказал мне отнести вам все эти вещи. Распоряжайтесь ими, как хотите».

Я ходил все время в потрепанном костюме и конечно же нуждался в приличной одежде, тем более что день спустя из выпуска последних известий, к глубочайшему удивлению, узнал о своем назначении на пост заместителя министра финансов. Это было 22 апреля 1944 года.

Костюм, который я выбрал себе, подошел бы скорее торговцу мороженым, нежели «его превосходителю», но именно в нем я на военном самолете, предоставленном союзниками, вылетел в Салерно. Когда неделю спустя графа освободили (вместе с ним в темных махинациях оказалось замешано слишком много военных) и он пришел на улицу Даванцати, чтобы забрать остатки своего гардероба, я тоже был там, поскольку вернулся на время в Бари для улаживания некоторых личных дел. Что делать? Костюм я ему, конечно, не мог вернуть, но, к счастью, граф сумел припрятать изрядную сумму из денег, приобретенных на «черном рынке», и он не только отказался взять

у меня свой костюм, но и подарил еще кое-что из одежды.

И вот я в Салерно. Я был «ваше превосходительство». Это помпезное обращение щедро употреблялось при всех обстоятельствах и по отношению к самым разным людям: к одетым хорошо и плохо, к тем, кто привык к этому титулу, и к тем, кто еще несколько месяцев назад вынужден был снимать шляпу перед «начальством», к монархистам, либералам, коммунистам, деятелям Партии действия. Было невозможно избавиться от этого обращения, не стоило и протестовать.

Тольятти принял и выслушал меня, явно оценивая, на что я способен, и в конце концов, видимо, сделал вывод, что я справлюсь с порученной миссией. О нем говорили как о человеке холодном и жестком, который редко сближался с людьми в силу того, что когда-то был обманут в своих дружеских чувствах. Мне кажется, что подобное утверждение неверно. Это был человек, нуждавшийся, как и все мы, в дружбе и искренней привязанности. При этом он, однако, держал себя постоянно начеку, не позволяя своим чувствам проявляться в полной мере. В сущности, он был стеснителен, а не высокомерен. Его ирония, доходящая порой до сарказма, его скрытый характер, который кое-кто принимал за черствость, были лишь видимостью.

Если он чувствовал, что вы его понимаете, что вам от него ничего не нужно, что вы говорите искренне и не с чужих слов (и критикуя его, и одобряя его линию), тогда перед вами оказывался настоящий Тольятти — человеческий, дружелюбный, причем не только как руководитель партии. Он интересовался вашим мнением, оценками, причем вы видели, что его они глубоко интересуют. Это был человек огромного ума и необыкновенных способностей, обладавший исключительным политическим чутьем.

Таким я представляю себе Тольятти, с которым я познакомился позже других. Я никогда не заискивал перед ним, но всегда признавал его превосходство и неизменно шел за ним с глубокой убежденностью в правильности его политического руководства.

Министром финансов в тот период был Квинто Квинтьери¹⁷, очень состоятельный человек дворянского происхождения, последователь либеральных идей

Кроче. Он не был «политиком», и потому мы легко ладили с ним. Квинтнери дал мне возможность работать самостоятельно, предоставив широкие полномочия. Возвращаясь из Неаполя, из «салона» Кроче, он смотрел на вещи одними глазами, но в Салерно, проанализировав и обсудив со мной ситуацию, приходил к выводу, что верна наша позиция, позиция компартии, и мы вместе принимали решения.

Фашистская печать Севера не преминула отметить это. От ее внимания не ускользнул и тот факт, что мы занимаем очень твердые позиции по отношению к союзникам. Это нашло свое отражение в материалах, в которых подчеркивалось, что в Салерно правят коммунисты и что между итальянцами и союзниками имеются разногласия.

По правде говоря, ситуация позволяла кое-что сделать для того, чтобы начать демократический «поворот». Условия, которые сложились в Салерно, более благоприятствовали этому, чем те, с которыми мы столкнулись позднее в Риме. Конечно, общая обстановка в «Южном королевстве» была более тяжелой, однако консервативные силы в государственном аппарате и в общественных службах имели меньший вес, а разложение в их рядах носило более широкие масштабы.

При решении наших задач следовало действовать с максимумом реализма, ни на минуту не забывая ленинского положения о том, что для каждой проблемы возможны два решения: одно — консервативное, а следовательно, направленное против интересов масс, и другое — отвечающее интересам масс. Иными словами, в любой ситуации возможен, пусть даже незначительный, шаг вперед, идущий в направлении демократического развития, а следовательно, расширяющий влияние масс и ограничивающий мощь консервативных сил.

Сфера деятельности министерства финансов была очень обширной, так как в то время оно не было разделено на два министерства — финансов и казначейства. Я получил дела от Гуидо Юнга, министра в предыдущем правительстве Бадольо. Он занимал этот пост и при фашизме, однако Муссолини сместил его: он был евреем (по этой же причине Бадольо вновь поручил ему это министерство). Помнится, что Юнг

с глубоким негодованием рассказал мне о возмутительном факте незаконного обогащения некоего Кармине Де Мартино. В период диктатуры этот человек, приехав в Салерно, что называется, без гроша за душой, очень скоро стал хозяином города, крупным концессионером государственных монополий и муниципальных служб, чему способствовали главным образом его тесные связи с фашистскими главарями. Особенно скандальной была его афера с поместьем Персано, в прошлом принадлежавшим Бурбонам, а затем перешедшим государству, в результате чего оно не могло быть передано кому бы то ни было. На протяжении ряда лет им распоряжалось военное министерство, организовавшее там конный завод.

Так вот Де Мартино при помощи руководителя фашистской федерации в Салерно присвоил себе это поместье, превратив его в крупное хозяйство по производству табака и сыра (по правде говоря, отличного качества). Все протесты военного министра оказались напрасными: Муссолини собственной рукой подписал приказ о продаже Де Мартино значительной части угодий по смехотворной цене. Махинация эта вызвала много шума, но недовольных заставили замолчать.

Юнг изложил это дело в детальном отчете, из которого было ясно видно, кто несет за него ответственность и кто кого подкупал. Нужно было пойти дальше — перейти к действиям.

Министерство финансов имело в Салерно мало сотрудников. Всех их наспех подобрали в провинциальных учреждениях, а потому здесь оказались и опытные чиновники, и такие, которые мало что стоили. Все министерство размещалось в нескольких комнатах здания Торговой палаты.

Я поручил генеральному инспектору Антонио Сакристано, человеку очень способному, подработать сделанный Юнгом отчет. В результате однажды в моем кабинете появился Кармине Де Мартино, невозмутимый, улыбающийся, почтительный: «Да, конечно, я делал кое-какие дела, однако, заметьте, я внес вклад в развитие города». — «А история с поместьем Персано?» — «Ваше превосходительство, вы еще молоды и не знаете, что в те времена только так и нужно было действовать! Я согласен платить. Но, будьте уверены, я буду процветать и при демократическом режиме,

достаточно лишь изменить методы. С седла меня никто не скинет».

Де Мартино был, конечно, незаурядной личностью. И он оказался прав.

Когда правительство переехало в Рим, там был учрежден Высший комиссариат по расследованию незаконных обогащений, главой которого стал христианский демократ Чинголани¹⁸. Мне пришлось передать ему, получив соответствующую расписку, все документы, связанные с делом Де Мартино и другими аферами. Поскольку время шло, а никакие меры не принимались, я поинтересовался, в чем загвоздка. Оказалось, что документы исчезли. Я вызвал Сакристано, с тем чтобы он по крайней мере мог выступить свидетелем. Увы, он уже ничего «не мог вспомнить».

А Де Мартино выстоял, причем довольно-таки успешно: с установлением демократического режима он поначалу поддерживал монархистов, затем сумел попасть в парламент от ХДП, прибегнув для этого к известной системе бесплатной раздачи макарон и непарных ботинок. В конце концов он даже стал заместителем министра иностранных дел «по проблемам итальянцев за границей». Когда он умер, его богатства пошли прахом в результате знаменитого скандала с мексиканским табаком*.

Однако, если в подобных случаях мы были вынуждены ограничиться лишь «расследованиями», которые затем были пресечены в Риме, то по каждодневным проблемам кое-что удавалось предпринять немедленно.

Экономическая обстановка оставалась катастрофической, условия жизни трудящихся, включая работников государственных учреждений, были по-прежнему невыносимыми. Следовало решить по крайней мере некоторые срочные проблемы, взяв курс на иную политику, которая базировалась бы на новой концепции экономики, предусматривала бы прежде всего установление новых отношений с рабочим классом.

К этому периоду относится забастовка государственных текстильных фабрик в Скафати и Кава де Тиррени, рабочие которых требовали повышения заработ-

* Под видом табака в Италию ввозилось большое количество наркотиков, в первую очередь марихуаны, что приносило спекулянтам и их высокопоставленным покровителям огромные барыши.

ной платы, увольнения директора, прибегавшего к фашистским методам руководства, а также других улучшений. Не медля ни дня, я 16 мая сам отправился на предприятие и произнес речь в духе линии нашей партии. Я сразу же дал указание оплатить рабочим часы, потерянные в ходе стачки, с тем чтобы они сразу же осознали, что бастовать — это их право, которым они могут свободно пользоваться в случае необходимости. Кроме того, я согласился с их требованием, важнейшим по тем временам, об оплачиваемых фабрикой завтраках и об удалении деспотичного директора.

Поездка прошла успешно. Я поел вместе со всеми в столовой и даже станцевал несколько танцев с работницами. Никто ничего подобного никогда не видел. Но Квинтьери одобрил мое поведение, сказав, что я действовал правильно.

Впрочем, мою линию нельзя объяснить лишь обстоятельствами и политическими взглядами. Она соответствовала определенной линии экономической политики. И в Салерно, и в Риме я утверждал, что первой и наиболее важной производительной силой, которую следовало спасать в тот момент, являлись люди. Нужно было гарантировать трудящимся максимально возможное улучшение условий жизни, не опасаясь, что повышение заработной платы вызовет рост инфляции. Этот курс нашел свое отражение в целом ряде моих статей. Так, в интервью, которое я дал в Риме 7 июля 1944 года, подчеркивалось: «Я отнюдь не считаю, что в интересах борьбы с инфляцией следует обрекать людей на голодную смерть, тормозить увеличение заработной платы в соответствии с нынешней стоимостью жизни, неизменно возлагая все тяготы на плечи трудящихся». «Более того, — разъяснял я в статье, опубликованной «Унита» 8 августа, — для борьбы против инфляции как раз и следует повышать зарплату. Инфляция порождается неравномерным распределением доходов. Если бы все имели средний заработок, достаточный лишь для достойного существования, инфляция исчезла бы. И напротив, когда налицо возможности для создания двух рынков — один для бедняков и другой для богачей, инфляция лишь набирает силу».

Для решения проблемы следовало увеличить доходы государства, обложив более крупными налогами

самые высокие прибыли, одновременно уменьшив налогообложение трудящихся. Однако эта последняя часть программы не встретила понимания союзников.

Офицером по связи с военной администрацией, занимавшимся этими проблемами, был некий Кросс, сотрудник британского налогового управления. Придя в ужас от итальянской фискальной системы, которая открывает массу возможностей для уклонения от уплаты налогов, он, не колеблясь, одобрил целую серию мероприятий, предложенных мной еще 9 мая. Однако, когда речь пошла о том, чтобы снизить налоги с рабочих и других неимущих слоев населения, он выступил решительно против.

Другой конкретной задачей, поставленной нами в правительстве, была мобилизация и использование всех ресурсов страны. Нужно было опереться при этом на инициативу масс, развивать ее, преодолевая узко понятые интересы отдельных производительных единиц, кооперативов или предприятий. Следовало убедить рабочих, что необходимо во что бы то ни стало производить пусть даже с убытком для отдельного предприятия, добиваться более высоких цен при выполнении заказов для союзников, но производить и производить.

Альфредо Паттисон, Чезаре Риччарди и особенно Джузеппе Чендзато, этот экономический диктатор Юга, не всегда соглашались с таким подходом. С ними приходилось спорить, доказывая, что, опираясь на инициативу масс, можно уже сейчас поднять страну из руин.

Вот один лишь пример. Иностранные специалисты признали, что заводы «Ильва» в Неаполе были сильно разрушены: почти 100% всего оборудования, на их взгляд, невозможно было использовать. В связи с чем они заявили, что наиболее целесообразно продать все это на металлолом — хоть какая-то прибыль!

Однако инженеры и рабочие предприятия, создав специальные комитеты по реконструкции, сумели разобрать развалины, спасти и восстановить значительную часть оборудования. Заводы, хотя и не в полном объеме, возобновили работу.

Другим важнейшим пунктом моей программы была борьба в защиту государственной собственности против всех попыток реприватизации, борьба против

стремления союзников, представлявших мощные международные монополии, присвоить себе национальное достояние Италии. Также и в этой битве, отнюдь не второстепенного характера, меня полностью поддерживали Квинтьери и даже Корбино¹⁹, а позднее и другие министры, занимавшиеся экономическими проблемами.

Мы прекрасно знали, что из 50 высших американских офицеров, входивших в состав СКК, по крайней мере 43 являлись сотрудниками крупных монополий США. «Стандард ойл» и «Шелл» вообще были представлены официально. Именно с этими последними нам пришлось выдержать битву, в которой мы тогда победили.

Во время войны фашистский режим конфисковал и экспроприировал предприятия этих монополий в Генуе и Неаполе, но впоследствии они были разрушены во время бомбежек. Ссылаясь на это, наши «друзья» — союзники — потребовали передать им все наши нефтеочистительные заводы. Цели, которые они при этом преследовали, были очевидны: обеспечить себе в будущем контроль и монополию над этим источником энергии также и на итальянской земле. Мы проводили бесконечные встречи, которые умышленно затягивали, не уступая ни в чем. И в конце концов эти грубые поползновения союзников были отбиты. В ходе дискуссий я часто прибегал к банальному образу, который, как мне казалось, вполне соответствовал англосаксонскому мышлению: в результате войны мы сегодня имеем огромную яичницу из всех предприятий. Вы разбили для нее всего два яйца, а хотите съесть все блюдо. Подождите немного: скоро будет заключен мирный договор, и, если у вас на то будет право, вы получите компенсацию — свои два яйца. Но всю яичницу — нет!

Присутствие союзников местные реакционеры нередко использовали для того, чтобы отстоять свои интересы, но, к счастью, не все офицеры оккупационных войск соглашались участвовать в этой грязной игре. Более того, в Союзной контрольной комиссии Салерно было немало молодых офицеров, действительно преданных демократическим идеалам. Некоторые из них довольно хорошо разбирались в финансовых делах и помогали мне.

Католику Фоли, к примеру, всегда можно было сказать: так вы друг мне или не друг? Глейзер придерживался левых взглядов. Еврей по национальности, он, вероятно, сейчас находится в Израиле. Также и с Камарком мы искренне дружили. Иногда они заходили ко мне еще до начала официальных заседаний, сообщая о вопросах, которые будут обсуждаться, а также информируя в доверительной форме о возможных позициях того или иного лица в ходе дискуссии. Они говорили мне также, кого я могу считать другом, а кого нет. В результате я получал возможность подготовиться и лучше защищать итальянские интересы. Молодежь легче находила общий язык, и они высоко ценили мою искренность.

ПРАВИТЕЛЬСТВА БОНОМИ

Старик Донцелли, старший привратник, неизменно ходивший в сюртуке и перевидевший массу министров, все время качал головой: боже, что за времена! И это министры! Вот вам, пожалуйста. Мальчишка, который принимает всех, чаще всего без пиджака, а потом вдруг достает из кармана сухой каштан и начинает его спокойно грызть во дворе. Даже больше того — болтает со служащими!

Я приводил его в отчаяние. И действительно, всякий протокол претил мне. И когда я уходил, то не вызывал его, чтобы он, как было принято, открывал мне дверь лифта. Одну только хорошую вещь принесли нам американцы — презрение к церемониям. Ноги на столе — это, конечно, уж слишком, но вот привычка работать вместе, не обращая внимания на одежду, на звания, — это как раз то, что нужно для встряски мыслящей еще закостенелыми феодальными категориями римской бюрократии.

Работать в Риме, где в июне 1944 года начало свою деятельность первое правительство Бономи, оказалось гораздо сложнее, чем в Салерно. Бюрократический аппарат представлял собой довольно спаянный организм, на практике воплощавший преемственность по отношению к фашистскому государству. Министры были здесь временными людьми, в то время как аппарат оставался неизменным. Ныне, в условиях нового «режима», созданного христианскими демократами

в Италии, некоторые министры тоже добились профсоюзного права на стабильность должности (самое большое — меняют министерство). Тогда же все еще только складывалось, и нас считали чуть ли не «поденщиками».

Римская бюрократия находилась в центре всех интересов и всех махинаций режима: здесь распределялись государственные заказы, готовились проекты законов, которые подсказывали крупные землевладельцы и монополистические группы, а министры лишь подписывали. На следующем этапе Палата фаши и корпораций* подправляла их и придавала им видимость законности.

Салерно олицетворял архаическую Италию, в то время как Рим представлял собою этакую современную смесь феодально-аграрного консерватизма, мафии, строительных и финансовых спекуляций, интриг с целью получения заказов и теплых местечек, растущей активности промышленно-монополистического капитала. Щупальца этого механизма проникали всюду. Откровенно говоря, мы, коммунисты, спаслись от них только потому, что находились в тюрьме. Как же могли спастись другие? Те, кому протезировал и кого бережно хранил до лучших времен Ватикан, представляли, как минимум, отнюдь не всегда духовные интересы Святейшего престола и религиозных благотворительных организаций. «Антифашисты», а точнее, «не фашисты», которые спокойно продолжали вести свои дела, в частности адвокаты, коммерсанты, эксперты по финансовым проблемам, за редкими исключениями все по уши погрязли в делах, связанных с высшей бюрократией, высшими органами правосудия, финансов, делах порой законных, а зачастую и незаконных. Наконец, были и такие, кому всегда удается держаться на поверхности: «антифашисты последнего часа». Некоторые из них, вспомнив, что в 1919 году они посещали кружок Народной партии или других антифашистских движений, всюду хвалились этим, выставя напоказ свои «заслуги». Самые молодые, ставшие «антифашистами» в последний момент, тоже находили для себя место: подкупали какого-нибудь ев-

* Палата фаши и корпораций — новая форма политического представительства, заменившая в конце 20-х годов нижнюю палату итальянского парламента.

рея и говорили, что «спасли» его, или же, находясь во время войны за письменным столом своих загородных вилл, вдруг получали шанс приютить офицера союзнических войск (уже после Освобождения), от которого затем получали свидетельство «о патриотическом» поведении. При этом, разумеется, умалчивалось, что писали они в это время какую-нибудь монографию о фашистской милиции, или о деятельности Большого фашистского совета, или «религиозном сознании» дуче, мечтая таким образом добиться кафедры в университете.

«Будь благославенна эта бомбежка», — думал, должно быть, один известный ныне политический деятель, которому было поручено произнести речь в фашистском духе как раз 25 июля 1943 года. К его счастью, бомбы помешали ему прибыть вовремя в свой городок в области Марке, а когда он добрался туда, радио уже передавало сообщение о государственном перевороте.

Если иметь в виду ту среду, в которую мы попали, нетрудно понять, почему, после того как прошел «великий страх», объектами «чистки» стали не фашисты, а мы сами.

Разумеется, мы не были настолько наивны, чтобы не понимать, что если заместителем министра становится адвокат известного торгаша (против которого даже фашистский режим возбуждал дело в связи со скандалом, связанным со строительством дорог в Эфиопии), то можно было быть уверенным: будет не так-то просто нанести удар по богатствам, награбленным при Муссолини.

Мы прекрасно отдавали себе отчет и в том, что громкие фразы об «Италии — родине права» произносились как раз теми, кто готов был начисто забыть, что право, до вчерашнего дня бывшее фашистским, так и не заменено другим.

Не хуже этого мы понимали и уловки псевдоантифашистов, неудачливых чиновников, преподавателей, лиц свободных профессий, для которых вся чистка имела один-единственный смысл: «Ты должен уйти, потому что твое место займу я». Многие из таких людей пытались оказать давление и на нашу партию, маскируя свои низменные интересы антифашистской вывеской. Правда, от нас они быстро отставали.

Таким образом, борьбу за политическую и нравственную чистку вести на практике было нелегко. Она стоила дорого, и все же ее следовало продолжать. Мы заранее знали, что наш враг начнет изображать коммунистов в качестве кровожадных и мстительных зверей, в то время как все остальные предстанут этакими терпимыми, человечными, все понимающими людьми. Настолько терпимыми, что им легко можно будет подсунуть взятку в обмен на обязательство уничтожить компрометирующие документы.

Мы рассматривали эту борьбу, разумеется, как борьбу политическую, отнюдь не направленную лишь против отдельных лиц. Фашизм был массовым режимом, при котором билет члена партии Муссолини был так же необходим, как и хлеб. Речь, таким образом, не шла о том, чтобы организовать преследование фашистов вообще или же трусливых чиновников, которые, претворяя в жизнь приказы, считали, что выполняют свой долг. Нет, изменить следовало саму систему. Наказанию должны были быть подвергнуты те, кто нес прямую ответственность за фашизм, те немногочисленные люди, которые, однако, представляли собой костяк режима, гарантировали преемственность методов его деятельности. К ним следовало добавить и тех, кто обогащался благодаря диктатуре, независимо от того, были ли они фашистами или нет.

Таким образом, мы считали, что необходимо повести борьбу против тех, кто, занимая высокие должности в фашистской партии, государственном аппарате и руководящих органах финансового капитала, не мог не нести ответственности за преступления режима. Нужно было подвергнуть серьезному наказанию и лиц, непосредственно замешанных в этих преступлениях, чья вина доказана в каждом отдельном случае и на основании сугубо объективных фактов.

Но как раз эта программа и наталкивалась на сопротивление других сил, стремившихся, самое большее, подвергнуть наказанию наиболее скомпрометировавших себя деятелей, сохранив при этом в неприкосновенности саму систему. Козлом отпущения при таком подходе к проблеме становился провинциальный сквадрист, или швейцар министерства, или сторож школы. Все делалось для того, чтобы, не дай бог,

не тронуть крупного политического руководителя, которого позднее мы встретим в качестве секретаря Итальянского социального движения²⁰, или крупного чиновника, или университетского профессора.

Чисткой, как таковой, я лично не занимался. Эти проблемы касались меня лишь постольку, поскольку речь шла о сотрудниках финансового ведомства. Я должен был рассматривать эти дела сам, а затем отсылать всю документацию, касающуюся подследственных чиновников, верховным комиссарам по делам чистки и незаконных обогащений.

Первое дело такого рода, дающее наглядное представление об обстановке, в которой мне приходилось действовать, я получил сразу же по приезде в Рим в качестве заместителя министра в правительстве Бонони.

В тот момент государственные монополии находились на грани развала. Немногие действующие табачные фабрики переживали кризис из-за недостатка сырья, снабжение солью было нерегулярным из-за отсутствия необходимого транспорта. Положение трудящихся оставалось катастрофическим, руководство было дезорганизовано. И причиной этого было то, что некоторые наиболее подготовленные с технической точки зрения кадры уехали на Север. В этой обстановке ко мне пришли представители КНО государственных монополий Рима и предложили назначить генеральным директором некоего инженера Т. Считалось, что он человек способный и издавна придерживающийся антифашистских взглядов. Я выслушал делегатов, встретился и побеседовал с инженером. Но вот беда! Опыт пребывания в тюрьме настолько научил меня распознавать людей, что я сразу понял: «Может, он и антифашист, но для этой должности абсолютно не годится».

Однако Комитет встретил мое мнение в штыки. Тогда я пригласил несколько высших чиновников, коллег инженера Т., а также кое-кого из его начальников. Бедняги! Какие оценки могли они дать, если на протяжении двадцати лет говорили только «да» хозяевам-фашистам? А новым хозяином в данный момент являлся Комитет освобождения.

Даже инженер Р., симпатизировавший нашей партии и руководивший одной важной службой, предпо-

чел промолчать, несмотря на то что я откровенно изложил свои сомнения. (Возможно, они восприняли все это как ловушку с моей стороны.)

Я был убежден в своей правоте и, когда Комитет предпринял новую попытку оказать на меня давление, сказал: «Хорошо. Назначим его исполняющим обязанности, а там будет видно». Уже шесть месяцев спустя всем стало ясно, что я оказался прав. «Исполняющий обязанности», желавший во что бы то ни стало сохранить место, говорил всем лишь «да». И обеспокоенные члены Комитета все более убеждались, что монополия разваливается.

Когда позднее были найдены кое-какие личные документы инженера Т., которые он пытался изъять, выяснилось, что он действительно вышел из фашистской партии в 1924 году, но отнюдь не по политическим соображениям. Позднее, уже в 1938 году, этот инженер, кроме всего прочего, предлагал дуче и Гитлеру некоторые свои «изобретения». Таким образом, и антифашистом его нельзя было назвать.

Как только распространился слух о том, что место генерального директора монополии освободилось, началось что-то невообразимое. Ведь речь шла о важном poste в одном из наиболее крупных государственных предприятий. Со всех сторон на меня посыпались рекомендации, заявки, причем даже от людей, находившихся вне всяких подозрений, которые действовали конечно же «лишь из патриотизма». Были такие, кто предлагал даже работать бесплатно.

Я поблагодарил их за такой патриотизм, но ответил, что не желаю никаких жертв и что еще меньше мне подходит человек, который, заняв это место, искал бы заработок на стороне. С другой стороны, среди людей, работавших в административном аппарате, в тот момент, как мне казалось, вообще не было подходящей кандидатуры. Для предприятия, о котором идет речь, нужен был руководитель, способный мыслить не бюрократическими, а техническими категориями, умеющий действовать самостоятельно. Я намеревался добиться реорганизации монополии именно в этом направлении, отвергая начисто настоячивые предложения о передаче ее или в частный сектор, или ИРИ.

Однажды, когда я осматривал фабрику в Перудже, мне повстречался Пьетро Кова, который тогда руково-

дил филиалом Национального банка труда в этом городе. В свое время мы учились вместе в университете имени Борромео. Это был выходец из очень приличной семьи, циничный по натуре, но тем не менее глубоко порядочный, не фашист, но и не антифашист. Пьетро Кова отличался большой находчивостью (он всегда побеждал меня в фехтовании), и он успел вовремя закрыть филиал банка в Хорватии.

На мое предложение возглавить монополию, он вполне разумно спросил: «Какая зарплата?» Я ответил, что в случае, если мое предложение о выплате генеральному директору монополии специальной зарплаты будет принято (так оно и произошло), то получать он станет больше, чем в банке. Мне казалась справедливой такая система, причем для всех государственных предприятий в целом. В противном случае наиболее способные люди неизбежно уходили бы к частным предпринимателям.

Он согласился. В Совете министров дело было улажено без особых трудностей. Тупини²¹ сразу же сказал: «Ну, раз предложение исходит от Пезенти, то речь идет, конечно, о коммунисте». Но здесь вмешался Гронки²²: «Я знаю этого человека, никакой он не коммунист». И назначение состоялось.

Энергичному Кове удалось очень быстро поправить дела, и монополия начала процветать.

В этом также заключалось отличие между коммунистами и представителями других партий. Мы отбирали людей по их способностям, по их моральным качествам, а не на основе их близости к партии. Более того, в наших сотрудниках мы стремились воспитать способность к критике, прекрасно понимая, насколько важно гарантировать свободу мнений и оценок. Главным элементом плодотворного сотрудничества является искренность, а для того, чтобы сохранить ее, не следует бояться критики.

Мы никогда не прибегали к дискриминации. И в министерствах, тогда руководимых нами, об этом вспоминают и по сей день. Когда я был назначен министром финансов (12 декабря 1944 года), ко мне с заявлением об отставке пришел начальник канцелярии моего предшественника. «Я католик,— сказал он,— и не являюсь членом вашей партии». Это был Антонио Папальдо, человек честный и очень способный, госу-

дарственный советник, а впоследствии председатель Конституционного суда.

«Вы согласны с моей программой?» — спросил я, изложив ему ее в общих чертах. «Да». — «Тогда оставайтесь!»

И он остался. В моем министерстве были сотрудники, представлявшие все политические тенденции. И лишь с приходом к власти христианских демократов факт сотрудничества со мной стал считаться крупной виной. Этим людей начали всячески дискриминировать, задерживать их продвижение по службе.

Что касается нас, то мы в те годы искренне верили в свободу и единство всех честных людей в борьбе за новую Италию — демократическую, идущую по пути прогресса. Мы считали возможным уничтожить гнусную атмосферу продажности, созданную фашизмом, а посему никогда не обращали внимания на то, какой у человека партийный билет: это было бы беспредельной глупостью, тем более что ловкачи часто имели несколько разных.

Я полагал, что в ходе чистки следует относиться с определенной снисходительностью к рядовым фашистам, обманутым режимом, но проявлять максимальную жесткость в случаях коррупции. Мне вспоминается дело одного крупного чиновника (чей сын, кстати, был и остается коммунистом), который согласился — или по слабости характера, или по недомыслию, — чтобы одна из сотрудниц его учреждения, его любовница, брала деньги за переводы чиновников по службе. Ко мне пришла даже жена этого человека, которая стала умолять, чтобы я не подавал на него в суд, а разрешил ее мужу просто уйти в отставку, что в общем-то было возможно.

«Синьора, — сказал я торжественно, — я отдаю должное вашим чувствам, но то, что вы просите, невозможно. Будь ваш супруг просто фашистом, я бы проявил терпимость. Но в данном случае мы должны подать пример всем, с тем чтобы навсегда уничтожить ядовитую поросль коррупции».

На этот раз я был действительно наивен. Что бы я должен был говорить сегодня? Фашистами были все или почти все. Так мог ли не быть членом этой партии высокий чиновник министерства? И что в таком случае мы могли требовать от него?

Однажды случилось так, что союзнические власти арестовали, даже не поставив меня в известность, чиновника, ведавшего финансами Гроссето, которого обвиняли в передаче кассы немцам. Я же знал, что он сделал это под угрозой оружия. Вызвав офицера по связи, я спросил: «Какое вы имеете право подвергать аресту моего подчиненного, не сообщив мне об этом, не дав возможности провести административное расследование? Вам, военным, платят за то, чтобы в случае необходимости вы вели себя как герои. Вы должны быть готовы даже пойти на смерть, но не отдавать кассы. Но заведующему финансовым отделом муниципалитета платят не за геройство. Я требую его немедленного освобождения!» И чиновник был отпущен на свободу.

Столь же нелепо выглядели и другие случаи, которые, впрочем, не касались меня непосредственно. К примеру, освобождение от должности директора-распорядителя Римского банка, которого обвинили в том, что он наводнил Италию плакатами, где римская волчица раздирала на куски британского льва. Другой факт: одного из руководителей Бюро по обмену денег уволили за то, что, следуя приказам своего начальника, он в свое время передал японцам резервы ценной валюты, находившиеся в Латинской Америке.

Война есть война. И конечно, следовало карать совсем иных людей и обосновывать это совсем иными мотивами. Эти же чиновники, о которых идет речь, возможно неспособные и несоответствующие своему посту, становились тем самым козлами отпущения в процессе «внутренней» чистки правящих кругов, чистки, единственной целью которой было сохранение существующей системы. В таком случае на место «вычищенных» приходили деятели того же пошиба, чьей заслугой были лишь более тесные контакты с новыми руководителями.

Люди же, действительно нажившиеся в период фашизма, благодаря новым связям и новым взяткам спокойно продолжали действовать. «Коллеги» по университету, фашисты из шкурных побуждений по-прежнему, как и во времена режима, демонстрировали свою трусость и раболепие. Так, профессор Дж. был директором библиотеки министерства финансов, в связи с чем многие его бумаги хранились в нашем архиве. Из

них явствовало, что он был сквадристом еще до «похода на Рим» и имел множество других аналогичных «заслуг». Когда он пришел ко мне в первый раз, я сказал: «Ничего поделывать не могу. Я обязан передать все эти документы верховному комиссару по чистке». — «Но я же не был сквадристом. Ведь вы знаете, в интересах карьеры... В душе, однако, я всегда разделял социалистические идеалы...»

Он пришел ко мне и позднее, чтобы показать переработанный им курс лекций. «Посмотрите на страницу 45», — сказал он. И я увидел пышные дифирамбы по своему адресу. Прежде он и имени моего не упоминал, а теперь вот цитировал мои старые работы и преувеличенно хвалил их. Разумеется, я немедленно выгнал его, хотя, впрочем, этот тип был не хуже многих других. Когда времена изменились, он не стал мстить мне.

Иное дело другой «коллега»; он на всю жизнь запомнил великий страх, охвативший его в 1945 году, свое трусливое поведение передо мной и никогда не мог простить мне этого. А дело было так.

Будучи министром, я не мог вести штатную преподавательскую работу в университете, а потому попросил разрешения лишь прочитать курс лекций на торгово-экономическом факультете Римского университета. Закончив вводную лекцию, я сказал: основной курс для студентов я начну читать такого-то числа. И тут из зала раздался голос профессора, о котором идет речь: «Для студентов?.. Для нас!»

Его низкопробное подхалимство было продиктовано лишь страхом. Как и многие другие, он получил место в Риме не по решению факультета, а в результате приказа министра и благодаря акробатическим прыжкам от одной дисциплины к другой. Таким образом, он боялся если и не чистки, то, во всяком случае, понижения в должности. Разумеется, впоследствии он стал христианским демократом, опять сделался могущественным «бароном» и никогда не имел неприятностей, как и другие его коллеги, находившиеся в 1945 году в аналогичной ситуации.

С каким сожалением я вспоминал прекрасные времена Бертрандо Спаенты²³, который в 1861 году отправил по домам всех высокотитулованных профессоров и возвратил их на работу лишь после серьезной

проверки их знаний и моральных качеств. Но разве можно было проделать подобную операцию в 1945 году, когда доценты, получившие кафедры благодаря «монографиям», восхвалявшим дуче, добивались каким-то образом свидетельств о «патриотическом поведении», вступали в ХДП и, несмотря на свою скандальную известность, по-прежнему были своими людьми в министерствах уже в новом качестве депутатов?

В таких условиях чистка, конечно, была обречена на неудачу. Мы считали, что ее следует вести на основе объективных критериев, с тем чтобы эти мероприятия выглядели бы не как наказание отдельных лиц, а как политическая кампания, направленная на обновление государственной администрации и всех органов общественной власти. Те же, кто торопился принять в свои ряды все остатки прошлого режима, сохранив в целостности реакционные структуры итальянского общества, выступали за «чистку» лишь в отношении отдельных лиц, наиболее безвредных или получивших слишком громкую известность. Нетрудно понять, почему в этих условиях продолжали спокойно выходить и оставались в руках прежних владельцев газеты, которые на протяжении стольких лет отравляли сознание итальянского народа. После того как страх 1945 года прошел, прежние владельцы вместе со своими подручными снова оказались на коне.

Министерство финансов должно было подготовить закон о «незаконных обогащениях при фашистском режиме», то есть об экономических аспектах чистки. Документы тех лет дают наглядное представление о нашей линии в этом вопросе.

Разоблачая недостойные маневры, которые велись в правительственных кругах с целью саботажа намеченных мер, я писал в «Унита» 31 марта 1945 года: «Закон об обогащениях должен быть, во-первых, органической частью общего закона «О санкциях против фашизма». Если выхолостить из него элемент санкций, сведя все лишь к вопросам налогообложения, то будет искажена сама природа закона, его политическое звучание исчезнет. Во-вторых, реализация закона должна привести к конкретным результатам. Пора уже прекратить дурачить народ игрой в слова. В нашей несчастной стране, где правят крючкотворы, следует добиться введения таких норм, которые не позволи-

ли бы грязным торгашам ускользнуть от ответственности...»

Однако мошенники не складывали оружия, призывая на помощь (они, «патриоты»!) Союзную контрольную комиссию и лично адмирала Стоуна²⁴. Принятие закона постоянно откладывалось, его подготовку бойкотировали, его содержание выхолащивали в результате компромиссов. Бономи из-за своей постоянной нерешительности отказывался подписывать его. В конце концов проект был еще более ухудшен.

Возможно, что эти люди смотрели дальше меня. Ведь устанавливая отнюдь не бескорыстные связи со старыми торгашами, воспитывая новых, они понимали, что законы об объективной ответственности могли в один прекрасный день обернуться против них самих. Когда же все сводилось к таким понятиям, как «злоупотребления», «коррупция», «мошенничество», то это было настолько неопределенным, что они могли чувствовать себя спокойно.

Не удалось нам добиться проведения и налоговой реформы, проект которой я разработал еще в Салерно. До тех пор пока мы предлагали лишь слегка увеличить размеры взносов в казну или же незначительно изменить существующие налоги, с тем чтобы привести государственные доходы в соответствие с новыми потребностями, все шло гладко. Но стоило только намекнуть на необходимость облегчения налогового бремени для беднейшего населения, заставив богачей платить чуть больше или, что еще хуже, заговорить о демократизации всей фискальной системы, с тем чтобы ограничить всевластие государственной администрации (например, путем создания народных налоговых комиссий), как над вами разражалась гроза: сопротивление становилось непреодолимым.

Не вызвала возражений моя «общая программа», даже более широкая, чем та, которую шесть лет спустя осуществил Ванони, но уже предложение создать государственную службу бухгалтерского контроля было слишком неприемлемо для крупных налогоплательщиков, и его похоронили.

Однако еще больший скандал вызвала моя идея о создании налоговых советов и комитетов на выборной основе, что обеспечило бы демократическое участие всех налогоплательщиков в определении размеров до-

ходов и предварительном рассмотрении обжалований. Непосредственное участие трудящихся в определении размеров доходов и в борьбе против уклоняющихся от уплаты налогов было необходимой предпосылкой для действительно демократической реформы всей фискальной системы, в тогдашнем ее виде отвечавшей лишь интересам богатеев и спекулянтов.

Разумеется, эта инициатива произвела впечатление разорвавшейся бомбы. Государственная администрация встретила ее в штыки, что вполне понятно: при новой системе чиновник, устанавливавший размеры доходов, уже не имел бы полной и неограниченной власти, при которой перед ним открывалась возможность действовать по собственному произволу и вступать в соглашения с налогоплательщиком.

Затронуть власть общественной администрации, государства! Конечно, это была слишком «революционная», слишком «демократическая» мера! «Это же инструмент политического преследования!» — вопили консерваторы.

Говорить о том, что налогоплательщик всегда сохраняет свое право на защиту и что, во всяком случае, никто не заставит его платить больше положенного, что, наконец, его непосредственное участие в определении доходов оградит его от принятия решений, дающих привилегии другим лицам, было бессмысленно.

В феврале 1945 года экономическая обстановка еще более ухудшилась, что вызвало обострение и политических отношений, усилило противоречия внутри правительства. Мы, коммунисты, вели борьбу по самым разным направлениям, стремясь положить конец болтовне и добиться своевременного принятия эффективных мер. Нам удалось, к примеру, провести и мое предложение, которое было оформлено в виде закона. Но он остался на бумаге, выборы налоговых советов и комитетов так и не состоялись.

Другой серьезнейшей проблемой была денежная реформа (обмен денежных знаков). Эта операция при условии ее своевременного и умелого проведения, позволила бы, как это произошло в других странах, выявить и покарать лиц, незаконно накопивших крупные средства, и в особенности коллаборационистов. В то же время такая реформа привела бы в порядок денежное обращение, затормозив инфляцию.

Этим вопросом должно было заниматься непосредственно министерство казначейства, однако ряд его аспектов касался и министерства финансов.

Министр казначейства Солери²⁵ высказывался в пользу реформы, в то время как тогдашний управляющий Итальянского банка Эйнауди имел массу сомнений по поводу целесообразности операции. Я, разумеется, был решительно «за».

В начале 1945 года проведение этого мероприятия затруднялось рядом технических причин, объяснявшихся условиями войны, и тем не менее преодолеть препятствия было можно: нужно было лишь желание да решительность, чего большинство членов правительства как раз и не имело.

Реформа, ко всему прочему, дала бы возможность выявить наличие денежных средств в руках отдельных лиц, что беспокоило очень многих. В результате противодействие ей все время возрастало, реформа не была проведена. И в 1946 году либерал Корбино навсегда похоронил саму эту идею.

* * *

Не меньшие трудности приходилось преодолевать и другим коммунистам — членам правительства, причем как в те годы, так и позднее.

Участие в правительстве мы считали необходимым для того, чтобы оказывать влияние на общее направление социально-политического развития Италии. Поскольку парламента тогда еще не существовало, правительство выполняло также законодательные функции. Участие в его работе означало для нас, таким образом, возможность использовать важные рычаги для изменения соотношения сил в стране.

Правительство, иными словами, представляло собой главный политический инструмент, без которого невозможно было бы добиться созыва Учредительного собрания, провозглашения республики, решения в демократическом направлении ряда срочных проблем. Это прекрасно понимали и наши противники, которые не теряли времени даром и, как только представилась возможность, освободились от нашего присутствия на министерских скамьях.

Однако, когда это произошло в мае 1947 года, обстановка в стране уже изменилась — и для нас, и для

противника. Была установлена республика, созван парламент и подписан мирный договор.

Консервативные силы, опомнившись от страха, укрылись под крылышком США и, используя климат «холодной войны», повели борьбу за полное восстановление своей власти и всех капиталистических структур.

Мы же по необходимости перешли в оппозицию, готовя почву для нового наступления.

Находятся люди, которые, рассматривая события тех далеких лет, делают поспешные и догматические выводы о том, что нужно было немедленно произвести революцию, что нам не следовало ни в коем случае входить в правительство и что, уж войдя в него, мы не должны были позволять изгонять себя оттуда. Рассуждая так, они лишь показывают свое поверхностное знание событий того периода, реального соотношения сил (и не только на Юге, но и на Севере Италии; вспомним результаты парламентских выборов 1948 года), международных условий, в которых находилась Италия в период «холодной войны».

С другой стороны, мы, находясь в правительстве, отнюдь не строили иллюзий по поводу возможности изменения соотношения сил в итальянском обществе и самой его структуры лишь путем борьбы «в верхах». Мы ни на минуту не переставали выражать наше несогласие и критиковать правительственное большинство, что, естественно, раздражало многих министров. Одновременно с этим мы продолжали нашу деятельность в массах, мобилизуя трудящихся на борьбу за осуществление лозунгов партии.

Поистине абсурдным и весьма тенденциозным со стороны некоторых «революционеров» является и утверждение о том, что в 1945 году, сразу же после освобождения Севера, мы должны были воспрепятствовать разоружению партизан, пусть даже ценой возобновления боевых действий. В лучшем случае подобное решение привело бы к расколу Италии на две части и кончилось так, как кончилось это в Греции (наших гарибальдийцев насчитывалось лишь 50 тысяч, не более, и они были плохо вооружены).

Я вышел из правительства гораздо раньше других товарищей. Когда после освобождения Севера было создано правительство Парри²⁶, партия сочла необходимым внести изменения в состав своего представи-

тельства в кабинете. Поскольку этот последний все еще сохранял законодательную власть, было решено, что в него войдут товарищи из Руководства партии, а также новые лица — представители Севера.

На мое место Руководство ИКП назначило товарища Скоччимарро²⁷ — вполне логичная замена в тех обстоятельствах, которая не вызвала абсолютно никаких возражений с моей стороны. С точки зрения личной, я также не испытывал сожаления, поскольку министерский пост никогда не льстил моему самолюбию, хотя я и был доволен, что оставляю по себе хорошие воспоминания у своих сотрудников.

Иного мнения придерживалась газета «Рисорджименто либерале» («Либеральное возрождение»), которая выступила с насквозь лицемерным заявлением в мою защиту. В статье, озаглавленной «Молодые и старые», утверждалось, что я не вошел в новое правительство будто бы потому, что в юности был членом фашистской партии.

Однако эта газетенка явно просчиталась. Многочисленные деятели, и в первую очередь сам Парри, новый председатель Совета министров, публично заявили о своей солидарности со мной и осудили этот гнусный выпад. Что касается ИКП, то она тут же выступила со специальным заявлением, написанным лично Тольятти. В нем говорилось:

«Секретариат Итальянской коммунистической партии сообщает:

Одна утренняя газета опубликовала статью, согласно которой товарищ Антонио Пезенти, министр финансов в предыдущем кабинете, не включен в состав нынешнего правительства в связи с тем, что «он был в свое время членом фашистской партии».

Руководство ИКП самым решительным образом опровергает подобное утверждение. Товарищ Пезенти не был включен в состав министров от ИКП лишь потому, что компартии пришлось отказаться от одного из мест, занимаемых ею раньше.

Товарищ Пезенти — один из тех, кто внес крупнейший вклад в борьбу за идеалы антифашизма, последовательным приверженцем которого он был с самого начала.

Руководство Итальянской коммунистической партии, вынужденное временно отказаться от использова-

ния товарища Пезенти в качестве члена правительства, сердечно приветствует его и благодарит за работу, которую он проделал в интересах трудящихся масс и всей нации в качестве министра и которую он будет и впредь вести в рядах авангарда рабочего класса как дисциплинированный и преданный своему делу борец.

Инсинуации и лицемерные слова защиты со стороны тех партий, которые начиная с мая 1944 года держат на определенных постах людей, смещения которых требуют все, не смогут очернить или даже бросить тень на благородную фигуру антифашиста и коммуниста Пезенти».

В заметке, опубликованной рядом с заявлением, рассказывалось о моей антифашистской деятельности и подчеркивалось, что мое вступление в партию Муссолини произошло с полного согласия товарищей по борьбе, которые тем самым старались обеспечить Пезенти возможность продолжать научную деятельность и вести в более благоприятных условиях подпольную борьбу.

На этом кончаются мои воспоминания, но не потому, что в 1945 году закончилась моя политическая деятельность. Я мог бы рассказать о том, что представлял собой летом 1945 года Комитет национального освобождения Северной Италии, о битвах, которые нам пришлось вести, о наших внутренних слабостях, проявившихся на этой специфической арене борьбы...

До тех пор, пока коммунистов не изгнали из правительства, я занимал целый ряд официальных постов. Так, меня включили в состав экономической делегации на переговорах о мирном договоре, затем в 1946—1947 годах я был вице-президентом ИРИ, позднее, уже не занимая видных должностей, основал Экономический центр реконструкции...

Однако это уже события и факты, достаточно описанные в литературе.

Мои воспоминания заканчиваются 1945 годом также и потому, что именно тогда я сделал свой главный выбор, придя к твердому решению возобновить преподавательскую и научную работу. Для того чтобы быть политиком в полном смысле слова, «профессиональным революционером» (что ныне чаще всего означает прозаическую деятельность партийного функционера), следует иметь такие способности и склонности, которыми, как мне казалось, я не обладал в той же мере, как другие товарищи из Руководства партии.

Тольятти поначалу с неудовольствием отнесся к моему решению, но затем, увидев, что это отнюдь не уменьшает мою политическую активность, рассудил, что я поступил верно, и несколько лет спустя, в одном из выступлений на пленуме ЦК чуть ли не строил на этом целое теоретическое рассуждение.

Таким образом, я уже давно вернулся к обычной жизни обычного гражданина, которого лишь условия

бесчеловечного и мерзкого режима, каким был фашизм, вынуждают принимать драматические решения и идти на мятежные поступки, которые порой, в общем-то несправедливо, считают опасными и даже героическими. Я говорю «несправедливо», потому что в действительности никакие тяготы и никакой риск не могут идти в сравнение с теми, что приходится переносить человеку, идущему наперекор собственной совести, трусливо молчащему и ничего не предпринимающему, когда на его глазах совершаются преступления. Бунт всегда предпочтительнее рабства. Гораздо легче вынести тюрьму и другие лишения, являющиеся прямым следствием открытой борьбы, нежели предать самого себя.

Что большинство наших юношей и девушек думает именно так, я глубоко убежден, зная на собственном опыте многих студентов, честных и благородных, которые прошли передо мной за долгие годы преподавания, зная и других молодых людей, которые все это время с энтузиазмом боролись и борются за преобразование мира, за то, чтобы все люди жили жизнью, достойной Человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

Часть I. НАЧАЛО БОРЬБЫ

¹ Итальянская республиканская партия (ИРП) — одна из старейших политических партий. Образована в 1832 году. Республиканцы выступали против участия Италии в первой мировой войне. Однако, будучи организацией малочисленной, практически лишенной опоры в массах, ИРП не смогла внести существенного вклада в политическую борьбу против фашизма. В связи с этим республиканский протест родных А. Пезенти и его самого следует рассматривать как индивидуальный жест, а не отражение действительно боевого движения. С захватом власти фашистами большая часть республиканцев эмигрировала. Представители ИРП участвовали в антифашистской войне в Испании (1936—1939). В Италии республиканская партия возобновила свою деятельность после падения фашизма. Ныне ИРП объединяет часть средней и мелкой буржуазии. Влияние в массах незначительно.

² В 1859 году Пьемонт в союзе с Францией вел войну против Австрии. После того как французские войска разбили австрийцев под Сольферино Наполеон III договорился с Францем Иосифом I об условиях перемирия. Это произошло 11 июля 1859 года. Перемирие было заключено сепаратно от Пьемонта. Стороны обязывались содействовать созданию Итальянской конфедерации под председательством папы римского. Виллафранкское перемирие создавало серьезную угрозу итальянскому национально-освободительному движению. Только решительные выступления народных масс помешали восстановлению в Центральной Италии прежних абсолютистских реакционных режимов.

³ Речь идет о крестьянских выступлениях на Юге, направленных против власти помещиков. Правительство сурово подавляло крестьянские восстания.

⁴ «Республика Салó» — марионеточная профашистская республика, созданная в сентябре 1943 года на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории Италии (официальное название — «Итальянская социальная республика»). Ее главой был Муссолини, а главные министерства находились в городе Салó. Прекратила существование в дни антифашистского восстания в апреле 1945 года.

⁵ Рисорджименто (буквально — Возрождение) — период борьбы итальянского народа за объединение и национальную независимость своей родины (с конца XVIII века). Образование единого итальянского государства завершилось в сентябре 1870 года. В моменты наивысшего подъема народного движения эта борьба принимала характер буржуазной и буржуазно-демократической революции.

⁶ Савойская династия — династия правителей Савойи (с XI века до 1416 г. — графов, с 1416 до 1720 г. — герцогов), королей Сардинского королевства (с 1720 до 1861 г.), королей Италии (с 1861 до 1946 г.). С 1900 по 1946 год итальянский престол занимал король Виктор Эммануил III (1869—1947), запятнавший себя долголетним сотрудничеством с фашизмом.

⁷ Итальянская народная партия («Пополари») — политическая партия итальянских католиков (1919—1926 гг.). Была создана при содействии Ватикана. Непосредственной целью создания партии было объединение разных слоев трудящихся в период начавшегося в Италии революционного кризиса. «Пополари» предлагала свой путь решения этого кризиса, не затрагивающий основ капиталистического государства. В партии было довольно сильное левое крыло, однако решающее влияние на политику оказывали консервативные элементы. Во время фашистского переворота представители Народной партии вошли в правительство Муссолини, но под давлением левого крыла вскоре отказались от сотрудничества с фашистами. После запрещения в ноябре 1926 года фашистами политических партий Народная партия прекратила существование и была воссоздана лишь в 1943 году в виде Христианско-демократической партии (ХДП).

⁸ Умеренные — одна из консервативных группировок конца XIX века.

⁹ Речь идет о забастовке в августе 1922 года, объявленной Союзом труда. Трудящиеся призывались только к выражению законного протеста мирными средствами против усиливающегося фашистского террора. Однако забастовка переросла в вооруженные столкновения с полицией. В разгар борьбы Союз труда объявил о прекращении забастовки, что фактически было ее поражением.

¹⁰ В конце октября 1922 года итальянские фашисты при поддержке всех реакционных сил в стране осуществили захват власти. Для этой цели они объявили мобилизацию фашистских отрядов по всей Италии и сконцентрировали их в нескольких пунктах вблизи Рима, угрожая столице. Король поспешил подписать указ о назначении Муссолини премьер-министром, после чего фашистские отряды вступили в Рим.

¹¹ Маттеотти, Джакомо (1885—1924) — секретарь реформистской Унитарной социалистической партии, депутат парламента, зверски убитый фашистами в июне 1924 года. Это убийство вызвало в Италии острый политический кризис, известный под названием «кризиса Маттеотти».

¹² «Свободная Италия» — автономная организация, отколовшаяся от Ассоциации бывших фронтовиков и занимавшая антифашистские позиции.

¹³ Авентинский блок — политический блок либерально-демократических и социалистических группировок, получивший свое название от Авентинского холма в Риме, куда, по преданию, удалились плебеи Древнего Рима во время борьбы против патрициев. Авентинский блок возник после убийства фашистами депутата-социалиста Маттеотти (10 июня 1924 года), когда все фракции антифашистских партий ушли из парламента и создали Комитет оппозиционных фракций. Авентинский блок превратился фактически во всеитальянский политический центр, на который ориентировались трудящиеся массы и часть средних слоев населения. В стране

создавались благоприятные условия для начала открытой борьбы против фашизма. Коммунисты поддержали создание Авентинского блока и вошли в состав Комитета оппозиционных фракций. Однако их требования о всеобщей политической забастовке и другие предложения были отвергнуты всеми другими партиями, боявшимися роста рабочего движения. Вследствие этого коммунисты покинули Авентинский блок. В 1926 году правительство Муссолини запретило деятельность оппозиции.

¹⁴ Кроче, Бенедетто (1866—1952) — крупнейший итальянский философ, историк, литературовед, публицист. Идеолог и руководитель либеральной партии (в 1943—1947 гг. — ее председатель). За исключением кратковременного периода в начале 20-х годов враждебно относился к фашизму. Однако вместе с тем до последних дней жизни боролся против коммунизма и рабочего движения. В годы фашизма активно проповедовал невмешательство интеллигенции в политику.

¹⁵ Кола ди Риенцо (настоящее имя Никола ди Лоренцо Габрини, 1313—1354) — итальянский политический деятель. Разделял гуманистические идеи Петрарки, мечтал о возрождении былого величия Рима. В 1347 году был провозглашен народным трибуном и повел решительную борьбу с феодалами. Впоследствии, однако, перешел к тираническим методам правления, что привело к восстанию 8 октября 1354 года, во время которого Кола ди Риенцо был убит.

¹⁶ Радецкий, Йозеф (1766—1858) — австрийский военный деятель, фельдмаршал, граф. В 1831—1857 годах — главнокомандующий австрийской армией в Северной Италии. В 1849—1857 годах — генерал-губернатор Ломбардо-Венецианского королевства, входившего в состав Австрийской империи. В 1848—1849 годах руководил подавлением революционного движения в Северной Италии.

¹⁷ Борромео, Карло (1538—1584) — кардинал и архиепископ Милана, активный деятель Контрреформации. Участник Тридентского собора. Для поддержания авторитета католической церкви стремился к улучшению нравов духовенства и укреплению монашеской дисциплины. Способствовал усилению инквизиции. В 1610 году католическая церковь объявила его святым.

¹⁸ Пеллегрини (Пеллегрини ди Тибальдо, 1527—1592) — крупный итальянский художник, живописец-маньерист и архитектор, испытал сильное влияние Микеланджело. Учился в Болонье и в Риме (у Вазари). По приглашению испанского короля Филиппа II строил королевский дворец в Мадриде. Умер в Милане.

¹⁹ Гизльери, Микеле (1504—1572) — деятель Контрреформации, инквизитор-изувер. С 1518 года — доминиканский монах. С 1556 года — епископ Сутри, с 1557 года — кардинал. В 1558 году был назначен великим инквизителем, занимал этот пост при папах Павле IV и Пие IV. В 1566—1572 годах — папа Пий V. Буллой от 21 декабря 1566 года закрепил особое положение папской инквизиции, поставив ее выше папского престола. В 1712 году папа Климент XI объявил его святым.

²⁰ Тридентский собор — XIX вселенский собор католической церкви, заседавший в Триденте (итальянское название — Тренто) в 1545—1547, 1551—1552, 1562—1563 годах и Болонье в 1547—1549 годах. Определил доктрину католицизма времен Контрреформации — реакционного религиозно-политического движения в

Западной Европе XVI—XVII веков. Это движение представляло собой контрнаступление в религиозной форме феодальных сил, пытавшихся упрочить феодализм в эпоху его разложения. Тридентский собор закрепил победу реакционной группировки во главе с иезуитами над течением, искавшим примирения с протестантизмом.

²¹ «Католическое действие» — массовая светская организация, находящаяся под прямым контролем Ватикана. Создана в 1922 году для пропаганды католической веры. Формально провозглашает аполитичность.

²² Иванов В. И. (1866—1949) — русский поэт и драматург. Высшую задачу поэта видел в раскрытии «символов», являющихся зерном религиозного мифа.

²³ Лабриола, Антонио (1843—1904) — философ, публицист, крупный теоретик и пропагандист марксизма в Италии. Принимал активное участие в международном рабочем движении, вел переписку с Ф. Энгельсом. Роль идейного наследия А. Лабриолы весьма велика; оно послужило отправной точкой для дальнейшего развития итальянской марксистской мысли.

²⁴ «Справедливость и свобода» — антифашистское движение, возникшее в 1929 году среди буржуазных и мелкобуржуазных кругов итальянской эмиграции. В 1942 году члены этого движения создали Партию действия, активно участвовавшую в национально-освободительном движении 1943—1945 годов. В послевоенный период эта партия не удержалась на позициях союза с коммунистической и социалистической партиями, претендуя на роль руководителя трудящихся масс. К 1947 году Партия действия распалась; ее левое крыло влилось в ИСП, а правые элементы вошли в республиканскую партию.

²⁵ Маффи, Фабрицио (1868—1955) — один из видных руководителей ИКП. После Ливорнского съезда — один из руководителей фракции «третьинтернационалистов» в ИСП. Член ИКП с 1924 года. С 1926 года находился в тюрьме и ссылке. После падения фашизма — сенатор, член ЦК ИКП.

²⁶ Эрнесто Росси (1897—1967) и Риккардо Бауэр (род. в 1896 г.) — одни из создателей и руководителей движения «Справедливость и свобода». В октябре 1930 года были арестованы во время подготовки террористических акций в Милане. 30 мая 1931 года Особый трибунал приговорил их к 20 годам тюремного заключения.

²⁷ Чева, Умберто (умер в декабре 1930 г.) — профессор химии, участник движения «Справедливость и свобода», снабжавший Росси и Бауэра зажигательными бомбами и симпатическими чернилами. Покончил жизнь самоубийством в римской тюрьме «Реджина Чели», чтобы избежать пыток.

²⁸ Бассанези, Джованни — антифашист, член движения «Справедливость и свобода». 11 июля 1930 года с территории Швейцарии поднялся на самолете и в течение получаса кружил над Миланом, разбрасывая листовки с антифашистскими призывами. Подобная акция полностью соответствовала политике «Справедливости и свободы», считавшей важной задачей перенесение антифашистской деятельности из эмиграции на территорию Италии.

²⁹ В начале 30-х годов руководство Компартии Италии уже отказалось от сектантских позиций, но в среднем и низшем звеньях партии сектантские настроения еще существовали.

³⁰ В плане укрепления фашистской диктатуры в Италии особое значение Муссолини придавал отношениям между фашизмом и церковью в лице Ватикана. В результате длительных переговоров, продолжавшихся два с половиной года, в феврале 1929 года между церковью и государством в Италии были подписаны соглашения, получившие название Латеранских (по месту их подписания). В результате этих соглашений Муссолини добился поддержки своей политики Ватиканом. За это церковь получила преобладающее влияние в школе и в области брачно-семейного законодательства, государство обязалось закрыть доступ к ряду должностей священникам-вероотступникам, следить за тем, чтобы в Риме не происходило ничего такого, что противоречило бы «священному характеру Вечного города».

³¹ ОВРА — тайная полиция фашистского режима.

³² Важнейшей задачей укрепления «нового фашистского государства» Муссолини считал достижение социального мира между предпринимателями и рабочими. Путь реализации этой цели он видел в насаждении так называемых корпораций, то есть объединений предпринимателей и рабочих по отраслевому принципу. При существовании такой системы рабочие организации неизбежно оказывались полностью подчиненными хозяевам и государству.

³³ Сноуден, Филипп (1864—1937) — английский политический деятель. Министр финансов в первом (1924) и втором (1929—1931) лейбористских правительствах. В 1931 году в числе других лейбористских лидеров вошел в состав так называемого национального правительства Дж. Макдональда, заняв в нем сначала пост министра финансов, а затем пост лорда-хранителя печати (с ноября 1931 г.).

³⁴ Луццатто, Фабио, Дино и Лучо — сыновья Бруно Луццатто, известного экономиста из Венеции, покинувшего Италию в 1939 году в связи с ужесточением расистских преследований. Наиболее известен Лучо Луццатто, ставший впоследствии видным социалистом.

³⁵ Ванони, Эцио (1903—1956) — видный деятель Христианско-демократической партии. Входил в правительство в качестве министра финансов и экономики. Автор плана «Схемы развития занятости и доходов в Италии в десятилетие 1955—1964 гг.». Этот план не представлял особого интереса, но свидетельствовал о понимании крупной буржуазией необходимости нового экономического курса страны.

³⁶ Эйнаути, Луиджи (1874—1961) — итальянский экономист и государственный деятель. Один из руководителей Итальянской либеральной партии. В 1947—1948 годах — министр бюджета. В 1948—1955 годах — президент Итальянской Республики.

³⁷ Руффини, Франческо (1863—1934) — итальянский юрист и историк, профессор церковного права в Туринском университете. В 1931 году отказался принести присягу на верность фашистскому режиму и оставил кафедру.

³⁸ Ганди, Мохандас Карамчанд (1869—1948) — выдающийся деятель национально-освободительного движения в Индии.

В 1931 году в качестве представителя партии Индийский национальный конгресс принял участие во Второй конференции «Круглого стола» по вопросам Индии, которые созывались английским правительством для обсуждения вопроса о конституционных реформах в Индии. В своих выступлениях Ганди призывал

к единству представителей различных каст и религий Индии в борьбе за независимость. Однако он не смог добиться согласованных решений.

³⁹ Хайек, Фридрих фон (род. в 1899 г.) — крупный буржуазный экономист, представитель так называемой венской школы. В 20-е годы был директором австрийского Института экономических исследований. В 1931—1940 годах работал в Лондонской школе экономических и политических наук. Переехав в США, преподавал в Чикагском университете.

⁴⁰ Бенедуче, Альберто (1877—1944) — итальянский экономист и политический деятель, представитель реформистского крыла социалистической партии. В 1921—1922 годах — министр труда. Впоследствии перешел на службу фашистскому режиму. В 1933—1939 годах — президент Института промышленной реконструкции. С 1939 года — сенатор. Умер в Швейцарии.

⁴¹ Кейнс, Джон Мейнард (1883—1946) — крупный английский экономист и социолог. В качестве эксперта участвовал в работе ряда международных встреч и конференций. Характеризуя мировоззрение Кейнса, В. И. Ленин еще в 1920 году указывал на его непреклонную решимость защищать капитализм и отмечал его ненависть к большевизму. Концепции Кейнса, по существу, составляют основу многочисленных апологетических теорий «трансформированного капитализма».

⁴² Маккенна, Реджинальд (1863—1943) — английский политический деятель и финансист. Принадлежал к либеральной партии. В 1905—1916 годах входил в состав правительства (морской министр, министр финансов). В годы первой мировой войны ввел протекционистский тариф (пошлины Маккенны). Затем возглавлял один из крупнейших банков — Мидленд-бэнк.

⁴³ В апреле 1925 года английское правительство восстановило довоенный золотой паритет фунта стерлингов (его обмен на золото). Это была попытка вернуть Англии роль мирового финансового центра. Цены на английские промышленные товары на мировых рынках возросли, что подрывало конкурентоспособность английской промышленности. Золотой паритет фунта стерлингов был отменен во время мирового экономического кризиса 20 сентября 1931 года.

⁴⁴ Беверидж, Уильям Генри (1879—1963) — английский буржуазный экономист и государственный деятель. В 1919—1937 годах — директор Лондонской школы экономических и политических наук. С 1937 года — член Британской академии наук. В 1944 году был избран членом парламента от либеральной партии. Президент Королевского экономического общества (1940—1944).

⁴⁵ Дальтон, Хью (1887—1962) — английский экономист и государственный деятель. Принадлежал к правому крылу лейбористской партии. Автор книги «Практический социализм для Британии» (1935 г.). В годы второй мировой войны был министром экономической войны в кабинете Черчилля. В 1945—1947 годах — министр финансов в кабинете Эттли.

⁴⁶ Гобсон, Джон Аткинсон (1858—1940) — английский экономист и реформист. Критикуя в своих трудах империализм, Гобсон утопически призывал возвратиться к условиям домонополистического капитализма, отдельные пороки которого он мыслил устранить путем парламентских реформ. В третьем издании своего основного труда — «Империализм» (1938 г.) солидаризиро-

вался с демократическими силами, боровшимися против фашизма.

⁴⁷ Бономи, Иваноз (1873—1951) — итальянский политический и государственный деятель. Был одним из лидеров реформистского крыла ИСП, из которой был исключен в 1912 году. В 1916—1919 годах — министр общественных работ. В 1920—1921 годах — военный министр. С июля 1921 до февраля 1922 года был премьер-министром. В период фашистского режима не занимался политической деятельностью. В 1943—1944 годах возглавлял Комитет национального освобождения в Риме. С июня 1944 по июнь 1945 года был премьер-министром. В 1948—1951 годах — председатель сената.

⁴⁸ В конце марта 1927 года Всеобщая конфедерация труда совместно с ИСП, с Социалистической партией итальянских трудящихся (социалисты-реформисты), республиканской партией и эмигрантами-масонами из так называемой Лиги прав человека создала новый блок. Его руководящий комитет стал называться «Концентрацией антифашистских действий», или «Антифашистской концентрацией». Главной своей задачей ее руководители объявляли борьбу против фашизма. Участники этого блока встали на республиканские позиции. А. Грамши до своего ареста в предвидении образования такого рода организации выступал за единство действий с нею. Однако полемическая страсть помешала коммунистам четко определить свое отношение к «Антифашистской концентрации», выделив в ее установках позитивные и негативные мелкобуржуазные начала.

⁴⁹ Мизес, Людвиг фон (род. в 1881 г.) — крупный буржуазный экономист. В 1913—1938 годах был профессором Венского университета. С 1940 года живет в США. В своих работах выступает как апологет капитализма, провозглашая его системой, соответствующей естественной природе человека. Многие положения Мизеса подвергаются резкой критике даже буржуазными экономистами.

⁵⁰ Моргенштерн, Оскар (род. в 1902 г.) — крупный американский экономист. Уроженец Германии. С 1938 года работает в Принстонском университете. Получил известность как создатель (вместе с Джоном фон Нейманом) теории игр. Основным пороком концепции Моргенштерна является попытка с помощью математических методов разрешить противоречия капитализма.

⁵¹ Шуцбунд (Союз обороны) — военизированная организация Социал-демократической партии Австрии, созданная в 1923 году по требованию рабочих масс в целях обороны против вооруженных реакционных организаций. Лидеры социал-демократов проводили капитулянтскую политику в отношении реакции, удерживая Шуцбунд от активной деятельности, запрещая прием в него коммунистов. В феврале 1934 года шуцбундовцы многих городов Австрии выступили с оружием против реакции и фашизма. Вместе с ними сражались коммунисты и беспартийные. По вине лидеров социал-демократии это выступление было жестоко подавлено властями.

⁵² Дольфус, Энгельберт (1892—1934) — австрийский политический деятель, один из руководителей реакционной Христианско-социальной партии. В 1932—1934 годах — канцлер и министр иностранных дел. Правительство Дольфуса способствовало фашизации страны.

⁵³ На VII конгрессе Коминтерна (1935 г.) отмечалось, что до

февраля 1934 года Компартия Австрии была маловлиятельной, пропагандистской группой. Лишь после февраля 1934 года КПА превратилась в крупную партию, пользующуюся массовым влиянием. Слабое влияние компартии в массах до 1934 года объяснялось ее сектантской политикой. В ряде случаев компартия неправильно оценивала обстановку и выдвигала лозунги без учета настроения масс и реальных возможностей.

⁶⁴ Паччарди, Рандольфо (род. в 1899 г.) — итальянский политический и государственный деятель. Представитель правого крыла Итальянской республиканской партии. Руководитель гарибальдийских отрядов в Испании. В период режима Де Гаспери — министр обороны. Исключенный из партии в начале 60-х годов, основал маловлиятельное профашистское движение «За новую республику». В последние годы имя Паччарди неоднократно упоминалось демократической прессой в связи с неофашистскими заговорами против республиканского строя.

⁶⁵ Моранди, Родольфо (1902—1955) — один из лидеров левого крыла Итальянской социалистической партии. В 1937 году был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Освобожден в 1943 году. В 1945 году — председатель Комитета национального освобождения Северной Италии. В 1945—1946 годах — генеральный секретарь Итальянской социалистической партии. После освобождения Италии входил в состав нескольких правительств. В 1948—1955 годах — сенатор. С 1949 года — вице-секретарь ИСП.

⁶⁶ Сприано, Паоло — историк-марксист, член ЦК ИКП, автор изданной в Италии «Истории Итальянской коммунистической партии».

⁶⁷ Тремеллони, Роберто (род. в 1900 г.) — итальянский экономист и политический деятель, социал-демократ. В 1947—1948 годах — министр промышленности. В 1954—1955 и 1964—1965 годах — министр финансов. В 1962—1963 годах — министр казначейства. В 1963—1966 годах — министр финансов. В 1966—1968 годах — министр обороны.

⁶⁸ Тревесы — владельцы крупного издательства в фашистской Италии, впоследствии вошедшего в издательство «Гардзанти».

⁶⁹ Боккини, Артуро (умер в 1940 г.) — один из высших руководителей фашистского режима. Выходец из мелкобуржуазных, либеральных кругов. В 1926—1940 годах — бессменный министр полиции в правительстве Муссолини, возглавлял также и ОВРА.

⁷⁰ Де Ман, Гендрик (Анри) (1885—1953) — бельгийский политический деятель, один из правых лидеров Бельгийской рабочей партии (с 1933 до 1939 года ее вице-председатель, в 1939—1940 годах — председатель). После поражения Бельгии в 1940 году распустил Бельгийскую рабочую партию и перешел в лагерь фашистских оккупантов. В 1944 году эмигрировал в Швейцарию, где и погиб в результате несчастного случая.

⁷¹ Зомбарт, Вернер (1863—1941) — немецкий экономист, социолог и историк, профессор. Один из авторов буржуазной теории «организованного капитализма». Выступал против рабочего движения и социализма. В последние годы жизни перешел на позиции фашизма.

⁷² Деа, Марсель (1894—1955) — ренегат французского социалистического движения. В 1933 году вышел из Французской социалистической партии. Эволюционировал от «неосоциализма», из-

ложенного в книге «Перспективы социализма» (1930 г.), к фашизму. С марта 1944 года — министр труда в коллаборационистском «правительстве Виши». В июне 1945 года был заочно приговорен к смертной казни. Умер в Турине.

⁶³ Кальдара, Эмилио (1867—1942) — видный деятель Итальянской социалистической партии в конце XIX — начале XX века. В 1914—1921 годах — мэр города Милана. В 1921 году избирается в палату депутатов и становится заместителем председателя комиссии общественных работ. После роспуска Унитарной социалистической партии много сделал для воссоздания ее на новой основе, однако впоследствии постепенно отошел от политической деятельности, занявшись юридической практикой. Печать вновь заговорила о Кальдаре лишь в 1934 году, когда он предпринял попытку сближения с Муссолини, заявив о поддержке корпоративного государства в силу признания «социалистических элементов», будто бы заключенных в «самой идее корпораций». Эта попытка была в конце концов отвергнута дуче. Несмотря на этот последний этап его политической деятельности, в похоронах Кальдары приняли участие многие тысячи жителей Милана. После Освобождения его прах был перенесен на городское Мемориальное кладбище.

⁶⁴ Ненни, Пьетро (род. в 1891 г.) — итальянский политический и государственный деятель. Политическую деятельность начал в рядах республиканской партии. В 1921 году вступил в ИСП, в 1923—1926 годах — главный редактор «Аванти!». В 1931—1939 годах — генеральный секретарь ИСП и член Исполкома Социалистического рабочего интернационала. В 30-е годы выступал сторонником единства действий с коммунистами, участвовал в антифашистской войне в Испании. В августе 1943 года вновь стал генеральным секретарем ИСП. После освобождения Италии неоднократно входил в состав итальянского правительства (заместитель премьер-министра, министр по делам Учредительного собрания, министр иностранных дел). До середины 50-х годов возглавлял левое крыло ИСП, однако в 1956—1957 годах совершил резкий поворот вправо, выступив одним из инициаторов разрыва единства действий с ИКП. В 1963—1968 годах — заместитель председателя Совета министров в трех правительствах Моро. В 1968—1969 годах — министр иностранных дел в правительстве Румора. В настоящее время — председатель ИСП.

⁶⁵ Фаравелли, Джузеппе (1896—1974) — видный деятель итальянского рабочего движения, социалист. После раскола ИСП в 1922 году вступил в Унитарную социалистическую партию. Внес большой вклад в организацию подпольных антифашистских групп внутри Италии. Неизменно выступал за единство действий социалистов с движением «Справедливость и свобода», исключая в то же время возможность такого сотрудничества с коммунистами. Подобная позиция сближала его с Таской и другими лидерами правого крыла ИСП. В 1942 году был осужден на 30 лет тюремного заключения. В 1944 году совершил побег из тюрьмы. В послевоенный период занимал видные посты в социал-демократической партии, в частности был членом ее руководства, возглавлял орган ИСДП газету «Уманита» («Человечество»). В 1959 году вновь вернулся в ИСП.

⁶⁶ Таска, Анджело (1892—1960) — деятель итальянского рабочего движения. В 1919 году участвовал в создании еженедель-

ника «Ордине нуово», но вследствие серьезных разногласий с большинством редакции вышел из редакции. В 1921 году участвовал в создании Коммунистической партии Италии. С 1923 года — член Секретариата ЦК КПИ. В 1926 году эмигрировал. Исключен из КПИ в сентябре 1929 года как правый оппортунист. Вступил в ИСП. Выступал против единства действий социалистов с коммунистами.

⁶⁷ Сеньи, Антонио (1891—1972) — итальянский политический и государственный деятель. В 20—30-е годы был профессором университетов Перуджи, Кальяри, Павии и Сассари. Участвовал в основании Христианско-демократической партии, принадлежал к ее правому крылу. В 1946—1951 годах — министр сельского хозяйства. В 1951—1954 годах — министр просвещения. В 1955—1957 и 1959—1960 годах — председатель Совета министров. В 1960—1962 годах — министр иностранных дел. В 1962—1964 года — президент Итальянской Республики. В декабре 1964 года вышел в отставку по состоянию здоровья и был назначен пожизненным сенатором.

⁶⁸ Нитти, Франческо Саверио (1868—1953) — итальянский политический и государственный деятель, либерал. С 1904 года был депутатом парламента. Занимал посты министра сельского хозяйства (1911—1914) и министра финансов (1917—1919). В 1919—1920 годах был премьер-министром и министром внутренних дел. После прихода фашистов к власти эмигрировал из Италии. С 1948 года — сенатор.

⁶⁹ Модильяни, Джузеппе Эмануэле (1872—1947) — один из наиболее видных представителей реформистского крыла Итальянской социалистической партии. Откровенный противник революционного рабочего движения, выступавший с резкими нападкамии на Октябрьскую революцию. В 1926 году эмигрировал во Францию. Вернулся на родину в 1944 году. После раскола ИСП в 1947 году возглавил парламентскую фракцию Социалистической партии итальянских трудящихся.

⁷⁰ Сарагат, Джузеппе (род. в 1898 г.) — итальянский политический и государственный деятель. С 1922 года был членом Унитарной социалистической партии. В 1926—1943 годах находился в эмиграции. В 1944 году — министр без портфеля. В 1946—1947 годах был председателем Учредительного собрания. В 1947 году основал Социалистическую партию итальянских трудящихся (ныне — Итальянская социал-демократическая партия). С 1947 по 1964 год (за исключением периодов участия в правительстве) — политический секретарь ИСДП. В 1963—1964 годах — министр иностранных дел. В 1964—1971 годах — президент Итальянской Республики. Ныне председатель Итальянской социал-демократической партии.

⁷¹ Де Стефани, Альберто — деятель фашистской партии, неоднократно входивший в состав правительства Муссолини. Был членом Большого фашистского совета.

⁷² Руджиненти, Палланте — один из молодых руководителей Всеобщей конфедерации труда, находившихся в эмиграции.

⁷³ Лупис, Джузеппе (род. в 1896 г.) — итальянский правый реформист. В 60—70-х годах неоднократно входил в состав правительства.

⁷⁴ Дженнари, Эджидио (1876—1942) — видный деятель Итальянской социалистической партии, ее генеральный секретарь

с января 1920 до января 1921 года. Будучи членом левого крыла ИСП, вел активную борьбу против центристов и реформистов. В 1921 году стал одним из создателей КПИ. В 1921—1922 и 1924—1926 годах — депутат парламента. В 1921—1926 годах — член ЦК КПИ. В 1921—1922 годах — член Президиума ИККИ. В 1922—1924 годах — член Исполкома Коминтерна. В 1924—1928 годах — член Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна. С 1926 года по решению партии находился за границей. Умер в СССР.

⁷⁵ Джуа, Ренцо — итальянский антифашист. Погиб во время национально-революционной войны в Испании в феврале 1938 года.

⁷⁶ Серени, Эмилио (1907—1977) — видный деятель Итальянской коммунистической партии. С 1936 года был членом ЦК КПИ и главным редактором журнала «Стато операйо». С 1945 года — член Руководства ИКП. В 1946—1947 годах — министр послевоенного обеспечения. В 1947 году — министр общественных работ. В 1949—1955 годах — генеральный секретарь Итальянского комитета сторонников мира. С 1966 года — директор теоретического органа ИКП «Критика марксизма». Автор ряда работ по экономике и аграрному вопросу в Италии.

⁷⁷ Ричард I Львиное Сердце (1157—1199) — король Англии (1189—1199) из династии Плантагенетов. Вел непрерывные войны, чуждые интересам Англии. Участник третьего крестового похода (1189—1192). Убит во Франции.

Часть II. В ТЮРЕМНОМ «УНИВЕРСИТЕТЕ»

¹ В связи с итальянской агрессией против Эфиопии государства, входившие в Лигу наций, приняли решение о применении против Италии экономических санкций. Это решение, вступившее в силу 18 ноября 1935 года, предусматривало запрет импорта любых товаров из Италии и экспорта товаров стратегического назначения. Запрещалось также предоставление Италии кредитов. На деле решение о санкциях носило в значительной степени фиктивный характер, и крупные западные фирмы при попустительстве своих правительств продолжали оживленную торговлю с фашистской Италией.

² Иньяцио Силоне (Секондино Транкуилли, род. в 1900 г.) — участник итальянского рабочего движения и писатель. Был членом Политбюро КПИ, исключен в 1931 году из партии за правый уклон. После этого вступил в ИСП. С того времени постоянно выступает с откровенно антикоммунистических, антисоветских позиций. С 1930 года находился в Швейцарии, где опубликовал роман «Фонтамара». После падения фашизма вернулся в Италию, был депутатом Учредительного собрания и редактором «Аванти!». После раскола ИСП перешел к социал-демократам.

³ Пеллико, Сильвио (1789—1854) — итальянский писатель и журналист, общественный деятель. В своих статьях выражал вольнолюбивые взгляды и пропагандировал идею объединения Италии. Прославился трагедией «Франческа да Римини» (1815 г.). Как участник заговора карбонариев в 1820 году приговорен к 15 годам тюремного заключения. Освобожденный в 1830 году, отошел от политической деятельности и работал библиотекарем.

Основное сочинение Пеллико «Мои темницы» (1832 г.) имело большой успех и было переведено на все европейские языки.

⁴ Витторини, Элио (1908—1966) — один из крупнейших писателей и деятелей культуры современной Италии. Его книга «Беседы на Сицилии» (1941 г.) оказала большое влияние на рост антифашистских настроений. Активный участник движения Сопротивления, которое нашло отражение в его романе «Люди и не люди» (1945 г.). Многие произведения Витторини переведены на русский язык.

⁵ Турати, Филиппо (1857—1932) — итальянский политический деятель, идеолог реформизма. До первой мировой войны и после нее — лидер правого крыла Итальянской социалистической партии. В 1896—1926 годах — депутат парламента. После раскола ИСП в 1922 году возглавил реформистскую Унитарную социалистическую партию. В 1926 году эмигрировал во Францию, где продолжал антифашистскую деятельность.

⁶ 9 мая 1936 года после захвата Италией Эфиопии король Виктор Эммануил III был провозглашен императором Эфиопии.

⁷ Сольми, Арриго (1873—1944) — итальянский историк права, был профессором в университетах Кальяри, Сиены, Пармы, Павии и Рима. С 1924 года — депутат. В 1932—1935 годах — заместитель министра просвещения. В 1935—1939 годах — министр юстиции. Сенатор.

⁸ Мафиози — члены тайной организации — мафии, которая для достижения своих целей в той или иной сфере экономики или политики прибегает к методам принуждения и насилия, террора и убийств. Под давлением демократических сил итальянское правительство в 50-х и 60-х годах пошло на создание «Антимафии» — официального органа борьбы с этой преступностью. В ходе исследований был блестяще подтвержден тезис, выдвинутый в целом ряде документов компартии, о том, что мафия в своей деятельности опирается на попустительство определенных сфер высшего государственного и политического аппарата и именно это гарантирует ее существование. Связи некоторых буржуазных деятелей с главарями мафии стали столь очевидными, что правящие круги поспешили принять меры для ограничения деятельности «Антимафии», для придания ее работе негласного характера.

⁹ Мори, Чезаре — префект полиции в Сицилии, получивший известность после того, как в 1926 году произвел многочисленные аресты среди мафиози. Однако фашистский режим не мог уничтожить мафию.

¹⁰ Торричини, Альберто — активист компартии, в 1935 году вместе с другими видными антифашистами был схвачен полицией и осужден Особым трибуналом на 21 год тюремного заключения.

¹¹ Эстремадура — область на западе Испании.

¹² «Стальной пакт» был подписан между нацистской Германией и фашистской Италией 22 мая 1939 года в Берлине. Этот договор оформил военный союз двух агрессивных государств.

¹³ Феррара, Франческо (1810—1900) — известный итальянский экономист, сторонник концепций экономического либерализма и прагматизма. В 1867—1880 годах — депутат. С 1881 года — сенатор.

¹⁴ Пайетта, Джанкарло (род. в 1911 г.) — видный деятель Итальянской коммунистической партии. В 1927 году был впервые арестован за распространение антифашистских листовок и

приговорен Особым трибуналом в связи с несовершеннолетием к двум годам тюремного заключения. По выходе из тюрьмы занялся подпольной работой. С 1931 года в Париже руководил Федерацией коммунистической молодежи. В 1934 году во время пребывания в Италии был арестован и приговорен к 21 году тюремного заключения. Пробыл в тюрьме около 10 лет. После падения фашизма — член Комитета национального освобождения Северной Италии и Главного командования Корпуса добровольцев свободы. После освобождения Италии был первым секретарем Миланской федерации ИКП. С 1945 года — член Руководства ИКП. Неоднократно возглавлял еженедельник «Ринашита» и газету «Унита».

¹⁵ Каччапуоти, Сальваторе — деятель Итальянской коммунистической партии. В течение длительного времени, в том числе и в период Сопротивления, был одним из руководителей Неаполитанской организации партии. В настоящее время — член президиума Центральной контрольной комиссии ИКП.

¹⁶ Натолл, Альдо (род в 1913 г.) — врач, вступил в ИКП в 1938 году. Был редактором «Унита», издававшейся в подполье. В 1946—1951 годах — руководитель Римской федерации ИКП. Был членом ЦК ИКП, депутатом парламента. Исключен из партии вместе с группой «Манифесто» в 1969 году.

¹⁷ Макиавелли, Никколо (1469—1527) — итальянский писатель, историк, политический деятель эпохи Возрождения. Наиболее значительное политическое сочинение Макиавелли — «Государь» (1513 г.), в котором выдвигалась необходимость создания нового государства. Политическим идеалом Макиавелли была умеренная демократическая республика, однако ее осуществление он считал возможным лишь путем установления сильной деспотической власти. Для этого, по мнению Макиавелли, были оправданы все средства.

¹⁸ Речь идет о буржуазно-помещичьей Польше, правители которой проводили враждебную СССР политику. В 1926—1935 годах диктатором Польши был маршал Юзеф Пилсудский (1867—1935).

Часть III. В СВОБОДНОЙ ИТАЛИИ

¹ Спаллоне, Джулио — деятель Итальянской коммунистической партии. В 1939 году был приговорен Особым трибуналом к 17 годам тюремного заключения. Активный участник движения Сопротивления. Ныне — член ЦК ИКП, председатель Национальной лиги кооперации.

² Грациани, Родольфо (1882—1955) — один из главных итальянских военных преступников, маршал. Во время итало-эфиопской войны 1935—1936 годов командовал южной армией. В 1939—1940 годах — начальник штаба сухопутной армии. В 1940—1941 годах — главнокомандующий итальянскими войсками в Северной Африке. В 1943—1945 годах — военный министр так называемой «Итальянской социальной республики». В 1948 году был приговорен к 19 годам тюремного заключения, но в том же году амнистирован. С 1950 года был почетным председателем неофашистской партии Итальянское социальное движение.

³ Бадольо, Пьетро (1871—1956) — итальянский военный и государственный деятель, маршал. В 1935—1936 годах был главнокомандующим итальянскими войсками в итало-эфиопской вой-

не. В 1937—1940 годах — начальник генерального штаба итальянской армии. В 1943—1944 годах был премьер-министром Италии.

⁴ Шельба, Марио (род. в 1901 г.) — итальянский государственный деятель, один из лидеров правого крыла ХДП. Во второй половине 40-х годов и первой половине 50-х годов неоднократно занимал пост министра внутренних дел, насаждая полицейские порядки в стране. В 1954—1955 годах — председатель Совета министров Италии.

⁵ Спано, Велио (1905—1964) — деятель итальянского рабочего и коммунистического движения. Член ИКП с 1923 года. В 1926—1927 годах был членом секретариата молодежной коммунистической федерации Турина. В 1927—1932 годах находился в тюремном заключении, а затем эмигрировал. Участник национально-революционной войны в Испании. С 1943 года возглавлял партийные организации ИКП в освобожденных районах. В 1943—1964 годах — член ЦК ИКП, в 1943—1960 годах — член Руководства ИКП. В 1944—1947 годах — политический директор газеты «Унита». Депутат Учредительного собрания, с 1948 года — сенатор. С 1959 года был генеральным секретарем Итальянского движения сторонников мира.

⁶ В Салерно (близ Неаполя) 30—31 марта 1944 года под председательством П. Тольятти состоялось заседание Национального совета ИКП. Значение его состоит в том, что на нем была разработана политика, направленная на создание широкого национального фронта борьбы за освобождение страны. ИКП не ставила задачу осуществления социалистических преобразований в ходе самого Соппротивления. Главной задачей этого этапа коммунисты считали национальное освобождение и ликвидацию фашизма, что позволило бы установить режим прогрессивной демократии и тогда уже решить вопрос о форме правления в Италии. (Более подробно о «повороте в Салерно» см. в предисловии, стр. 14—15.)

⁷ Сфорца, Карло (1872—1952) — итальянский политический и государственный деятель, дипломат. На дипломатической службе находился с 1896 года. В 1920—1921 годах — министр иностранных дел. В 1922 году — посол в Париже. После прихода фашистов к власти подал в отставку и остался в изгнании за границей. В 1943 году вернулся в Италию. С мая 1944 года возглавлял верховную комиссию по санкциям против фашистов. В 1945—1946 годах — председатель Консультативной ассамблеи. В 1947—1951 годах — министр иностранных дел. Способствовал вовлечению Италии в НАТО.

⁸ Аранджо-Руиц, Винченцо (род. в 1884 г.) — видный деятель либеральной партии, восстановленной после падения фашизма в 1943 году под руководством Б. Кроче. Известный юрист. Преподавал римское право в университетах Перуджи, Кальяри, Мессины, Модены, Неаполя и Рима. В коалиционном правительстве Бадольо занимал пост министра юстиции. С июня 1944 года до декабря 1945 года — министр просвещения в правительствах Бономи и Парри.

⁹ Де Никола, Энрико (1887—1959) — итальянский буржуазный политический деятель, крупный адвокат. С 1909 года — депутат. В 1920—1923 годах — председатель палаты депутатов. 28 июня 1946 года был избран временным главой итальянского государства. В январе — мае 1948 года — президент Итальянской

Республики. С 1951 года — пожизненный сенатор. В 1951—1952 годах — председатель сената.

¹⁰ 3 сентября 1943 года представители правительства Бадольо и Объединенных Наций подписали так называемые краткие условия перемирия, в результате чего германские войска начали наступление и оккупировали всю Северную и Центральную Италию. В ночь на 9 сентября, когда гитлеровцы были уже у ворот Рима, король и несколько министров покинули столицу и укрылись в Пескаре под покровительством союзников.

¹¹ Умберто, принц Пьемонтский (род. в 1904 г.) — сын короля Виктора Эммануила III. С 5 июня 1944 года до 9 мая 1946 года — королевский наместник. После отречения Виктора Эммануила III от престола 9 мая 1946 года провозглашен королем Италии под именем Умберто II. После провозглашения Италии республикой находится в эмиграции.

¹² Амендола, Джованни (1886—1926) — итальянский политический деятель, публицист. С 1919 года — депутат парламента. После первой мировой войны возглавил левое крыло либеральной партии. В 1924 году стал одним из лидеров антифашистского Авентинского блока, после поражения которого занял либерально-республиканские позиции. Эмигрировал во Францию. В июле 1925 года был жестоко избит фашистской бандой. Вскоре умер.

¹³ Нальди, Пиппо — заместитель министра в правительстве Бадольо. Его имя было в центре скандала, связанного с расследованием обстоятельств убийства Matteotti.

¹⁴ Партия «Демократия труда» возникла в августе 1943 года. Ее лидер Ивано Бонноми хотел объединить в рядах одной организации всех антифашистов — от либералов до социалистов. Этот план не удался. «Демократия труда» стала известной политической силой лишь на Юге страны и в Риме.

¹⁵ Гадзера, Пьетро — военный деятель Италии. До 1933 года — военный министр. С 1933 года — заместитель военного министра.

¹⁶ Чанка, Альберто — крупный деятель Партии действия, представитель ее революционного крыла на Юге страны. В момент переговоров о создании коалиционного правительства в апреле 1944 года резко выступил против кандидатуры Бадольо, не считаясь с тем, что ее поддерживали союзники.

¹⁷ Квинтьери, Квинто — итальянский банкир. Был генеральным директором Коммерческого банка.

¹⁸ Чинголани, Марио — деятель Христианско-демократической партии. В верховном комиссариате по дефашизации был назначен ответственным за отдел по конфискации прибылей, полученных благодаря фашистскому режиму. Это назначение было критически воспринято левыми силами, поскольку Чинголани связывала личная дружба как раз с теми представителями состоятельных слоев, которые в период фашизма еще более обогатились.

¹⁹ Корбино, Эпикармо (род. в 1890 г.) — итальянский политический деятель и ученый. Независимый либерал. Министр казначейства во втором правительстве Де Гаспери (с июля 1946 г.). Левые силы выступили с резкой критикой финансово-экономической программы Корбино, который считал обмен денег и введение чрезвычайного налога на имущество невозможным. По требованию левых сил Корбино был вынужден 2 сентября 1946 года уйти в отставку.

²⁰ Итальянское социальное движение (ИСД) — неофашистская партия, созданная в 1946 году. Ныне называется Итальянское социальное движение — Национальные правые силы.

²¹ Тупини, Умберто — итальянский государственный деятель. С июня 1944 по июнь 1945 года был министром юстиции в правительстве Бономи.

²² Гронки, Джованни (род. в 1887 г.) — итальянский политический и государственный деятель. В 1919 году участвовал в основании Народной партии. В 1924 году примкнул к Авентинскому блоку. В период движения Сопротивления был представителем ХДП в КНО. В 1948—1955 годах — председатель палаты депутатов. В 1955—1962 годах — президент Итальянской Республики.

²³ Спавента, Бертрандо (1817—1883) — итальянский философ-гегельянец, долгое время был профессором философии в Неаполитанском университете.

²⁴ Стоун, Эллери (род. в 1894 г.) — американский военный деятель и промышленник, контр-адмирал. В 1944—1947 годах возглавлял Союзную контрольную комиссию в Италии.

²⁵ Солери, Марчелло (1882—1945) — итальянский государственный деятель, видный представитель либеральной партии. В 1920—1921 годах — заместитель морского министра. С июля до октября 1922 года — военный министр. В 1944—1945 годах был министром казначейства в правительствах Бономи и Парри.

²⁶ Парри, Ферруччо (род. в 1890 г.) — один из создателей движения «Справедливость и свобода» и Партии действия. Видный руководитель движения Сопротивления на Севере Италии (псевдоним — Маурицио). В июне — декабре 1945 года — премьер-министр Италии. Депутат Учредительного собрания. Председатель парламентской группы независимых левых.

²⁷ Скоччимарро, Мауро (1895—1972) — видный деятель Итальянской коммунистической партии с момента ее основания. В 1924—1925 годах работал в Исполкоме Коминтерна. Был арестован в ноябре 1926 года и осужден на 20 лет. Освобожден в августе 1943 года. Активный участник движения Сопротивления. Представитель ИКП в Комитете национального освобождения Северной Италии. В 1944—1947 годах входил в состав правительств Бономи, Парри и Де Гаспери. Депутат Учредительного собрания, сенатор (1948—1953, 1958—1972), депутат парламента (1953—1958). Член Руководства ИКП. В 1956—1969 годах — председатель ЦКК ИКП.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>С. И. Дорофеев</i>)	1
Часть I. НАЧАЛО БОРЬБЫ	19
Первые решения	—
В университете Павии	32
В Европе	53
Полиция	65
В Париже и Сассари	71
Международный конгресс в Брюсселе	78
Часть II. В ТЮРЕМНОМ «УНИВЕРСИТЕТЕ»	86
Арест	—
В тюрьме «Реджина Чели»	89
Процесс	95
В тюрьме	101
Товарищи	109
Год в Фоссано	116
В Чивитавеккьи	124
Товарищи, которых уже нет	134
Суровые годы	139
В Сан-Джиминьяно	146
Часть III. В СВОБОДНОЙ ИТАЛИИ	151
Сентябрь 1943 года	—
В «Южном королевстве»	163
Конгресс в Бари	175
В Салерно	187
Правительства Бономи	196
Эпилог	213
Примечания (<i>А. А. Веселицкий</i>)	215

Антонио Пезенти
УНИВЕРСИТЕТЫ ЖИЗНИ
Борьба антифашиста

Сокращенный перевод с итальянского
А. А. ВЕСЕЛИЦКОГО

Сверку перевода провели
И. В. ГРИГОРЬЕВА и К. Г. ХОЛОДКОВСКИЙ

Заведующий редакцией
К. Н. СВАНИДЗЕ

Редактор
Н. В. ПОПОВ

Младший редактор
Е. Б. САЛЫНСКАЯ

Художник
Ю. С. МУРАВЬЕВ

Художественный редактор
В. И. ТЕРЕЩЕНКО

Технический редактор
Л. К. УЛАНОВА

ИБ № 16

Сдано в набор 11 февраля 1977 г. Подписано в печать
26 апреля 1977 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 1. Условн. печ. л. 12,39. Учетно-изд. л. 12,95.
Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 1516. Цена 65 коп.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

65 коп.

Издательство политической литературы